ОЧЕРКИ
РУССКИХЪ НРАВОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.



ОЧЕРКИ
РУССКИХЪ НРАВОВЪ,

ИЛИ

ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА И ИЗНАНКА

РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

Сочиненіе Ѳ. Булгарина.

Съ картинками, рисованными на камнѣ В. Тимомъ, литографированными Г. Полемъ.

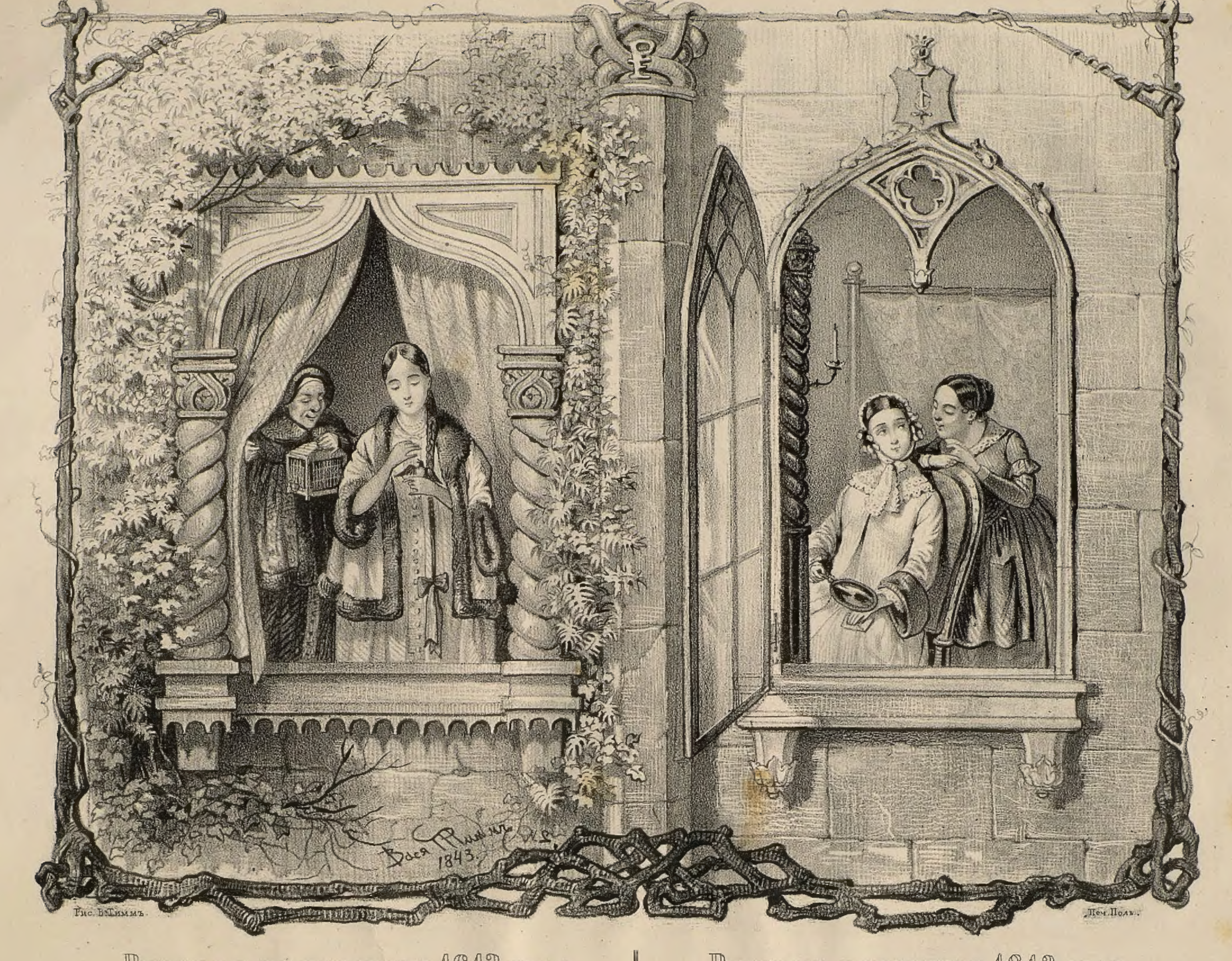


САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Эдуарда Праца.
1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Декабря 22 дня 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.



Русская боярышня 1643 года. | Русская барышня 1843 года.

ДВѢ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ.

I.

БОЯРЫШНЯ, 1643 ГОДА.

Теремъ боярышни.

Съ восхожденіемъ солнца няня входитъ въ опочивальню боярышни, которая сидитъ на скамейкѣ, покрытой ковромъ, передъ маленькимъ зеркальцемъ, и расправляетъ свои длинные волосы. Няня цѣлуетъ сперва руку боярышни, потомъ въ лице, дуетъ на нее, оплевывается, креститъ ее и шепчетъ, въ предостереженіе отъ *дурнаго глаза* и *уроковъ*.

Няня, *(любуясь боярышнею.)* Ахъ, ты мое красное солнышко, моя голубушка! Какъ она хороша! Кровь съ молокомъ! На всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ краше тебя, мое дитятко, моя ты дорогая жемчужина!....

Боярышня. Полно, полно, добрая нянюшка, гдѣ мнѣ равняться съ другими! Посмотрѣла бы ты, что за красавицы собираются на вечеринкахъ въ царскомъ теремѣ, у царевны! А какъ поютъ эти красны-дѣвицы — словно соловушки!

Няня. Да ужъ нѣтъ такого соловушка, когда ты зальешся, мое дитятко.... А хорошо ли ты почивала?....

Боярышня. Не то чтобы хорошо, не то чтобы дурно. Да постой, прежде надобно умыться, да Богу помолиться, а потомъ ужъ толковать о житейскомъ. *(Боярышня умывается, потомъ накидываетъ на себя легкую кофту, становится передъ образами и молится, съ земными поклонами. Няня крестится, время отъ времени, и любуется своей питомицей.)*

Боярышня. Принеси, нянюшка, ковшикъ парнаго молока, да вели дѣвушкамъ подавать одѣваться. Батюшка и матушка

скоро проснутся — хочется поздравить ихъ съ праздникомъ. (*Няня уходитъ, а боярышня развертываетъ на налоѣ книгу и говоритъ*): Болѣе нежели за жизнь, обязана я батюшкѣ за то, что онъ выучилъ меня грамотѣ. Какая радость! Вотъ и сегодня, прочту въ Четьи Минеи, да поразскажу матушкѣ.... Жаль только, что подруги завидуютъ моей грамотности — и еще намѣдни, когда Царь потрепалъ меня по щекѣ и назвалъ грамотѣйкою, я замѣтила, что иныя дѣвушки косо посмотрѣли на меня, а Княжна Хворостинина даже не утерпѣла и заставила другихъ смѣяться на мой счетъ, назвавъ меня *дьякомъ-дѣвкою!* Да Богъ съ ними! Вольно же имъ не учиться грамотѣ, а мнѣ право веселѣе съ грамотою, чѣмъ съ иными подругами!... А что *онъ* думаетъ.... вѣдь *онъ* знаетъ, что я грамотная.... Да думаетъ ли *онъ* обо мнѣ!...

(*Входитъ няня, съ кружкою молока, и дѣвушки съ платьемъ. Боярышня ласково привѣтствуетъ служанокъ, которыя ей низко кланяются. Одна дѣвушка убираетъ голову и заплетаетъ косу. Двѣ дѣвушки держатъ платье — и потомъ одѣваютъ боярышню.*)

Боярышня (*покушавъ молока, отдаетъ кружку нянѣ*). Спасибо, нянюшка! Благодарствую, добрыя дѣвушки! Какъ вы хорошо сшили мнѣ этотъ сарафанчикъ!.... Матушка порадуется моей обновѣ. (*Боярышня идетъ къ расписному нѣмецкому сундуку, прикрытому ковромъ, вынимаетъ нѣсколько кусковъ широкихъ лентъ и даетъ каждой дѣвушкѣ по куску, сколько нужно для вплетанія въ косу. Сперва даетъ ленты швеямъ.*)

Боярышня. Возьмите, дѣвушки, на праздникъ! Вы меня порадовали обновкою — а вотъ и вамъ гостинецъ!.... (*Дѣвушки цѣлуютъ руку боярышнѣ. Обращаясь къ дѣвушкѣ, причесавшей ее, она треплетъ ее ласково по щекѣ и говоритъ съ улыбкою*): А вотъ и тебѣ, Дуня, чтобъ потѣшить тебѣ на разставаньѣ, съ твоими *сиротками!* (*Дуня также цѣлуетъ руку боярышнѣ.*) Ступайте, дѣвушки, да принарядитесь къ обѣднѣ — а ты, Дуня, останься!

(*Двѣ дѣвушки уходятъ.*)

Няня. Нешто! Пойти и мнѣ надѣть новую кичку... Праздникъ, такъ и встрѣчать день по-праздничному!....

(*Боярышня переходитъ въ другую свѣтлицу. Дуня и няня идутъ за ней.*)

Боярышня. Дуня, сними всѣ четыре клѣтки! (*Дуня снимаетъ ихъ съ окна, и ставитъ на столъ. Боярышня открываетъ окно, беретъ одну птичку въ руку, и говоритъ.*) Потѣшила ты меня, малюточка, въ скучную осень и въ холодную зиму... Жила ты у меня затворницей, безъ отца, безъ матери, безъ малыхъ дѣтокъ.... безъ друга милаго!... Лети и пой въ чистомъ полѣ.... Прощай! (*Боярышня цѣлуетъ птичку и выпускаетъ на волю; потомъ отпираетъ другія клѣтки и также выпускаетъ птичекъ.*) Прощайте, сиротинушки! (*Слеза катится по лицу боярышни.*)

Дуня (*всхлипывая*). Жалко, боярышня!....

Боярышня. Дурочка, ты бы плакала, когда мы посадили ихъ въ неволю....

Дуня. Да вотъ и у васъ, боярышня, слезы на глазахъ! а вѣдь я ихъ каждый день кормила и поила!....

Боярышня. Полно, полно.... вѣдь за то я тебѣ подарила ленту, чтобъ ты не плакала.... Грѣхъ держать птичекъ въ заперти, на весну....

Дуня (*отирая слезы*). Старые люди говорятъ, что выпущенныя на волю птички, приведутъ въ домъ суженаго....

Боярышня (*покраснѣвъ*). Пустое говоришь, Дуня.... объ этомъ я не читала въ книгахъ.... Дуня, пробѣжимъ по саду!....

Дуня. Еще сыро, боярышня!....

Боярышня. Какая нужда.... такъ и пашетъ тепломъ! Сорвемъ хоть молодой травки, когда нѣтъ еще цвѣтовъ.... Подай мнѣ черевики, съ крѣпкими подошвами.

Свѣтлица Князя-боярина, отца боярышни.

(*Онъ сидитъ въ зипунѣ на скамьѣ, возлѣ стола, а княгиня, его супруга, передъ нимъ, на табуретѣ — и утираетъ слезы.*)

Князь. Вѣдь нашей Настенькѣ уже минуло восемнадцать лѣтъ, такъ чего далѣе откладывать! Родъ Князей Долгоруковыхъ знаменитый и отличается честностью, прямодушіемъ, мужествомъ въ бояхъ, правдою въ судахъ.... Князь Василій видный, статный дѣтина, умный и добрый человѣкъ.... Отецъ его клянется и божится, что его княжичъ умретъ съ горя, когда не женится на нашей Настенькѣ.... Она ему давно уже приглянулась....

Княгиня. Да вѣдь она у насъ одна одинёшенька, одна радость наша!... Возьмутъ ее отъ меня — вырвутъ сердце!....

Князь (*улыбаясь*). Возьмутъ не въ Татарскій полонъ, а въ честный княжескій теремъ.... на радость, на веселіе.... на процвѣтаніе рода нашего!.... Дастъ Богъ, доживемъ съ тобою до внучатъ!....

Княгиня (*улыбается сквозь слезы*). До внучатъ!.... Ахъ, Спаситель.... Сердце замираетъ!.... Ну что, если бъ Князь Василій согласился жить съ нами, въ нашемъ домѣ?....

Князь. Объ этомъ можно поговорить послѣ — а начинать съ этого нельзя! Князь Василій Ивановичъ, человѣкъ важный: онъ не согласится, чтобъ сынъ его пошелъ въ пріемыши!.... Да только успокойся.... все уладится къ лучшему.... А вотъ и наша сердечная!

(*Входитъ боярышня, крестится передъ образами, потомъ кланяется въ поясъ отцу и матери. Родители благословляютъ дочь. Отецъ цѣлуетъ ее въ голову, мать прижимаетъ къ сердцу.*)

Княгиня. Моя ты ненаглядная, моя ты ласточка, да хранитъ тебя Господь!... (*Утираетъ слезы.*)

*

Князь. Садись, Настенька!... *(Боярышня садится на скамью.)*

Княгиня. Поближе ко мнѣ, мое дитятко, дай насмотрѣться на себя, мой маковъ цвѣтъ!

Князь. Послушай, душа моя, Настя! Мы съ Княгиней моей старѣемся, пора подумать, какъ пристроить тебя, по закону Божію и по обычаю отцевъ нашихъ..... *(Боярышня краснѣетъ и потупляетъ глаза.)* Ты знаешь, что суженаго конемъ не объѣдешь — а вотъ нашелся и для тебя суженый.... *(Боярышня начинаетъ плакать, закрывая лице рукавомъ. Княгиня, смотря на дочь, также всхлипываетъ.)*

Князь. Что это вы вздумали?.... Матушка-Княгиня, какъ тебѣ не стыдно! Настя.... чего ты плачешь!....

Боярышня *(плача)*. Какъ мнѣ разставаться съ батюшкой и съ матушкой!....

Князь. Эхъ.... что за пустяки! Вѣдь ты будешь жить не за горами, не за морями, а въ одномъ городѣ съ нами, въ святой Москвѣ — на одной даже улицѣ — а и по деревнямъ-то суженый твой, нашъ сосѣдъ. *(Боярышня закрываясь рукавомъ рубахи — вдругъ быстро взглядываетъ на отца.)*

Боярышня. Сосѣди наши.... Князья Долгоруковы?....

Князь. Ну да!... А женихъ твой, Князь Василій.... *(Боярышня снова закрываетъ лице, краснѣетъ, но уже не плачетъ; а мать бросается къ ней на шею, плачетъ и приговариваетъ разныя нѣжности.)*

Князь. Вѣдь ты знаешь, Настя, Князя Василія?

Боярышня. Прошлаго лѣта, въ Преображенскомъ, когда, по волѣ Государевой, мы играли въ разныя игры и золото хоронили, Князь Василій Васильевичъ говорилъ со мною и спрашивалъ: правда ли, что я знаю грамотѣ и пишу узористо киноварью....

Князь. Ну, каковъ тебѣ онъ показался?

Боярышня. Какъ я смѣю выбирать!... Ужъ коли такова воля Божья и родительская.... *(Бросается въ ноги отцу и матери. Родители снова благословляютъ ее.)*

Князь. Ступай же въ свой теремъ, Настя — а ко мнѣ сей-часъ будутъ гости.... Мы уже ударили по рукамъ, съ старикомъ Княземъ — а теперь познакомимъ васъ.... Ты, матушка-княгиня, приготовь закусочку! *(Всѣ расходятся.)*

Теремъ боярышни.

(Боярышня входитъ въ теремъ. Няня смотритъ на нее пристально и начинаетъ креститься.)

Няня. Съ нами крестная сила! Господи, помилуй! Что съ тобою, боярышня... Здорова ли ты?....

Боярышня. Ничего, нянюшка... такъ... пройдетъ! Голова немножко закружилась... Батюшка объявилъ.... что я.... невѣста!...

Няня (*бросается на колѣни передъ образами и бьетъ земные поклоны; потомъ подходитъ къ боярышнѣ и цѣлуетъ руку.*) Ахъ, Господи, дождалась я свѣтлаго дня! Теперь умру спокойно!.... А сказалъ ли батюшка, кто женихъ?....

Боярышня (*потупя глаза*). Князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ!....

Няня. Ахти! Ну такъ! Да вѣдь ты его имя вспоминала во снѣ, когда прошлаго лѣта воротилась изъ Преображенскаго, и захворала, бѣдненькая!....

Боярышня (*бросается на шею нянѣ*). Не говори этого никому, не говори, нянюшка.... я сгорю отъ стыда!....

Няня. Послѣ свадьбы ужъ можно будетъ сказать Князю Василью Васильевичу.

Боярышня. Ради Бога, не говори! Что онъ обо мнѣ подумаетъ!

Сѣнная дѣвушка (*на порогѣ*). Князь и Княгиня просятъ васъ, боярышня, пожаловать къ нимъ....

Боярышня. Ахъ, какъ страшно! Няня, ступай со мной.... боюсь, чтобъ не обомлѣть....

Няня. Не оставлю тебя, дитятко! Пойду съ тобой на край свѣта!

Княжескіе покои.

(*За столомъ сидятъ отецъ боярышни и отецъ Князя Василья. Поодаль, на скамьяхъ, сидятъ мать боярышни и мать Князя Василья, который стоитъ въ отдаленіи. Входитъ боярышня, крестится передъ образами, и кланяется на всѣ стороны, потупя глаза.*)

Князь. Поди сюда, Настя! Вотъ тебѣ второй твой отецъ, а вотъ вторая твоя мать!....

(*Мать боярышни встаетъ съ мѣста, и подводитъ Настю къ отцу и матери жениха. Боярышня кланяется имъ въ поясъ — а они благословляютъ ее. Отецъ боярышни встаетъ и беретъ ее за руку.*)

Князь. Подойди ко мнѣ, Князь Василій Васильевичъ! (*Князь подходитъ и кланяется въ поясъ.*) Вотъ тебѣ жена.... Люби ее, какъ велитъ законъ, а ты, дочь, повинуйся мужу, какъ сказано въ писаніи. (*Князь кладетъ руку невѣсты въ руку жениха, и обращаясь къ отцу жениха, говоритъ:*) Пойдемъ же теперь въ мою домашнюю церковь: тамъ уже ждетъ насъ отецъ Иванъ съ кольцами и образами....

Теремъ боярышни.

(*Сѣнныя дѣвушки поютъ пѣсни, подруги боярышни подтягиваютъ или лакомятся. Няня разноситъ подносъ со сластями, а боярышня ходитъ за ней и проситъ подругъ покушать. Сѣнныя дѣвушки перестаютъ пѣть.*)

Одна изъ подругъ. Давайте, сестрицы, просо сѣять!

Всѣ. Хорошо, давайте! (*Раздѣляются на два хоровода.*)

Первый хороводъ (*поетъ*):

А мы просо сѣяли, сѣяли!
Ой дидъ-ладо, сѣяли сѣяли!

Второй хороводъ.

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ!
Ой дидъ-ладо, вытопчемъ, вытопчемъ! и т. д.

(*Часы съ кукушкой бьютъ девять часовъ. Пѣсни и игры прекращаются.*)

Первая гостья. Пора домой, дѣвушки! Ахъ, какъ запоздали!

Всѣ. Пора, пора!

Боярышня. Да посидите, сестрицы!

Всѣ. Поздно, поздно, пора домой! Прощай Пастя, прощай! (*Цѣлуются и въ сопровожденіи своихъ нянекъ выходятъ на крыльцо, гдѣ ихъ ожидаютъ колымаги и щегольскія телѣжки.*

Боярышня (*одна*). Дѣвушки, раздѣвайте меня.... Помолиться — да и спать!.... поздно!

II.

БАРЫШНЯ, 1843 ГОДА.

=

Утро.

Барышня, (*лежа въ постелѣ, звонитъ. Входитъ служанка, и поднявъ сторы, приближается къ постелѣ*).

Барышня. Посмотри, который часъ, Маша!

Маша. Перваго четверть....

Барышня. Какъ *рано!... я* думала уже поздно. Каково *я выгляжу?* (Петербургскій Русскій языкъ).

Маша. Очень хорошо-съ.... немножко блѣдноваты....

Барышня. Подай зеркало! (*Смотрится въ зеркало.*) Маша, мнѣ кажется, что я желта! Глаза что-то у меня вялы....

Маша. Ничего, ваше сіятельство.... пройдетъ! Сегодня такая прекрасная погода. Покатаетесь въ саняхъ, погуляете по Англійской Набережной, такъ опять все будетъ попрежнему....

Барышня. Ахъ, какъ я измучена! Вальсы, галопы, мазурки до пяти часовъ утра... а тамъ предлинный ужинъ; потомъ опять вздумали-было танцовать.... а я, вообрази, не пропустила ни одного танца.... молодежь не отстаетъ!....

Маша. Еще бы! Да много ли такихъ красавицъ на свѣтѣ, какъ ваше сіятельство!....

Барышня (*улыбаясь*). Тебѣ такъ кажется! А другіе ужасно расхваливаютъ Княжну Биби.... есть даже и такіе, которые въ восторгѣ отъ Баронессы, этой черномазенькой козявки!.... А ужъ что находятъ въ Графинѣ Лоло.... не постигаю!

Маша. Да кто это говоритъ! По ихъ вкусу — они лучшаго и не стоятъ!... Присягнуть рада, что ни Княжна Биби, ни черномазенькая Баронесса, ни увертливая Графиня, съ роду не нравились и не понравятся такому молодцу, каковъ, напримѣръ, Князь Иванъ Ивановичъ....

Барышня. Вчера не далъ мнѣ покою своими комплиментами, и замучилъ танцами!....

Маша. А сегодня ужъ два раза былъ здѣсь, справляться о вашемъ здоровьѣ.... безпокоится, сердечный, что много танцовать изволили, не простудились ли....

Барышня. Вотъ каковъ!....

Маша. Я не смѣю сказать.... боюсь.... чтобъ вы на меня не изволили разгнѣваться....

Барышня. Что такое.... говори....

Маша. Боюсь.... вы разгнѣваетесь....

Барышня. Говори, дурочка, не стану гнѣваться....

Маша. Онъ былъ такъ грустенъ, такъ печаленъ, такъ упрашивалъ меня.... почти со слезами... что я не могла отказать ему... и взяла отъ него письмо....

Барышня. Къ кому?

Маша. Къ вашему сіятельству....

Барышня. Ты глупо сдѣлала.... но я обѣщала не сердиться.... Такъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ грустенъ?....

Маша. Хуже чѣмъ грустенъ.... самъ не свой!

Барышня. Покажи-ка письмо.... только, смотри, не говори, что ты отдала мнѣ.... скажи, что ты не посмѣла, одумалась и бросила письмо въ каминъ.... слышишь ли!

Маша (*весело*). Слушаю-съ! (*Торопливо вынимаетъ письмо изъ передника, и подаетъ барышнѣ.*)

Барышня (*взявъ письмо*). Что — это, Маша.... при письмѣ.... сто рублевая ассигнація!....

Маша. Извините, ваше сіятельство.... я въ-торопяхъ вынула вмѣстѣ съ письмомъ... бумажка видно пристала къ облаткѣ....

Барышня. Откуда же у тебя столько денегъ?.... Ужъ не Князь ли Иванъ Ивановичъ подарилъ тебя?....

Маша. Онъ такой добрый!....

Барышня. Ахъ, ты плутовка! (*Хохочетъ.*) Такъ тебѣ моя красота приноситъ доходы!....

Маша (*цѣлуетъ руку барышни*). Извините, простите, ваше сіятельство!.... я не могла отказать.... Онъ такой добрый и такъ влюбленъ въ васъ, что право жалко...

Барышня. То есть, жалко тебѣ было отказаться отъ ста рублей.... (*Смѣется.*)

Маша. О, нѣтъ-съ, ваше сіятельство.... но бѣдный Князь чуть не плакалъ....

Барышня (*читаетъ письмо и улыбается*). Охъ, какъ пламенно! Ужъ вѣрно выписалъ все это изъ *Матильды* или другаго какого романа.... Comme c'est drôle! — Маша!... Онъ, просто, сумасшедшій! Если бъ ты знала, что онъ тутъ пишетъ....

Маша. Да ужъ если не отъ васъ съ ума сойти, такъ отъ кого жъ и сходить!....

Барышня. Неужели ты вѣришь, что онъ такъ сильно влюбленъ въ меня, какъ пишетъ?....

Маша. Такъ вѣрю.... что ни во что крѣпче не вѣрю! ...

Барышня. Но говорятъ, что имѣнье его разстроено, что есть долги отцовскіе.... и что онъ самъ порядочно мотаетъ...

Маша. Не вѣрьте, сударыня! Къ намъ ходитъ его камердинеръ.... Онъ сказывалъ намъ, что его баринъ такой порядочный, такой экономный....

Барышня. Экономный... также не очень хорошо! Я не очень жалую *экономныхъ* муженьковъ.... Да есть ли что?....

Маша. Вотчины пребогатыя, все оброчныя, и денежки ведутся въ ломбартѣ.... а сколько, слышно, брилліянтовъ послѣ матушки и бабушки....

Барышня. Правда ли?....

Маша. Да изъ чего же лгать-то камердинеру? Вѣдь слуги между собою не скрытничаютъ, а ужъ если правду сказать, такъ камердинеръ — влюбленъ въ нашу Аннушку — и ей высказалъ все....

Барышня. Ну, хорошо!

Маша. А съ письмецомъ-то что будетъ?...

Барышня. Вѣдь я тебѣ говорила....

Маша. Онъ право умретъ съ горя!.... Боюсь, чтобъ не кинулся въ Неву!

Барышня. Не бойся!.... Онъ пойметъ дѣло.... Впрочемъ, я дамъ ему почувствовать сегодня, что письмо не пропало.... только ты дѣлай, что я тебѣ приказала.... а не то, можешь все испортить. Теперь такъ ведется, что мужчина долженъ *знать* и *не знать*, что письмо его принято.... Понимаешь ли, дурочка! Онъ не только по первому моему слову, но по первому взгляду догадается, что я прочла письмо.... а похвастать этимъ не можетъ.... Теперь, страшнѣе всего *хвастунишки!*.... Я хочу сперва испытать Князя...., Это будетъ для меня забава, въ нынѣшнюю зиму.... а онъ же превосходный танцоръ!.... Но пора вставать! Готова ли ванна?.... У меня всѣ косточки болятъ отъ этихъ танцевъ....

Маша. Ванна готова.....

(Барышня встаетъ съ постели и садится за туалетъ.)

Барышня *(передъ зеркаломъ)*. Ни за что не поѣду завтра на *танцовальное утро* къ.... посланнику! Надобно посидѣть дни три дома.... Маша!.... Я право желта!.... Тридцать баловъ.... почти сряду одинъ за другимъ!.... Нѣтъ силъ выдержать!....

(Входитъ мадамъ Жирофль, бывшая гувернантка княжны, а нынѣ компаніонка, (dame de compagnie) княгини и притомъ на пенсіи. Разговоръ по-французски.)

Барышня. Сжальтесь надо мною, любезная мадамъ Жирофль! Посмотрите, на что я похожа!....

Мадамъ Жирофль. На себя, т. е., на красавицу....

Барышня. Полно-те.... я похожа на апельсинъ....

Мадамъ Жирофль. C'est le mot! Вы такъ апетитны, какъ апельсинъ....

Барышня. Вамъ шутки, а мнѣ плакать хочется!

Мадамъ Жирофль. Я вовсе не шучу.... Этотъ цвѣтъ лица къ вамъ *идетъ* чрезвычайно (буквальный переводъ: ça vous va à merveille)! Это модный цвѣтъ лица! Не-

ужели вы хотите походить на эту раздутую баронессу, съ вывѣсочнымъ лицемъ (figure d'enseigne)! Перестаньте! Вы милы.... какъ нельзя больше, и если бъ я была кавалеромъ.... то сей-часъ бросилась бы къ ногамъ вашимъ....

Барышня. Милая мадамъ Жирофль — поцѣлуйте меня! (*Обнимаются.*) — Но я такъ измучена танцами, что во мнѣ кости болятъ.... Думаю, что ванна мнѣ поможетъ....

Мадамъ Жирофль. Я бы вамъ не совѣтовала.... можете простудиться! Лучше вытереться о-де-колономъ и поѣхать гулять, въ саняхъ.... Завтракали ли вы?

Барышня. У меня нѣтъ ни къ чему апетита....

Мадамъ Жирофль. Все равно.... выпейте чашку чаю.... одѣньтесь, и передъ самою прогулкою выкушайте чашку крѣпкаго бульона, съ спущеннымъ яйцемъ.... и выпейте рюмку вина. Это васъ укрѣпитъ, а воздухъ подѣйствуетъ на цвѣтъ лица....

Барышня. Хорошо.... благодарю за совѣтъ. Маша, скажи дворецкому, что мнѣ надобна пара лошадей въ саняхъ.... чтобъ онъ распорядился.... (*Маша уходитъ.*)

Барышня. Знаете ли, мадамъ Жирофль, что Князь Иванъ (le prince Jean) писалъ ко мнѣ!.... Много храбрости, не правда ли?

Мадамъ Жирофль. Что жъ, вѣдь надобно же когда нибудь начать съ начала (commencer par le commencement)! Завидная партія!....

Барышня. Ужъ и партія!... Будто одинъ Князь Иванъ влюбленъ въ меня! Мнѣ есть изъ чего выбирать!...

Мадамъ Жирофль. А что говоритъ ваше сердце?....

Барышня. Мое сердце — ничего не говоритъ и ничего не скажетъ!... Влюбляться въ жениха позволено только мѣщанкамъ (à des petites bourgeoises), Вертеровымъ Шарлотамъ и героинямъ романовъ.... Кстати о романахъ!.... Нѣтъ ли чего новенькаго?

Мадамъ Жирофль. Слишкомъ интереснаго.... въ родѣ Матильды, нѣтъ ничего.... однако жъ есть кое-что занимательное!

Барышня. Пожалуйста, прочтите и разскажите мнѣ, чтобъ мнѣ можно было отвѣчать, когда заведутъ рѣчь о новыхъ французскихъ романахъ.... Надѣюсь, что вы поѣдете со мною прогуляться....

Мадамъ Жирофль. Очень рада.... мнѣ надобно только сходить къ княгинѣ — а вы пока одѣньтесь....

Барышня. Поцѣлуйте отъ меня маменьку, и скажите ей bon jour.... Мнѣ такъ тяжело ходить по лѣстницѣ....

Передъ обѣдомъ.

(Бьетъ половина шестаго. Гости сидятъ или расхаживаютъ по комнатамъ, разговаривая между собою. Хозяинъ дома разговариваетъ въ полголоса съ генераломъ. Входитъ барышня. Весь разговоръ по-французски — и по смыслу стиха Грибоѣдова (въ Горе отъ ума) : Нѣтъ Русскаго словца!...)

Барышня *(подходитъ къ отцу, беретъ, по-англійски, за руку и пожавъ ее говоритъ)* : Bon jour, papa!....

Отецъ. Bon jour, Sophie! Здорова ли ты?....

Барышня. Какъ видите! *(Подходитъ къ матери, сидящей на софѣ и прикоснувшись губами только къ чепцу, изъ опасенія, чтобъ поцѣлуемъ не снять бѣлилъ, говоритъ)*: Bon jour, maman! *(Мать, кивнувъ только головою, съ улыбкою, продолжаетъ свой разговоръ съ пожилою дамою. Барышня отходитъ, здоровается, по-англійски, съ нѣсколькими подругами.... Нѣсколько камеръ-юнкеровъ и офицеровъ окружаютъ княжну и ея подругъ.)*

Камеръ-юнкеръ. Довольны ли вы остались вчерашнимъ баломъ?

Барышня. C'était charmant!

Камеръ-юнкеръ. Согласитесь, однако жъ, что карикатуръ было довольно! Можно бы составить пребогатый альбомъ!

Барышня *(съ улыбкою)*. Vous êtes méchant!....

Офицеръ. Правда, графъ владѣетъ удивительнымъ искусствомъ дѣлать изъ своихъ баловъ родъ птичника, въ которомъ между золотыми колибри и блистательными кардиналами.... вороны и сороки.... *(Всѣ смѣются.)*

Барышня. Полно-те злоязычничать! Графъ долженъ приглашать, хотя однажды въ зиму, сосѣдокъ своихъ по деревнямъ, провинціяльную аристократію....

Офицеръ. Я не говорю о томъ, что̀ онъ долженъ и чего не долженъ дѣлать... но согласитесь, что эти народы ужасно смѣшны!

Барышня *(съ лукавою улыбкою)*. Mille pardon! Чѣмъ же смѣшны эти двѣ дѣвицы, съ двумя тысячами душъ приданаго — каждая, которыя, какъ уточки, бѣгали послѣ каждаго контрданса, къ своей толстой маменькѣ, изнемогавшей подъ тяжестью своего тока, нагруженнаго брилліянтами! Дѣвочки очень милы!...

Камергеръ. Для водевиля!...

Барышня. Развѣ мамзель Сихлеръ виновата, что онѣ не умѣютъ одѣваться?... Платье на нихъ было безподобное....

Графиня Анета. Оно было бы лучше на стѣнѣ....

Барышня. А я вамъ никогда не прощу, Графъ, что вы нарочно мучили эту бѣдную провинціялочку вальсами и галопами, замѣтивъ, что она не очень ловко танцуетъ...

Графъ. Напротивъ, если вы принимаете въ ней участье, то должны благодарить меня за то, что я съ такимъ самоотверженіемъ соблюдалъ тактъ и за нее и за себя!...

*

Барышня. Вотъ, напримѣръ, Prince Jean велъ себя пребезподобно.... ни разу не оглянулся, не улыбнулся.... не такъ, какъ вы, господа насмѣшники!....

Князь Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ счастье быть вашимъ кавалеромъ, а потому я ничего не видалъ и не слыхалъ....

Барышня. Vous êtes bien galant!...

Князь Иванъ Ивановичъ. Только чистосердеченъ!

(*Слышенъ голосъ камердинера: Vous êtes servis! т. е., кушанье подано.*)

Барышня (*подаетъ руку Князю Ивану Ивановичу*). Мы сядемъ вмѣстѣ....

(*Всѣ идутъ въ столовую.*)

Обѣдъ.

(*Обѣдъ за-просто, на двадцать четыре куверта. Пожилые люди разговариваютъ о погодѣ, повышеніяхъ и наградахъ. Дамы о современныхъ происшествіяхъ гостиныхъ, о модахъ и о Москвѣ.... т. е., объ оставшихся въ провинціи родныхъ. Это* необходимый *предметъ разговора! Дѣвицы разговариваютъ или съ своими кавалерами, или между собою, о всякой всячинѣ.*)

Князь, хозяинъ дома (*къ офицерамъ*). А что, господа, не получили ли вы писемъ съ Кавказа, отъ товарищей? Не слышно ли чего о моемъ сынѣ? Говорятъ, тамъ было жаркое дѣло.... а онъ ничего къ намъ не пишетъ.... Я слыхалъ, что онъ ходилъ въ экспедицію....

Офицеръ. Въ Лейбъ-Гусарскомъ Полку получено недавно письмо, но о вашемъ Базилѣ — ни словечка....

Князь, хозяинъ дома. Я ужасно безпокоюсь о лошади Базиля, за которую я заплатилъ, какъ вамъ извѣстно, 14,000 рублей!.... Мы послали ее въ деревню.... и она тамъ захворала....

Офицеръ. Жаль потерять такую лошадь!...

Гость, пожилой человѣкъ. И у меня сынъ на Кавказѣ... Я крайне безпокоюсь!... говорятъ тамъ свирѣпствовала горячка, нынѣшнею осенью....

Князь-хозяинъ. Это былъ капризъ вѣтреника Базиля, послать лошадь въ деревню.... Если эта лошадь тамъ издохнетъ, то я рѣшительно не куплю другой такой.... Пусть ѣздитъ на доморощеныхъ....

Княгиня-хозяйка. Говорятъ, тамъ живутъ очень весело, на Кавказѣ....

(*Общій разговоръ опять прекращается.*)

Князь Иванъ Ивановичъ (*барышнѣ*). Что вы теперь читаете?

Барышня (*съ лукавою улыбкою*). Все... кромѣ *рукописей!*...

Князь (*понявъ, что письмо его прочтено*). А я, напротивъ... за одну строчку милой руки.... я, подобно Омару, сжегъ бы всѣ книги въ мірѣ!...

Барышня (*пріятно улыбаясь и ласково смотря на Князя*). А если бъ эта строчка была вамъ неблагопріятна?....

Князь. Тогда бы я умеръ съ нею.... и только!

Барышня. На картинѣ или въ стихахъ?....

Князь. Нѣтъ въ прозѣ.... бросившись въ толпы Черкесовъ....

Барышня. А мы поздравили бы васъ... съ Георгіемъ!

Князь. Вы немилосердно шутите надо мною!

Барышня. Ни сколько!... Но я знаю настоящую цѣну словъ и.... *рукописей*.... Это игрушки.... романъ въ дѣйствіи.... который бросаютъ неоконченнымъ....

Князь. А если бъ вы были въ подобномъ положеніи, какой жертвы потребовали бы вы для доказательства, что буквы и слова не игрушки, а истина!

Барышня. Я не люблю ни какихъ жертвъ.... Если бъ я была мужчиной, я была бы математикомъ!...

Князь. Если бъ я могъ надѣяться!...

Барышня. Помилуйте.... какъ въ ваши лѣта, въ вашемъ положеніи.... отвергать надежду! Это было бы даже смѣшно!...

Князь. Какъ бы я былъ счастливъ, если бъ могъ поговорить съ вами подробнѣе... чтобъ намъ не мѣшали....

Барышня. Вы знаете, что я не застѣнчива и въ увѣренности, что отъ васъ нельзя ничего иначе услышать, какъ только умное, пріятное и благородное — я готова быть повѣренною.... ужъ право не знаю чего.... тайны, что ли! (*Хохочетъ.*)

(*Встаютъ изъ-за стола. Барышня подаетъ одну руку Князю, а другую подругѣ, чтобъ прекратить начатый съ Княземъ разговоръ. Перейдя въ другую комнату, барышня вмѣшивается въ толпу, и отдаляется отъ Князя. Общій разговоръ.*)

Лакей (*подходитъ къ барышнѣ, и говоритъ въ полголоса*). Маша проситъ ваше сіятельство по важному дѣлу.

(*Барышня выходитъ въ послѣднюю комнату, изъ которой лѣстница во второй этажъ.*)

Маша. Нашъ *музыкантикъ* воротился.... онъ проситъ меня, на колѣняхъ, доложить вашему сіятельству.... Бѣдняжка испугался, думая, что его мѣсто занято....

Барышня. Гдѣ жъ онъ былъ такъ долго?....

Маша. На своей сторонѣ.... у родителей.... Какъ онъ выровнялся.... Такой, право!...

Барышня. Пусть посидитъ съ часикъ, въ твоей комнатѣ... Скажи ему, что я приду и.... пройду съ нимъ — гамму....

Маша. Какъ-съ?...

Барышня. Гамму... да ужъ онъ знаетъ... догадается... Ступай!...

Балъ.

Барышня (*въ мазуркѣ, сидитъ на стулѣ. За стуломъ ея танцоръ, камергеръ*). Неужели у васъ нѣтъ другаго разговора, какъ о Князѣ?...

Камергеръ. Кажется, предметъ и *высокій* и *богатый*, два аршина тринадцать вершковъ роста, и четыре тысячи душъ....

Барышня (*смѣясь*). Что жъ вы забыли взвѣсить — сколько пудъ и фунтовъ?... Злоязычникъ!...

Камергеръ. Вѣсъ придастъ ему прекрасная жена.... Ему только и недостаетъ жены-красавицы.... и немножко ума!....

Барышня. Ужъ это слишкомъ! Я за него вступлюсь!

Камергеръ. Развѣ для того, чтобъ подтвердить слухи?...

Барышня. Какіе, напримѣръ?...

Камергеръ. Говорятъ, будто Князь скоро объявленъ будетъ женихомъ...

Барышня. Что жъ тутъ мудренаго!....

Камергеръ. Я совершенно согласенъ съ вами, что на это не надобно ни сколько премудрости.... Но чтобъ быть женихомъ такой невѣсты, какъ напримѣръ.... вы.... то надобно, по крайней мѣрѣ, много счастья!...

Барышня. Комплиментъ или насмѣшка?...

Камергеръ. Ни то, ни другое...

(*На нихъ приходитъ очередь танцовать — разговоръ прерывается.*)

Барышня (*по окончаніи танца*). Послушайте, cousin Michel, сдѣлайте одолженіе, не приглашайте меня танцовать! — Я ужасно устала!... Вотъ третьи сутки сряду танцую.... а въ субботу балъ у насъ... надѣюсь, что вы будете...

Камергеръ. Если бъ я былъ при смерти, то велѣлъ бы везти себя передъ ваши окна, и умеръ бы....

Барышня (*перерывая его*). Перестаньте! Вамъ комплименты не къ лицу, точно такъ же, какъ вотъ этой дамѣ ея розовая гирлянда.

(*Барышня садится возлѣ одной женщины среднихъ лѣтъ.*)

Пожилая дама. Ты, милая Sophie, не бережешь себя! Посмотри, какъ ты блѣдна... глаза впали... Надобно подумать о себѣ...

Барышня. Ахъ, ma tante... балы замучили... Ну, а какъ отказаться!... Богъ знаетъ, что заговорятъ! На лѣто мы поѣдемъ за границу, къ водамъ...

Пожилая дама. Скажи мнѣ, откровенно, правда ли, что за тебя сватается Князь Иванъ Ивановичъ... или по крайней мѣрѣ, намѣренъ свататься?...

Барышня. А мнѣ почему знать! Это его дѣло....

Пожилая дама. Вы, кажется, очень дружны... зачѣмъ его здѣсь нѣтъ?... вѣдь

онъ твой вѣчный кавалеръ, нынѣшнюю зиму....

Барышня. Онъ очень добрый малый... Его здѣсь нѣтъ потому, что онъ не хорошъ съ сыномъ хозяина дома.

Пожилая дама. Вотъ ты все знаешь!...

Барышня. Сейчасъ только узнала отъ Мишеля Пронскаго....

Пожилая дама. Да скажи же ясно: пойдешь ли ты замужъ за Князя Ивана Ивановича?...

Барышня. Почему же нѣтъ, если бъ такъ случилось! Вѣдь надобно же какъ нибудь пристроиться въ свѣтѣ (il faut avoir une position dans le monde)! Неужели состарѣться въ дѣвкахъ!

Пожилая дама. Такъ ты любишь Князя Ивана?

Барышня. Помилуйте! Да развѣ для этого надобно быть влюбленною?... А развѣ вы были влюблены въ дядюшку, когда выходили за него замужъ?...

Пожилая дама. Ну, не то, чтобъ была влюблена, а все же онъ мнѣ былъ непротивенъ!

Барышня. Вотъ на это и я согласна! Не помню, гдѣ-то я читала, кажется, въ романѣ Жоржъ Занда: любятъ *для себя* — а замужъ выходятъ для *свѣта!*

Пожилая дама. Да ты философка!

Барышня. Немножко!

Пожилая дама. Скоро ли подадутъ ужинъ... мнѣ право наскучило здѣсь...

Барышня. И мнѣ хочется выпить рюмку шампанскаго... я устала до смерти... Ахъ, Боже мой, какая скука!... Скорѣй бы прошла зима... Но вотъ наступитъ постъ... опять эти несносные концерты!

Подруга барышни (*подходитъ*). Chère Sophie... пойдемъ скорѣе! Я тебѣ покажу — чудо!... Презабавно! Провинціялка, Московочка, племянница хозяина, которая, со слезами на глазахъ, разсказываетъ про деревенское житье, про барашковъ и цвѣточки... Плутовка Мери мистифируетъ ее и разспрашиваетъ... C'est original, à mourir de rire!... (*Уходятъ.*)

Пожилая дама (*про себя*). Что они находятъ въ этой Sophie! Какъ сравнять съ моими дочерьми... а Софью ставятъ въ образецъ!...

(*Князь, отецъ барышни, подходитъ къ пожилой дамѣ.*)

Пожилая дама. Dites donc, mon cousin! Правда ли, что Sophie — невѣста?

Князь. Это не по моей части! Моя княгиня должна знать объ этомъ. — Это ея департаментъ... Вотъ и она!

(*Князь отходитъ всторону.*)

Пожилая дама. Ma chère cousine... скажи правду, твоя Sophie невѣста, что ли, какъ говорятъ въ городѣ?...

Княгиня. Я не мѣшаюсь въ ея дѣла... а она мнѣ до сихъ поръ ничего не говорила... Я также слыхала, стороною, что-то... но въ городѣ такъ много выдумываютъ, что я перестала вѣрить всѣмъ слухамъ.... Если

что нибудь составится порядочнаго — Софья мнѣ скажетъ....

═══

Литераторъ (*на ухо пріятелю*). Что бы сказали наши предки, если бъ все это видѣли и слышали?

Пріятель. Другія времена, другіе нравы!... А что лучше.... намъ какое до того дѣло! Chacun pour soi — et Dieu pour tous (т. е., всякой радѣй про себя — а Богъ про всѣхъ)!

Литераторъ. Характеристика эпохи!



Рис. В. Тиммъ | Печ. Поль.

ИЗВОЩИКЪ-НОЧНИКЪ.

ИЗВОЩИКЪ-НОЧНИКЪ.

Есть люди, которые забавляются и хохочутъ до слезъ, вымазавъ лице бѣдняка грязью, надѣвъ на него тулупъ на изнанку и заставивъ ревѣть медвѣдемъ!.... Мнѣ это вовсе не смѣшно. Напротивъ, мнѣ жалки и тѣ, которые забавляются униженіемъ человѣка и униженный человѣкъ. Есть люди, которые хохочутъ, когда прохожій упадетъ на улицѣ. Мнѣ это вовсе не смѣшно.— Я уважаю достоинство человѣка въ человѣкѣ, и ненавижу *безотчетную* карикатуру, которая, какъ кривое зеркало, показываетъ все криво. Все должно имѣть свою цѣль, а съ какою цѣлью вы станете употреблять кривое зеркало!—Каждая вещь имѣетъ двѣ стороны: *лицевую* и *изнанку*; вездѣ и во всемъ есть *добро* и *зло*, и наблюдатель сердца человѣческаго, долженъ смотрѣть на него съ обѣихъ сторонъ....

Не возможно, чтобъ на свѣтѣ всѣ люди были богаты, умны, здоровы, веселы, трудолюбивы и безпорочны. Для испытанія нашего и для выказанія блистательной стороны человѣчества—существуетъ *изнанка*, т. е., бѣдность, глупость, болѣзнь, грусть, лѣность и порокъ. Всѣ мы, живущіе на землѣ, обязаны, подобно *выводчику пятенъ изъ шелковыхъ матерій*, очищать изнанку человѣчества, помогая взаимно другъ другу. Тотъ помогаетъ мнѣ въ бѣдности, а я разсѣваю грусть его; другой лечитъ мой недугъ, а я дѣлюсь съ нимъ сердцемъ. Смѣшна одна *глупость*, и ненавистенъ только *порокъ*. Съ ними-то вступаетъ въ борьбу сатира и карикатура, съ благою цѣлью очистить отъ нихъ *изнанку* человѣчества!.... Истребленіе *зла* есть уже *добро*, то же, что очистка золота отъ примѣсей....

Такъ, или почти такъ, говорилъ я пріятелю, сидя съ нимъ на софѣ, въ уединенной комнатѣ, на вечерѣ у общаго нашего знакомаго, холостяка, въ день его рожденья. Гостей было много. Одни играли въ карты,

другіе сидѣли вокругъ фортепіана, на которомъ импровизировалъ молодой артистъ; за дверьми слышенъ былъ звукъ тарелокъ: накрывали на столъ, къ ужину.... а мы съ пріятелемъ разговаривали о бѣдной сироткѣ нашей.... о Литературѣ, по поговоркѣ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ!....

Было два часа по полуночи, и я собрался домой. Стернова *сентиментальность*, напаявшая слезами Литературу послѣдней четверти XVIII вѣка, завалена теперь грязными обломками *урывочной* Литературы нашего времени, и я боюсь, чтобъ меня не осмѣяли, когда скажу, что мнѣ *жаль* держать на улицѣ моего кучера и лошадей, отъ семи часовъ вечера, за полночь, особенно когда погода сырая или холодная. Говорятъ, что кучера и лошади для этого именно и созданы, — но когда мнѣ случается бывать на позднихъ вечерахъ, чего избѣжать не возможно, то я предпочитаю кучеровъ, добровольно посвящающихъ себя этой тяжкой работѣ, и даже имѣющихъ въ ней надобность, т. е. *извощиковъ*. Даже днемъ, въ дурную погоду я прибѣгаю къ нимъ, оставляя моего кучера въ теплой избѣ, а лошадей въ конюшнѣ. Отъ того я хорошо знаю огромное *извощичье сословіе*, имѣющее различныя подраздѣленія: свою аристократію, свое среднее сословіе и свою чернь. Желая изучить гражданское образованное общество, должны мы непремѣнно начать съ *извощиковъ*, какъ при чтеніи ученой книги надобно начинать съ *указателя* предметовъ, заключающихся въ книгѣ. Многіе мнѣ не повѣрятъ, когда я скажу, что въ *извощикахъ* находятся самыя вѣрныя средства къ познанію человѣчества; но эти сокровища надобно добывать съ трудомъ, какъ золото изъ внутренности земли. — Въ награду за мое состраданіе къ кучеру и лошадямъ, я пріобрѣлъ отъ *извощиковъ* такія драгоцѣнныя свѣдѣнія о различныхъ уголкахъ Россіи, которыхъ бы никогда не нашелъ ни въ гостиныхъ, ни въ кабинетахъ, ни въ книгахъ, ни въ журналахъ. Не разъ, сильные и богатые люди удивлялись, когда я, не бывавъ никогда не только въ ихъ вотчинахъ, но даже въ той губерніи, гдѣ эти вотчины находятся — толковалъ объ управленіи этихъ вотчинъ, о ихъ выгодахъ и недостаткахъ... словомъ, о дѣлахъ и вещахъ, которыя можно знать только живя на мѣстѣ... На меня смотрѣли, какъ на чародѣя, — а между тѣмъ, познанія мои почерпнуты были отъ *извощиковъ!*.... Одно изъ самыхъ пріятныхъ моихъ занятій, въ часы отдохновенія, составляютъ разговоры съ простымъ народомъ. Гораздо болѣе и лучше видишь и гораздо болѣе знаешь, когда смотришь на свѣтъ и общество съ низу въ верхъ, нежели когда смотришь съ верху въ низъ.... Это уже давно доказалъ Наполеонъ!...

Лакей проводилъ меня со свѣчею до послѣднихъ дверей. У подъѣзда кучера дремали на козлахъ, а иные даже преспокойно

спали, забравшись на господское мѣсто, въ карсту или коляску.... Оглянулся.... нигдѣ не видно извощиковъ! Дай-ка кликну, на счастье: «Гей, извощикъ!»—И вдругъ изъ-за каретъ раздались понудительныя восклицанія. — «Ну, ну! пошелъ! ахъ ты этакой!»—За этимъ послышались плески, какъ-будто кто ладонью билъ по поверхности воды — и вдругъ изъ-за экипажей выдвинулась группа..* Пожилой мужичокъ, въ длинномъ армякѣ съ заплатами сѣраго и коричневаго сукна, въ измятой поярковой шляпѣ, хлесталъ, изо всей мочи, тощаго коня, идя съ нимъ рядомъ, и понукалъ его громкимъ голосомъ. Конь, какъ-будто съ-просонья, ставилъ на-крестъ переднія ноги и пошатывался. Дрожки.... просто кабинетная вещь — рѣдкость, совершенство механики! Самъ великій Архимедъ призадумался бы, смотря на эти дрожки, и едва ли могъ бы растолковать, по какимъ законамъ механики онѣ держатся, а не развалятся на трехъ шагахъ! Корпусъ повѣшенъ былъ на сыромятныхъ ремняхъ, прикрѣпленныхъ къ согнутымъ дугою желѣзнымъ шинамъ, которыхъ я никакъ не смѣю назвать рессорами, потому что они не имѣли ни какой упругости. Эти, *такъ называемыя* рессоры, правильнѣе *подставки*, были различной величины — и потому горизонтальное положеніе корпуса зависѣло отъ длины сыромятныхъ ремней, замѣнявшихъ пасы. Спицы въ колесахъ, хотя и были укрѣплены клиньями, но дребезжали отъ каждаго поворота колесъ, которыя переваливались на обѣ стороны, потому что оси были гораздо длиннѣе ступицъ, и ступицы шире объема осей. Одна оглобля крашеная, а вмѣсто другой оглобли... простой шестъ. Дрожки прикрыты были кожею, твердою, какъ подошва, съ трещинами, по которымъ, въ ненастное время, вода стекала, какъ по рвамъ. Крылья у дрожекъ ... вещь самая любопытная! Съ обѣихъ сторонъ они проѣдены временемъ, какъ будто для того, чтобъ сквознымъ вѣтромъ сушило грязь, пролетающую сквозь эти отверстія, за каждымъ поворотомъ колесъ. — Лошадь, отъ трудовъ и старости, лишилась вовсе своего естественнаго вида, и походила болѣе на скелетъ верблюда, а сбруя состояла изъ искуснаго набора разнородныхъ ремней, веревокъ и даже мочалокъ. Извощикъ подогналъ ко мнѣ свою клячу, и остановился, повторяя нѣсколько разъ: «Куда прикажете!» А я стоялъ неподвижно на тротуарѣ — и съ любопытствомъ разсматривалъ чудное устройство этой машины, состоявшей изъ тощаго старика-извощика, ветхихъ дрожекъ и полу-издохшаго коня. Поэтъ, въ минуту восторженности, принялъ бы все это за привидѣніе... за тѣнь, блуждающую по ночамъ, для укора или страха!.... «Ты *ночникъ?*» сказалъ я, смотря пристально въ лице извощику. — «Былъ, сударь, и *лихачемъ* и *биржевымъ*, а наконецъ попалъ и въ *ночники*,» отвѣчалъ мнѣ извощикъ, съ какою-то полугорестною и полулукавою улыбкою, при-

бавивъ, послѣ краткаго молчанія, свое обыкновенное: «Куда прикажете-съ!» —

— «Да сдержатъ ли твои дрожки насъ обоихъ?»

— «Ахъ, сударь, баринъ! Мои дрожки таскаютъ мое *тяжкое* горе, такъ ужъ насъ сдержатъ!.... Садитесь, не бойтесь..... свезу бережно!....»

Этотъ юмористическій отвѣтъ старика мнѣ чрезвычайно понравился. Спать мнѣ не хотѣлось, погода была тихая и я вознамѣрился побесѣдовать съ извощикомъ, т. е., поучиться.... «Изволь, я сяду, только съ условіемъ, чтобъ ты ѣхалъ шагомъ, до самаго мѣста»....

Извощикъ улыбнулся насмѣшливо. — «Вотъ, сударь, если бъ приказали везти васъ вскачь, такъ развѣ мнѣ самому пришлось бы впрячься въ дрожки, — а шажкомъ, такъ и на гнѣдкѣ доѣдемъ, хоть на край свѣта!»

— «Ты старый балагуръ, какъ я вижу!»....

— «Пробалагурился, сударь, таскаясь по бѣлу свѣту!» отвѣчалъ извощикъ, садясь на дрожки, и протягивая мнѣ руку, чтобъ помочь взлѣзть....

Лишь только я ступилъ на подножку, обитую жестью, которая была насквозь протерта и царапала мнѣ подошвы, дрожки зашатались, какъ качели, и извощикъ перегнулся всею своею тяжестью на другую сторону, чтобъ удержать равновѣсіе. Наконецъ я усѣлся, и извощикъ, полдюжиной ударовъ плети, привелъ въ движеніе своего коня.... Мы поѣхали.

— «Откуда ты родомъ?»...

— «Тверской, сударь, — да только я съ-молоду проживаю въ Питерѣ, такъ все равно, что здѣшній....»

— «А есть у тебя семья?»....

— «Была-съ — да Богъ всѣхъ прибралъ, кромѣ одного сына, который служитъ Царю въ егеряхъ.... а живъ ли теперь — не знаю; пять лѣтъ не получалъ ни какого извѣстія.... Слышно, что полкъ на Кавказѣ....»

— «Что жъ ты, мѣщанинъ, что ли?» —

— «Никакъ нѣтъ-съ, мы господскіе.... Старики господа, померли, дай Богъ имъ царство небесное.... были добрые люди; сыновей у нихъ не было, такъ вотчинами подѣлились племянники, да племянницы — а наша деревня досталась одной племянницѣ, которая замужемъ, не знаю, кто онъ таковъ — Англичанинъ или Французъ....»

— «Хорошій человѣкъ?» —

— «Мы, сударь, его не видали и не знаемъ.... Слышно, что онъ проживаетъ гдѣ-то въ чужихъ краяхъ! Вотчиной правитъ управитель, изъ Нѣмцевъ. Хочешь платить оброкъ — пошли деньги, и получишь паспортъ; не заплатилъ оброка — работай на барщинѣ, и вся не долга!.... Прижимокъ нѣтъ — и мы, благодаря Бога, довольны!»

— «А много ли ты за себя платишь?» —

— «Сто рублей въ годъ, кромѣ паспорт-

ныхъ и податей... всего прійдется рублей до полтораста»....

— «Неужели ты можешь выработать столько денегъ? Вѣдь сверхъ того тебѣ надобно жить и кормиться, платить за квартиру»....

— «Надобно выработать!... За то вѣдь круглый годъ, зимою и лѣтомъ, какъ филинъ таскаюсь по ночамъ, и ищу крохъ для поживы!... Благодарить Бога — не жалуюсь — хотя и для меня было время, что счету деньгамъ не зналъ! Да тогда былъ глупъ.... Вѣдь нашему брату, мужику, какъ повезетъ счастье, такъ тотчасъ и зазнается!»...

— «Это, братецъ, бываетъ и не съ мужиками! А какъ же добывалъ ты это множество денегъ?»

— «А вотъ, сударь, какъ! Старикъ баринъ (тогда, правда онъ былъ еще не старикъ) женилъ меня на дворовой дѣвкѣ, которая ходила за покойной барышней. У господъ нашихъ была только одна дочь и когда она померла — такъ и они, почитай, замерли!... Баринъ, въ память барышни, подарилъ женѣ моей полторы тысячи рублей... Вотъ у меня и загорѣлось въ головѣ! Дай-ка пойду работать съ этими деньгами — авось расторгуюсь, подумалъ я: простился съ женой, и пошелъ въ Питеръ. Тутъ нашелъ я земляковъ, извощиковъ, у которыхъ остановился на *фатерѣ* (*). Извощичья разгульная жизнь мнѣ полюбилась! По случаю, отъ какого-то проигравшагося барина, купилъ я, за 1200 рублей, чудпаго рысака, съ дрожками, санками и всей сбруей.... Дѣло это состряпалъ мнѣ нашъ же землякъ, который служилъ у этого барина въ лакеяхъ. Деньги барину понадобились въ полночь, за игрой — и онъ, стыдясь проигрывать лошадь, спросилъ у лакея, нельзя ли гдѣ достать денегъ. Тотъ сей-часъ ко мнѣ — и по рукамъ!... Вотъ я съ-разу попалъ въ *лихачи!* Вы знаете, сударь, что *лихачемъ* называется извощикъ, у котораго *лихая* лошадь, хорошій экипажъ, и который самъ дѣтина не промахъ. Тутъ я пожилъ въ волюшку и натѣшился! Бывало, не стою цѣлый день на биржѣ, при колодѣ, а выѣзжаю по охотѣ, въ ту пору, когда гуляки начинаютъ кататься. Вѣдь *лихачи*, извольте видѣть, не для разъѣздовъ по городу, а только для катанья.... Для разъѣздовъ есть *биржевые* извощики, которые держатся своей колоды — есть *зимняки*, да *безколодные*, которые весь день таскаются по городу или стоятъ возлѣ трактировъ и *гамазеевъ* (*), поджидая сѣдоковъ. Ко мнѣ, бывало, сами сѣдоки идутъ, или ѣдутъ.... Ѣзжалъ я, большей частью, или съ купеческими сынками, или съ записными игроками, которые теперь почти вывелись, а встарину, такъ явно промышляли, какъ торговлей... да ужъ за

(*) То есть, на квартирѣ.

(*) То есть, магазиновъ.

то и мотали на-пропалую. Тогда было не то, что теперь!... Двадцать пять рублей были большія деньги, а молодые купчики бросали тысячами!... Я самъ ничего не пивалъ, кромѣ *шинпанскаго* (*), разумѣется не на свои деньги, а на даровщинку. Завезу парочку въ загородный трактиръ — и пошла потѣха! Съѣдутся мотыги — и давай кутить! Вина иначе и не спрашивали, какъ дюжинами или ящиками; а загуляютъ — такъ святыхъ вонъ выноси! Пьютъ гуляки — такъ и всѣ пей съ ними, и хозяинъ, и лакеи, и извощики... А вздумается имъ послать два, три раза въ городъ за.... ну.... прошлое дѣло.... нечего досказывать, такъ за каждую ѣзду — бѣленькая бумажка.... Одинъ разъ, богатая купчиха подарила мнѣ пять сотъ рублей, за то, что я спасъ ея сынка отъ смерти!... Сердечный такъ натизался, что и глаза подъ лобъ — и не дохнетъ! Я перевалилъ его къ себѣ на колѣни, повезъ въ Екатерингофъ, на взморье, раздѣлъ, да и положилъ въ воду, по горло. Со мной былъ свидѣтель, присяжный уѣзднаго суда, чтобъ не было поклепа, если бъ купчикъ Богу душу отдалъ.... Анъ очнулся, да съ холоду и давай бѣжать и ревѣть, словно сумасшедшій!.... Я догналъ его, одѣлъ, напоилъ чаемъ въ трактирѣ, да и отвезъ домой.... Съ этакими-то сѣдоками я года въ два сколотилъ тысячъ пятокъ побольше, завелъ извощиковъ, а самъ сталъ хозяиномъ. Дѣло шло порядкомъ, такъ я привезъ жену въ Питеръ, съ позволенія господъ... Недолго я хозяйничалъ! Далъ Господь счастье, да за грѣхи отнялъ разумъ! Пріучившись кутить на чужой счетъ, и не зная чѣмъ заняться отъ скуки, я сталъ навѣщать трактиры — а тамъ и попалъ въ *компанію!* Пошли *пунчтики* (*), да *горочка, три-листика* (**) — а денежки и начали таять! Мои извощики, видя, что я мало занимаюсь дѣломъ, стали меня обманывать. Пошли долги за овесъ, за сѣно, за харчи, за *фатеру*, кузнецамъ, каретникамъ — и кончилось тѣмъ, что пришлось продать и лошадей и экипажи. Жена съ горя умерла, троихъ дѣтей отправилъ я въ деревню — самъ остался съ одной лошаденкой, и сталъ на биржѣ... Тутъ я опомнился — да было поздно! Тяжело стало и кормиться, и платить оброкъ, и посылать дѣтямъ на пропитаніе, и уплачивать долги добрымъ людямъ, которые согласились подождать и не отняли у меня послѣдней лошадки! Съ тѣхъ поръ хмѣльное, картежь, трактиры и всякія *компаніи* мнѣ опротивѣли! Работалъ я день-денской, сколько ставало силъ лошади — жилъ, жилъ, да и не видалъ, какъ самъ состарѣлся и какъ дѣтки выросли. — Ахти мнѣ!» Тутъ извощикъ обтеръ кулакомъ слезы. «Одного взяли на службу, а два другіе

(*) То есть, шампанскаго.

(*) Необразованный классъ пуншъ называетъ *пунчъ* и *пунчтикъ*.

(**) Карточныя игры низшаго сословія.

сына померли въ Астрахани, на рыбныхъ промыслахъ, въ холеру, и я остался одинъ, какъ перстъ!... Лишнихъ денегъ не было, да и нужда не прижимала. Что соберешь бывало, то и выложишь на промѣнъ лошади, дрожекъ, саней, сбруи, на одежу — и только и барыша, что хлѣбъ насущный... Да гдѣ тонко, тутъ и рвется! На Петергофскій праздникъ срядили меня, туда и назадъ, какіе-то, не то чтобъ господа, не то чтобъ мастеровые... а какіе-то подъячіе, что ли... нелегкая ихъ побери — буяны и гуляки!... Они понукали меня, гнали, били зонтиками мою лошадь... и кончилось тѣмъ, что она пала, среди дороги — и духъ вонъ! Я дотащилъ дрожки на себѣ, до города — да съ горя и съ-устали и самъ свалился. Хозяинъ *фатеры* свезъ меня въ *шпиталь* (т. е. госпиталь), и я пролежалъ тамъ три мѣсяца... да только одна жизнь и осталась!... Что тутъ дѣлать, чѣмъ кормиться!... Вотъ я продалъ свои хорошія дрожки и сани — купилъ въ желѣзномъ ряду вотъ эту *разлому*, самъ сколотилъ и скрѣпилъ ее кое-какъ, вымѣнилъ на сбрую, у Татаръ, клячу, которая не годилась имъ на жаркое — и пошелъ въ *ночники!* Вотъ ужъ десятый годъ какъ я живу на-выворотъ, сплю днемъ, работаю ночью, и отдыхаю только въ субботы на воскресенье, чтобъ отстоять обѣдню и поблагодарить Бога за мою долю!»...

— «И такъ ты доволенъ своею судьбою?»

— «Будь жива жена, да дѣти — такъ я бы и не хотѣлъ на свѣтѣ лучшаго! И съ *лихачемъ* не промѣняюсь моей судьбой — а на *биржевыхъ* и смотрѣть не хочу!»...

— «Неужели ты вырабатываешь что-нибудь, на этой клячѣ?»...

— «Правда, что это уже восьмая лошадь, съ тѣхъ поръ, какъ я пошелъ въ *ночники* — да за то вѣдь теперь новою лошадью завестись не тяжело.... Я же самъ и кузнецъ и столяръ и шорникъ для своего экипажа.... Кормъ не дорогъ.... изъ харчевень окраины и остатки хлѣба, выметки изъ пекарень.... голаго овса-то мои кони не пережуютъ.... *фатера* дешевая, а въ хорошую ночь, иногда, добудешь столько, что довольно и на цѣлый мѣсяцъ!»....

— «Вотъ ужъ для меня, братецъ, это диво! Не могу понять, что за *хорошія* ночи у тебя, и какъ ты съ этимъ экипажемъ можешь зарабатывать деньги! Разскажи, пожалуйста!»....

— «Ахъ, батюшка, баринъ», возразилъ извощикъ усмѣхаясь: «вѣдь всего-то и пересказать нельзя! Хоть и есть поговорка, что слова изъ пѣсни не выкинешь — да вѣдь не всякое слово надо въ пѣсню класть, и не все разсказывать, что видишь и слышишь!»....

Эти слова извощика подожгли мое любопытство. «Разскажи, братецъ, безъ обиняковъ.... я тебѣ подарю пять рублей!»....

— «Пожалуй, когда приказываете! Вы, можетъ быть, и не повѣрите, что смышленому *ночнику* иногда лучше чѣмъ *биржевому!* Какому извощику подарили бы вы

пять рублей? Да и пришла ли бы вамъ охота слушать извощичьи розсказни — днемъ! Вѣдь днемъ ѣздятъ по дѣламъ — а ночью отъ бездѣлья или по такому дѣлу, гдѣ рубль идетъ въ копѣйку.... Да съ чего же начать! Ну, хоть съ выѣзда. Первый мой выѣздъ всегда, почти, къ полуночи, къ Нѣмецкому клубу.... Тутъ у меня свои господа, добрые старички, которые уже поджидаютъ меня въ эту пору. Для этихъ господъ не надобно рысаковъ и иноходцевъ, а нуженъ вѣрный человѣкъ! Старичекъ, какъ вытянетъ, на сонъ грядущій, *пунчтика* два, три, такъ ужъ полу-сонный сходитъ съ лѣстницы, а взобрался на дрожки — такъ и захрапѣлъ. Вотъ прижмешь его спиной къ дрожкамъ, да и потянулся шажкомъ, придерживая то справа, то слѣва, а потомъ разбудишь, взведешь на лѣстницу — и ступай за другимъ. Посади-ка этого барина на какого нибудь *ухорскаго* — такъ Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилось! Когда же старичекъ ѣдетъ домой не сонный, такъ и посчитается — и перекинетъ рублевикъ, другой лишній, за то, что сберегъ его. А когда есть хозяйка, такъ и она еще даритъ тебя, къ празднику.... Вѣдь безъ нашего брата можетъ случиться большая бѣда! Разсказываютъ, что одинъ старичекъ пошелъ пѣшкомъ изъ клуба домой, на Васильевскій Островъ. Въ головѣ-то ужъ было *порядочно*.... Вотъ онъ шагаетъ бодро, взошелъ на Исакіевскій мостъ, и все идетъ прямо передъ своимъ носомъ.... ан бултыхъ.... и поминай какъ звали! Мостъ-то въ серединѣ былъ разобранъ, для прохода кораблей.... а люди, пока, работали въ низу.... предостеречь было не кому! Другой старичекъ выпалъ изъ саней, а *биржевой* извощикъ подумалъ, что онъ умеръ, да чтобъ спастись отъ допросовъ и разспросовъ — уѣхалъ.... а прохожіе сжалились надъ старичкомъ и занесли въ первый домъ, да чтобъ легче было несть — поочистили карманы!.... А ужъ мы, *ночники*, съ клубными Нѣмецкими господами — *свои люди*.... не выдадимъ и бережемъ какъ родныхъ.... Заперли клубъ — такъ ѣду по улицамъ, да посматриваю на окна. Гдѣ много свѣта, гдѣ больше окна запотѣли, и гдѣ у воротъ нѣтъ господскихъ экипажей — тутъ лучшая пожива. Отворятъ форточку — табачный дымъ столбомъ — я ужъ и знаю, что и кто тутъ! Холостой народъ, господа не богатые, а тороватые, собрались на вечеринку къ пріятелю поѣсть, попить, поиграть въ картишки.... Вышелъ баринъ, такъ радъ-радехоненъ, чтобъ добраться, какъ нибудь, скорѣй до дому.... вѣдь сердечному надо рано вставать, да итти на службу.... а для такого барина и моему гнѣдкѣ надо раскачаться и пробѣжать трюшкомъ. Баринъ ворчитъ и понукаетъ, а я за нимъ тоже! Пріѣхали.... «Давай сдачи съ четвертака!.... — Нѣтъ ни копѣйки, добрый баринъ.... на почнинѣ, авось съ вашей легкой руки выработаю!.... — «Ну, чортъ тебя побери!»... бросилъ четвертакъ и побѣжалъ.... а днемъ, такъ не далъ бы и

пятиалтынника.... А бываете ли, вы, барин, въ танцъ-классахъ?» — Нѣтъ, любезнѣйшій, ужъ мое время пляски прошло! отвѣчалъ я: да я и не знаю, что это за танцъ-классы!.... «Жаль, сударь, что не знаете, а я не разъ подслушалъ, какъ молодые господа похваливаютъ. У меня землякъ служилъ лѣтъ десятокъ сряду лакеемъ въ разныхъ танцъ-классахъ и клубахъ, и разсказалъ мнѣ всю подноготную. Вамъ, барин, сказывать нечего, что господъ, съ-молоду, учатъ всякимъ Нѣмецкимъ плясакамъ, а есть мелкіе чиновники, которыхъ родителямъ не на что было учить дѣтокъ прихотливымъ наукамъ; есть и такіе, которые и учились, когда были ребятишками... да выплясывать-то имъ негдѣ... есть Нѣмецкіе сидѣльцы изъ *гамазеевъ*, есть разные художники-*молеры*, рѣзчики (*) и другіе.... всѣ смертные охотники поплясать. Есть, сударь, семейные чиновники, которымъ тяжко было бъ нанимать учителя на домъ, учить пляскамъ дочекъ и сыновей.... Вотъ для этого, мастера на всякія пляски, больше изъ комедіянтовъ — учатъ у себя на дому, въ извѣстные дни и часы — за дешевую цѣну, а для того, чтобъ пріучить къ пляскамъ тѣхъ, кто у нихъ въ ученьѣ, — и для своихъ барышей — даютъ балы, съ платою за входъ. Тутъ, сударь, и музыка, какъ на господскихъ балахъ, и буфетъ, какъ въ трактирѣ и кухмистерскій столъ. Чего хочешь, того спросишь, за свои деньги. Разъ, землякъ мой, лакей, ввелъ меня чрезъ *галдырею* (*) въ заднія сѣни, и далъ взглянуть, сквозь щель перегородки, въ большую комнату, гдѣ пляшутъ. Дѣло было послѣ ужина.... когда господа уже гораздо поразогрѣлись.... Ахти, что за кутерьма! пыль горой, дымъ столбомъ.... Молодые господа, какъ бѣлены объѣлись.... пристукиваютъ каблуками, прикрикиваютъ — и повертываютъ барышень, какъ снопы.... а барышни-то такъ и расплываются, то направо головку, то налѣво, то на перекидъ — и попрыгиваютъ, словно сороки по посѣву.... да посмѣиваются, да глазами поворачиваютъ во всѣ стороны.... ну такъ, что смотрѣть любо! Не знаю, право, веселятся ли лучше у большихъ господъ, а ужъ тутъ сущая потѣха!.... Ну, и въ буфетѣ порядочная работа! Вотъ, сударь, и съ этихъ баловъ мы же, *ночники*, развозимъ господъ по домамъ, и тутъ работа гораздо лучше, чѣмъ въ Нѣмецкихъ плясовыхъ клубахъ. Землякъ, лакей, сказывалъ мнѣ, что только въ одномъ клубѣ, который звали *Америкой*, — такъ же весело, какъ у нихъ въ танцъ-классѣ.... а мнѣ кажется даже, что въ *Америкѣ* еще веселѣе, потому что оттуда болѣе народу выходятъ *на-веселѣ*, и господа пощедрѣе... А настоящіе наши кор-

(*) Молеромъ или маляромъ величаетъ простой народъ живописцевъ. Картина называется *малеванье*, Рѣзчики — скульпторы.

(*) Т. е. галерею.

милыцы, отцы и благодѣтели — это господа, у которыхъ разъ въ недѣлю собираются богатые гости, чтобъ потормошить чужіе и повытряхнуть свои карманы, то есть, баринъ, поиграть въ картежъ, безъ всякихъ дальнихъ хлопотъ, безъ плясокъ, безъ пѣсенъ и музыки, какъ бываетъ на другихъ барскихъ вечеринкахъ, а просто, на-распашную, какъ на кулачномъ бою! Всѣ домы, гдѣ собираются на игру, у насъ на перечетѣ — и мы туда заѣзжаемъ къ утру... когда начинаютъ благовѣстить къ заутрени... Кажись, отъ богатыхъ господъ нечѣмъ бы поживиться нашему брату.... потому что у каждаго или свои или наемныя лошади... а тутъ-то и пожива! — Вѣдь, сударь, гдѣ овесъ мѣряютъ, тамъ курицѣ — пированье! — Отъ ранняго выигрыша или отъ ранняго проигрыша, господа бѣгутъ домой, не дождавшись товарища, съ которымъ пріѣхали, или своего экипажа».... — А ты, какъ же узнаешь, кто *выигралъ*, чтобъ поживиться? — спросилъ я, перерывая разсказъ извощика. — «Мнѣ, сударь, не надобенъ тотъ, который *выигралъ*.... а тотъ, который *проигралъ*, отвѣчалъ, съ усмѣшкой, извощикъ. — Какъ это? — «Да такъ, сударь! Когда деньги легко пришлись, такъ лукавый раздуваетъ душу человѣка всякимъ чванствомъ — и человѣкъ забываетъ о своей и о чужой бѣдѣ, а какъ судьбинушка прижметъ, да скрутитъ, такъ и волкъ заблеётъ овцой.... Какъ не повезло счастье, такъ человѣкъ смиренъ, покоренъ, *милосливъ* (*), помнитъ о Богѣ и о людяхъ, и готовъ послѣднимъ подѣлиться съ бѣднымъ!... Хоть я человѣкъ простой — а то же было и со мной! Бывало за рубль не захочешь взнуздать лошади — а теперь, такъ благодаришь еще Бога, когда пришлось свезти *даромъ* хвораго или нищаго.... Не все же мы возимъ, по ночамъ, запоздалыхъ господъ.... случается, что найдешь на улицѣ человѣка, которому пришлось бы умереть на мѣстѣ, если бъ его не приберечь.... вѣдь на недугъ нѣтъ своей поры!.... Вотъ такъ-то, сударь, какъ попался проигравшійся баринъ — такъ ужъ онъ не торгуется, не смотритъ на то, какъ его везешь, шагомъ или рысцой — а сидитъ, какъ самъ не свой, да думаетъ, какъ бы опять подняться.... Привезъ его домой, да пропѣлъ свою пѣсенку: не забудьте, баринъ, *бѣднаго* мужичка.... такъ онъ и очнулся!.... Четвертакъ ли, полтинникъ ли, трехъ-рублевикъ ли, цѣлковый ли — ему тогда все равно!... Бросилъ.... да и пошелъ; а какъ станешь его благословлять, да примолвишь: дай Богъ вамъ *счастья*, добрый баринъ...: такъ какъ медомъ поподчуешь..... Оглянется..... а иногда еще и прикинетъ что нибудь, какъ-будто *въ задатокъ счастью!* — Такъ-то мы, сударь, проводимъ свои ночи, и право, мнѣ кажется, что отъ насъ, бѣдныхъ *ночниковъ*, больше пользы, чѣмъ отъ *лихачей*, потому,

(*) т. е. *милостивъ*. Простолюдины употребляютъ это слово вмѣсто: сострадательный.

сударь, что въ нуждѣ и краюха ржаной пирогомъ слыветъ, а безногому костыль дороже сапога. — Правда, не красивы мы, *ночники*, и не быстры на ходу, да вѣдь не всѣмъ же красоваться и порхать по бѣлу-свѣту! Господь Богъ создалъ и паву и ворону и зайца и хомяка — а въ потьмахъ, добрый баринъ, всѣ кошки сѣры, и всѣ трусы смѣлы. Добываемъ мы хлѣбъ честнымъ и тяжкимъ трудомъ, и хоть рѣдко видимъ солнышко, да за то Богъ видитъ и въ потьмахъ добраго человѣка и не оставляетъ своею благостью! Грѣшно хвастать, но какъ ужъ пришлось къ слову, такъ я долженъ сказать вамъ, баринъ, что если бъ я забылъ Бога и совѣсть, то не возилъ бы по ночамъ другихъ, а спалъ бы теперь спокойно ночью, въ собственномъ каменномъ домѣ, а днемъ бы разъѣзжалъ на своихъ лошадяхъ.... Вотъ, какъ вы, баринъ, посмотрѣли на меня!.... Выслушайте! Въ одну темную, зимнюю ночь, тогда гнѣдко мой былъ прытче — какой-то баринъ нанялъ меня на Петербургскую Сторону; онъ торопилъ меня ужасно, а когда остановились — выпрыгнулъ изъ саней и побѣжалъ въ комнату, бросивъ мнѣ полтинникъ. Я даже не замѣтилъ хорошенько дома. Тотчасъ нашелся другой сѣдокъ, порядочно на-веселѣ, и я отвезъ его, по пути, домой — да и повернулъ на *фатеру*. Мнѣ что-то нездоровилось. Выбирая изъ саней сѣно, я нашелъ сафьянную сумку съ замкомъ; внесъ въ избу, сталъ осматривать передъ лампадой, что теплилась у образа, перевернулъ, и бумаги высунулись изъ-подъ крыши... все бѣленькія ассигнаціи.... Ахти! Я испугался.... взглянулъ на образъ Спасителя — и какъ-будто слышу.... *отдай чужое!* Я бросился на колѣни, и сталъ класть земные поклоны.... забылъ и нездоровье!... Со мной на фатерѣ стояли два биржевые извощика.... Я разбудилъ одного, и нанялъ у него лошадь, не надѣясь на моего гнѣдка. Сѣлъ въ сани, и покатилъ на Петербургскую Сторону... Дѣло уже было утромъ. Мѣсто я нашелъ, а дома не могъ вспомнить — и перекрестясь пошелъ, на счастье, въ первый домъ.... Только я въ ворота, а мнѣ навстрѣчу старуха.... «Ты извощикъ?» — Да. — «Вези меня скорѣй къ *дохтуру* (*)».... — А что бѣда, что ли? — «Баринъ при смерти, да и барыня скоро сляжетъ.... Охъ, сердечная!.... Бѣда, бѣда большая! Баринъ вчера обронилъ казенныя деньги.... — Ой ли! — «Да и много, слышь!».... — Такъ веди же меня къ нему. — «Зачѣмъ?» — Я, вишь, *дохтуръ* — вылечу и барина и барыню!.... «Въ своемъ ли ты умѣ, старинушка.... что задумалъ балагурить въ такую пору!».... — Не балагурю — а говорю правду.... Веди къ барину! — Было темно подъ воротами, и кухарка не замѣтила, что у меня сумка подъ мышкою. Вотъ мы вошли въ сѣни... Слышенъ плачъ женскій и вой ребятишекъ! Я прямо въ дверь! Баринъ лежитъ на софѣ, въ одной рубахѣ, съ завязанной головой...

(*) Т. е. доктору.

барыня стоитъ возлѣ него на колѣняхъ,—и рыдаетъ.... кругомъ четверо малютокъ.... Меня, какъ ножемъ по-сердцу!... «Что тебѣ надобно, добрый человѣкъ?» спросила барыня, сквозь слезы.... — Не вашъ ли хозяинъ забылъ у меня, въ саняхъ, сумку съ деньгами? Вотъ она — цѣлехонька! — Барыня не выдержала—ахнула, да и повалилась— а больной вскочилъ, какъ бѣшеный, прости Господи, кинулся мнѣ на шею — да такъ крѣпко сжалъ, что я закричалъ..... Кухарка бросилась помогать барынѣ, а баринъ схватилъ сумку, прижалъ къ груди и упалъ передъ образами. Дѣти закричали, а я бѣжать.... да прямо къ знакомому *дохтуру*, котораго не разъ возилъ изъ клуба — бросился ему въ ноги и упросилъ, чтобъ онъ ѣхалъ со мною.... впустилъ его въ комнаты къ больнымъ, а самъ со двора—да и погналъ домой... Я весь былъ, какъ въ огнѣ... Такъ мнѣ было и жалко этой семьи, и страшно за нее!.... Съ недѣлю била меня лихорадка—и я не выѣзжалъ со двора... Вдругъ хозяинъ *фатеры* входитъ ко мнѣ, и говоритъ, что какая-то барыня, съ ребятишками, меня спрашиваетъ. Я вошелъ въ сѣни— и узналъ ту самую барыню, которой мужъ забылъ у меня сумку съ деньгами.... Только она была теперь не та: здоровая, красивая, румяная! Она узнала отъ *дохтура*, что я стою почью при Нѣмецкомъ клубѣ, допыталась обо мнѣ у другихъ извощиковъ..... да и пожаловала..... Она разсказала мнѣ про ихъ житье-бытье и про все.. Мужъ ея — бѣдный чиновникъ, котораго въ ту ночь высылали командиры куда-то далеко, съ казенными деньгами... Думая о женѣ и дѣткахъ, съ которыми должно было надолго разстаться—онъ забылъ о цѣломъ свѣтѣ.... и о сумкѣ!... «Если бъ не ты,» — сказала барыня: «мужъ мой лежалъ бы теперь въ сырой землѣ, а дѣтки наши были бы сиротами. Мы люди бѣдные, живемъ однимъ жалованьемъ, но у насъ есть сердце и Вѣра въ Бога, и мы никогда не оставимъ тебя,» примолвила барыня и зарыдала. «Дѣтки! Вотъ вашъ благодѣтель!» Дѣтки бросились ко мнѣ.... и я самъ, старый дуракъ, зарыдалъ съ ними.... Барыня привезла мнѣ сто рублей, и сказала, что каждый годъ мужъ ея будетъ удѣлять мнѣ, что можно, изъ своего жалованья — и уѣзжая поспѣшно, сожалѣлъ болѣе о томъ, что не могъ видѣть меня, нежели о женѣ и дѣтяхъ.... Вы, матушка, барыня, вѣрите въ Бога.... такъ оставьте же ему и награждать меня, коли я это заслужилъ.... сказалъ я: а денегъ я отъ васъ не возьму, ни за что.... ужели за то награждать меня, что я не *укралъ* чужихъ денегъ! Еще съ-молоду выучилъ я, наизустъ, у кума моего, пономаря: *отче нашъ, вѣрую* и *десять заповѣдей*.... А въ 8-й заповѣди сказано: «*не укради*».... Вамъ же, матушка, деньги нужнѣе, чѣмъ мнѣ! Моихъ дѣтокъ Господь прибралъ — одного Царь кормитъ... а я, благодаря Бога, кормлюсь работой... Вотъ такъ дѣло и кончилось!.... Послѣ того

пріѣхалъ баринъ и принудилъ меня, насильно, быть у него крестнымъ отцемъ.... Теперь онъ гдѣ-то далеко, на службѣ.... Добрые люди, дай Богъ имъ здоровья!....

Мы подъѣхали къ моей квартирѣ. — Вотъ тебѣ, старикъ, красненькая, сказалъ *я*, подавая ему десяти-рублевую ассигнацію. Не подумай, однако жъ, что *я* щедръ отъ того, что *проигрался*.... напротивъ, *я* сегодня *выигралъ*, потому что встрѣтилъ добраго Русскаго человѣка, и узналъ, что въ каждомъ званіи честный человѣкъ — можетъ быть счастливъ!....

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 22 Декабря 1842 года. *Цензоръ* П. Корсаковъ.



Ри[illegible] Печ. Поль.

РУССКАЯ РЕСТОРАЦІЯ

РУССКАЯ РЕСТОРАЦІЯ.

Невозможно быть въ одно время и человѣкомъ свѣтскимъ, постояннымъ жителемъ гостиныхъ, и человѣкомъ кабинетнымъ, испытателемъ сердца человѣческаго. Свѣтъ, т. е., общество, имѣетъ свои законы и приличія, которыхъ не должно и нельзя нарушать. Не хочешь имъ повиноваться — ступай прочь, но не запирайся въ своемъ кабинетѣ, какъ улитка въ раковинѣ, а живи жизнью общественною, въ кругу составленномъ изъ всѣхъ сословій народа. Этотъ кругъ, это общество, требуютъ глубокаго изученія — и большихъ пожертвованій! Часто, надобно отказываться отъ изящества, составляющаго прелесть жизни человѣка образованнаго, часто надобно страдать и чувствами и чувствованіями—но за эти жертвы пріобрѣтаемъ познаніе человѣчества, а изъ всѣхъ видоизмѣненій общества, отъ поверхности до дна, извлекаются истины, которыя могутъ быть весьма полезны, если изложены пріятно, въ духѣ благонамѣренности, съ цѣлью возвышенною. Только одна мысль о пользѣ — можетъ вознаградить испытателя сердца человѣческаго за лишеніе очарованій свѣта, утонченностей общества, за благоуханіе гостиныхъ и сладость женской образованной бесѣды!... Но какъ соединить двухъ жизней, свѣтской и литературной — нельзя — то дѣлать нечего — надобно избирать одну изъ двухъ! Мой жребій давно уже совершился!.... Въ молодости я принадлежалъ свѣту, теперь, когда я отказался отъ него, свѣтъ принадлежитъ моему перу, а я самъ принадлежу всѣмъ и каждому, живя во всѣхъ сословіяхъ, со всѣми, словомъ живя *вездѣ* и *нигдѣ!*

Пришлось къ слову, и одна дама, старинная моя знакомая, сказала мнѣ: «Неужели вы посѣщаете Русскіе трактиры?» — Милостивая государыня (или Madame)! я посѣщаю и бойни, и анатомическіе театры, и Щукинъ Дворъ и Толкучій Рынокъ, какъ древніе Римляне посѣщали свой Форумъ, какъ Аѳиняне

свои портики и сады Академіи. Я учусь.... учусь всю жизнь! Сперва учился я по книгамъ, теперь учусь на людяхъ. Я дожилъ до того, и до того укрѣпился, что теперь мнѣ ничто не странно, не приторно, не нестерпимо!... Закаливаться началъ я въ военной службѣ, проведя десять лѣтъ сряду на войнѣ, а изъ тѣхъ десяти лѣтъ, вѣрно, семь лѣтъ на бивакахъ, подъ кровомъ небеснымъ, во всѣхъ климатахъ, отъ льдяной Лапландіи, до огненной Португаліи, во всѣ поры, зимою и лѣтомъ, весною и осенью! Бывало время, что мы голодали по нѣскольку сутокъ, и *битокъ на колесѣ* (*) или тѣсто полуспеченное на угольяхъ, въ золѣ — почитали роскошью. При бивачныхъ огняхъ, сударыня, ничѣмъ не брезгаютъ, ни грязью, ни пылью, и человѣкъ ко всему хладнокровенъ, когда ожидаетъ, что чрезъ нѣсколько дней онъ самъ превратится въ ту же грязь и пыль.... *Земля, землею будеши!*

Русскій трактиръ есть мѣсто столкновенія старинной Руси съ Европою. Вы помните знаменитыя слова Великаго Князя Владиміра, *краснаго солнышка,* когда онъ, будучи еще въ язычествѣ, отвѣчалъ посламъ Хазарскимъ, предлагавшимъ ему принять Магометанскую вѣру: «*Руси веселіе есть пити!*» — Образованная Европа рѣшила, что порядочный человѣкъ, долженъ ѣсть хорошо — и вотъ изъ этихъ двухъ стихій, старинпаго Русскаго: *пити* — и Европейскаго *ѣсть* составилось одно цѣлое, которое, впрочемъ, не примыкаетъ плотно ни къ старинѣ, ни къ новизнѣ, ни къ древней Руси, ни къ Европѣ, а приняло уже свой собственный характеръ, подъ именемъ *Русскаго трактира, герберга и ресторацiи.* Для новой вещи надобно было и новое слово!

Въ старинной Руси, при Царяхъ, не было трактировъ, ресторацій и герберговъ, въ которыхъ бы собирались чужіе люди пировать и бесѣдовать. Простой народъ пилъ *зелено вино* въ царскихъ кабакахъ, а медъ и пиво въ *кружалахъ*. Захожій народъ въ города, особенно въ Москву *бѣлокаменную, съ золотыми верхами* — въ этотъ Римъ восточной Славянщины — простой народъ, подобно всѣмъ древнимъ народамъ, трапезничалъ подъ открытымъ небомъ, въ *обжорныхъ рядахъ.* Я помню еще Петербургскій *Обжорный рядъ,* въ Апраксиномъ переулкѣ, гдѣ ѣли ежедневно, по нѣскольку сотъ и по тысячѣ человѣкъ. Въ Москвѣ, при Царяхъ, жены стрѣльцовъ и мѣщанки сидѣли въ рядъ, на улицахъ, и на разставленныхъ столахъ и на жаровняхъ, продавали перепечи, сластеное, кисели, — а парни, харчевники торговали подовыми пирогами, бли-

(*) Такъ прежде называли военные мясо, битое тупымъ концемъ сабли или тесака — на колесѣ пушки или повозки, и жареное на шомполѣ, или на сковородѣ, если имѣлось масло.

нами, гречневиками. На столахъ лежало вареное и жареное мясо, печенка, вареныя яица.... Горячее, т. е., щи, похлебку, жаренаго гуся подъ подливою, ѣдали въ харчевняхъ, куда ходили только пріѣзжіе купцы — а для чернаго народа была особая изба, гдѣ на длинныхъ столахъ лежалъ хлѣбъ, стояла соль — и гдѣ каждый могъ, за полушку, наѣсться вдоволь жирныхъ щей.... Харчевня — было одно только названіе для мѣста, гдѣ ѣдятъ за деньги. Харчевня, очевидно, происходитъ отъ *харчей,* — а этимъ словамъ подарили насъ Монголы, за нашу хлѣбъ-соль, т. е., *за провіантъ,* которымъ мы надѣляли ихъ, когда они расхаживали вооруженными толпами по Россіи, какъ по своей вотчинѣ — отправляясь на помощь къ Князьямъ Русскимъ, призывавшимъ ихъ въ ссорахъ съ своими родными — или когда шли собирать дань, *харачъ* — и наказывать запоздавшихъ въ платежѣ или непослушныхъ. Названіе *харчевни* отразилось на Польской *корчмѣ,* двоюродной ея сестрицѣ. — Должно полагать, навѣрное, что въ древней Руси непремѣнно были *постоялые дворы,* на торговыхъ путяхъ, во время Ганзы, когда средоточіе торговли было въ Новагородѣ и Псковѣ. Но и постоялые дворы и харчевни служили пріютомъ только для иногородныхъ, для ямщиковъ, чернорабочихъ, прикащиковъ купеческихъ и мелкихъ торговцевъ, потому что древнее Русское гостепріимство простиралось до того, что горожанинъ почелъ бы обидою, если бъ знакомецъ его, съ которымъ онъ нѣкогда ѣдалъ хлѣбъ-соль, или человѣкъ, съ которымъ онъ находится или находился въ дѣлахъ, особенно же родственникъ или даже свойственникъ, не погостилъ у него, пріѣхавъ въ городъ. Дворяне же имѣли свои *дворы* на Москвѣ и въ городахъ, ближнихъ къ своимъ помѣстьямъ. Горожане рады были гостю, и его иногда передавали съ рукъ на руки, роднымъ и пріятелямъ. Въ харчевни не ходили тогда угощать другъ друга — а угощали дома, и купецъ лишился бы доброй славы, если бъ подгулялъ въ кабакѣ или кружалѣ. Пили дома, въ кругу пріятелей, приглашая ихъ на *попойку.*

Трактирная жизнь въ Россіи начала развиваться со временъ Петра Великаго, при пересозданіи Россіи, при устройствѣ регулярнаго войска, при заведеніи портовъ, верфей, а особенно при построеніи Петербурга. Огромныя массы народа передвигались съ мѣста на мѣсто, оставались долго на чужой сторонѣ, или и вовсе переселялись. Иноземцы начали смѣшиваться съ Русскими, и всѣ отношенія жизни содѣйствовали къ распространенію и укорененію иноземныхъ обычаевъ. Самъ Петръ Великій, отслушавъ обѣдню въ Троицкой Церкви (*), въ праздничные деньки, заходилъ въ противолежащій *гербергъ* (который Русскіе называли *питейнымъ домомъ больша-*

(*) На Петербургской Сторонѣ, вблизи Крѣпости.

го орла (*), вмѣстѣ съ своими генералами, и корабельными мастерами и выкушавъ рюмку водки, предоставлялъ каждому пить за свои деньги.

Каждое дѣло, въ которомъ съ одной стороны *выгода*, а съ другой *забава* или *удовлетвореніе страсти* — скоро принимается! Трактиры быстро распространились въ обѣихъ столицахъ, и начали заводиться по городамъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны и Петра III-го, въ Петербургѣ былъ знаменитый трактиръ у Полицейскаго Моста, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ нынѣ домъ Графини Строгоновой. Насупротивъ, гдѣ нынѣ домъ Косиковскаго, былъ деревянный дворецъ, въ которомъ жила Екатерина II, будучи Великою Княгинею. Въ этомъ знаменитомъ трактирѣ собирались офицеры гвардіи, и здѣсь Потемкинъ, бывшій въ послѣдствіи Свѣтлѣйшимъ и Таврическимъ, лишился глаза, въ игрѣ на билліардѣ съ Орловымъ, бывшимъ потомъ Графомъ Чесменскимъ! Проводить свободное время въ трактирахъ было тогда не стыдно, потому что частная жизнь еще не образовалась, и чужаго человѣка принимали въ домъ, только въ торжественные дни.

Со второй половины царствованія Екатерины II, когда вездѣ и во всемъ развилась роскошь, Русскіе трактиры принарядились, изукрасились и сдѣлались, такъ сказать, лейкою, чрезъ которую переливалось въ чужія руки достояніе молодыхъ купчиковъ и дворянчиковъ. Прежде, т. е. въ старину, Русскій трактиръ вмѣщалъ въ себѣ все, что только составляетъ порокъ отъ *преувеличенія*, все что ведетъ къ разврату и раззоренію. Тутъ, въ одной комнатѣ плясали, съ дикими воплями, цыганскія баядерки, въ залѣ танцовали подъ звуки Нѣмецкой музыки — въ боковыхъ комнатахъ пили на смерть, и играли въ азардныя игры, въ горку, въ гальбе-цвельвъ, въ квинтичъ, въ штосъ и банкъ, припѣвая:

«Дверь въ трактирахъ Бахусъ отворяетъ,
Полны чаши пуншемъ наливаетъ;
Льется въ уста сладость,
Въ сердце льется радость....
Дайте намъ карты — здѣсь олухи есть! (*)

Вотъ вамъ полная характеристика тогдашнихъ трактировъ! Пьянство, картежь и развратъ! Всю ночь напролетъ двери были настежь. Мущины, не дорожащіе своимъ именемъ, и женщины безъ имени, входили и выходили безпрерывно; буфетчики очередовались, потому что не могли выдержать работы.... Писцы маклеровъ и нотаріусовъ денно и ночно дежурили, чтобъ немедленно бѣжать за книгою, для вписыванія векселей и заемныхъ писемъ..... Олухи, какъ сказано въ пѣснѣ — платили ужасную дань мошенникамъ, лишаясь въ одну ночь чести

(*) Потому что на вывѣскѣ былъ огромный двуглавый орелъ и что тамъ былъ огромный Царскій бокалъ, съ орломъ.

(*) Извѣстная старинная пѣсня.

и имѣнья! Иногда происходили, по почамъ, грозныя сцены, смертныя драки, сущій разбой!.... пьяныхъ просто грабили! Но въ Петербургѣ была только тѣнь того, что дѣлалось въ Москвѣ, какъ говорится, на сторонкѣ! Тамъ трактирная жизнь была въ полномъ разгарѣ, со всѣми своими неистовствами. Нѣкоторые изъ любимцевъ счастья, быстро вышедшіе въ люди, и въ зрѣломъ возрастѣ не могли отстать отъ дурныхъ привычекъ юности, и кутили въ Москвѣ на-пропалую, съ толпою буйной молодежи и своихъ приверженцевъ.... Тогда именно былъ во всей силѣ тотъ патріотизмъ, который Н. А. Полевой, въ Московскомъ Телеграфѣ, такъ удачно назвалъ *квасньымъ патріотисмомъ*.... Вельможи, богачи, помѣщики почитали обязанностью, хоть разъ въ мѣсяцъ пообѣдать по-русски, въ Русскомъ трактирѣ, покушать вымороженныхъ щей, съ подовыми пирогами, стерляжьей ухи, поросенка подъ хрѣномъ, блиновъ съ свѣжой икрой... За кувшиномъ кислыхъ щей... вносили цѣлые ящики съ драгоцѣнными винами... появлялись пѣсенники и пѣсенницы, плясуны и плясуньи, бандуристы, балалайщики, шуты.... и потѣха шла до утра, иногда за-полдень!.... Тутъ расплачивались не сотнями, не тысячами — а пуками ассигнацій!...

Въ цѣлой Россіи извѣстенъ былъ Московскій Пѣвческій Трактиръ, и кто только пріѣзжалъ въ Москву, посѣщалъ его, какъ Каабу въ Меккѣ. Каждый трактиръ имѣлъ какое нибудь притязаніе на знаменитость, и Пѣвческій славился своими *подовыми пирогами* и цыганскимъ хоромъ.

Мы знавали стариковъ, которые съ восторгомъ воспоминали объ этой трактирной разгульной жизни, сообщавшей Москвѣ особенный характеръ. Тогдашняя Москва ужасала родителей и женъ — какъ нѣкогда ужасалъ Вавилонъ, съ своими приманками!.... И теперь еще веселые купеческіе сынки распѣваютъ пѣсню тогдашнихъ временъ:

«Я поѣду ль, во Китай-городъ гулять,
Я послѣднее имѣньице — да заложу,
Отцу-батюшкѣ родному не скажу!» и проч.

И точно — огромныя имущества исчезали, прежде нежели наслѣдники успѣвали дожить до зрѣлаго возраста, и рѣдкій былъ примѣръ, чтобъ купеческій домъ существовалъ въ продолженіе трехъ генерацій. Отецъ наживалъ — а сынки проживали! Дворянскія имѣнья закладывались или продавались съ публичнаго торга.... Все кутило, отъ малаго до великаго, а частые примѣры скораго, почти внезапнаго обогащенія однимъ поворотомъ колеса фортуны — питали во всѣхъ глупыя и несбыточныя надежды, среди мотовства и разврата!..... Это-то называли старики *золотымъ временемъ*... *доброю стариною*... вольностію, которую такъ справедливо осмѣялъ Фонъ-Визинъ устами Г-жи Простаковой, *въ Недорослѣ!*

Императоръ Павелъ Петровичъ оказалъ величайшую услугу общественной нравственности, положивъ предѣлъ этому трактирному бѣснованію. При Александрѣ Благословенномъ просіявшая образованность установила приличія.... Бурновы сдѣлались уже рѣдкостью, которыхъ надлежало сохранить въ преданіи. Наконецъ мудрые полицейскіе законы остановили вовсе этотъ потокъ разврата.... Въ наше время, Русскіе трактиры уже совершенно измѣнились, и хотя сохраняютъ еще свою оригинальность, Руссизмъ, но въ существѣ своемъ благопристойнѣе даже Парижскихъ загородныхъ трактировъ, *генгетовъ*, и городскихъ *гарготовъ*... Конечно, и теперь еще не забыто: «*что веселье Руси есть пити*» — но теперь въ трактирахъ не позволяютъ пить до заглушенья разсудка; теперь нѣтъ въ трактирахъ карточной игры, нѣтъ пѣсень, плясокъ и музыки, и двери запираются въ трактирахъ въ назначенный часъ... Теперь, кто не имѣетъ своего стола дома — тотъ, послѣ спектакля, долженъ оставаться безъ ужина, потому что театральныя зрѣлища продолжаются за полночь, а трактиры запираются въ 11 часовъ ночи. Прекрасный полъ не смѣетъ теперь переступить чрезъ порогъ Русскаго трактира!.... Для женщинъ тутъ ничего не варится и не жарится! Въ день, во время обѣда, Русскій трактиръ похожъ теперь на рефекторіумъ Картезіанцевъ, съ тою разницею, что въ Русскомъ трактирѣ не нужно перцу къ столу: табачный дымъ замѣняетъ эту приправу и гуще всѣхъ соусовъ! Въ Москвѣ еще сохраняется память прежняго, еще Троицкій Трактиръ (бывшій Пѣвческій) славится, попрежнему, Русскими блюдами, и Русскіе гастрономы посылаютъ друзьямъ своимъ, въ Петербургъ и въ города — знаменитыхъ Бубновскихъ поросятъ, получившихъ свое прозваніе отъ хозяина трактира. Въ Москвѣ еще прислуга въ Русскомъ трактирѣ называется *половыми*, и прислуживаетъ въ Русскихъ рубахахъ; въ постные дни, и богатые и чиновные почитаютъ почти обязанностью пообѣдать въ Русскомъ трактирѣ.... Превосходные органы замѣняютъ тамъ прежнюю музыку, и малому хору цыганъ еще позволяется, въ праздники, пропѣть пѣсенку, другую! Знаменитыя пѣвицы Стеша и Таня услаждали слухъ посѣтителей первостатейныхъ *заведеній*....(*) У насъ не то! У насъ въ первостатейныхъ *заведеніяхъ* уже не *половые*, а *лакеи* — не въ Русскихъ рубахахъ, а во фракахъ, въ сертукахъ и только для памяти есть еще лакеи остриженные по Русски, въ сибиркахъ, съ усами и съ подстриженною бородкой.... Не съ нихъ ли Французскіе щеголи взяли моду à la moujik — а если не съ нихъ, то пусть обратятся къ оригиналамъ. Только буфетчикъ бодрствуетъ за рядами *пер-*

(*) Хозяева трактировъ называютъ ихъ не иначе, какъ *заведеніе*.

цовокъ (*), травничковъ и ерофенчей — въ полномъ вооруженіи старинагo Русскаго *подносчика* (**), съ бородой, въ сибиркѣ или Русской ферязи. Буфетчикъ, подобно капитану корабля во время бури, командуетъ и слугами, и бутылками, и штофами, и стаканами и гостями!.... Буфетчикъ держитъ и жезлъ благочинія въ Русскомъ трактирѣ и бразды управленія.... Въ его власти сильный дѣятель, который содержитъ у него въ повиновеніи *обычныхъ* посѣтителей *заведенія : кредитъ!* У буфетчика узда на слугъ и поваровъ: *разсчетъ!* Буфетчику долженъ поклониться и *случайный* посѣтитель трактира, чтобъ вмѣсто бифстекса не проглотить подошвы!.... Что же касается до строгихъ соблюдателей древняго правила: «*веселіе Руси есть пити*» — то они, съ подобострастіемъ повинуются буфетчику, и уважаютъ его какъ строгаго отца, потому что буфетчикъ спасаетъ ихъ бумажникъ или кошелекъ отъ погибели, когда карманы вмѣщаютъ въ себѣ что нибудь — и спасаетъ ихъ самихъ отъ похмѣлья, когда карманы пусты — позволяетъ *подремать* въ уголку, и часто избавляетъ отъ удовольствія ночевать на казеной квартирѣ, за почетнымъ карауломъ... Словомъ, буфетчикъ, въ Русскомъ трактирѣ, для гостя и прислуги важнѣе самого хозяина — и, обыкновенно, отъ буфетчика зависитъ успѣхъ *заведенія.*

(*) Ужасная настойка на Испанскомъ перцѣ — сущее пламя!

(**) Въ старину буфетчики назывались подносчиками.

Въ Петербургѣ въ головѣ трактировъ: Палкинъ, Балабинскій и Отель-дю-Норъ.... Есть имъ равные, но я не называю ихъ, потому что хочу ввести васъ въ одинъ изъ нихъ.... Чу....

«Здѣсь Русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!»....

Запахъ постнаго масла и капусты, сливаясь безпрерывно, образуетъ такой духъ, что его не истребишь со стѣнъ, хотя бы разломать стѣну на развалины.... Этотъ духъ не заглушается даже клубами табачнаго дыма, и притомъ такого ѣдкаго, что однимъ клубомъ можно заставить поперхнуться утопленника.... Само по себѣ разумѣется, что въ этой атмосферѣ всѣ изящные вымыслы французской кухни, бархатные соусы, душистые паштеты и ароматные ликеры показались бы прѣсными или приторными, и что для возбужденія вкуса и апетита здѣсь нужна перцовка, настойка на звѣробоѣ (*) и Русскія щи и кулебяка, которыя устоятъ и противу пушечнаго ядра!... Но сердце человѣческое такъ создано, что оно всегда стремится къ противоположностямъ. Когда человѣкъ на морѣ, ему хочется на сушу, а когда онъ на сушѣ, хочется на море! — Гастрономъ, сидя за столомъ, уставленнымъ Французскими соусами, драгоцѣнными плодами, рѣдкими винами и ароматными ликe-

(*) Названіе травы.

рами—мечтаетъ о кислой капустѣ и Русской кулебякѣ, а посѣтители Русской ресторацiи требуютъ *Нѣмецкаго кушанья.* Знаменитый нашъ рестор採торъ Легранъ долженъ былъ выучиться печь Русскiе блины и кулебяки, варить Русскiя щи, уху, Малороссiйскiй борщъ и приготовлять Русское ботвинье, а въ Русскихъ трактирахъ варятъ Французскiе бульоны, Нѣмецкiе супы и разные соусы! Русскiй человѣкъ, будто стыдится, при людяхъ, выказать, что ему не по вкусу чужеземныя блюда, а посѣтители Русскихъ трактировъ все Русскiе люди, по превосходству, или обрусѣлые Нѣмцы, въ которыхъ Руссисмъ въ-четверо сильнѣе нежели въ Русскомъ человѣкѣ. Привычка въ Русскомъ человѣкѣ такъ сильна къ Русскому трактиру, что онъ предпочитаетъ его Французской ресторацiи, зная даже, что онъ у Леграна или въ кафе-ресторанахъ можетъ пообѣдать и дешевле и лучше... Но въ Русскомъ трактирѣ Русскiй человѣкъ – дома! Тутъ онъ командуетъ, тутъ онъ имѣетъ свой вѣсъ и почетъ, и можетъ говорить по-русски, съ приговорками, которыя не появляются въ печати!... Онъ тутъ, какъ говорится, на распашку, въ своемъ кругу! Въ Русскомъ трактирѣ не унижаетъ его гордый взглядъ аристократа, и не оскорбляетъ насмѣшливая улыбка утонченнаго франта.... Правда, и здѣсь есть свои франты и фанфароны, свои какъ говорится, львы, но они, по размѣру всего, ихъ окружающаго, также *свои люди* въ Русскомъ трактирѣ, и не обезоруживаютъ ни брадатаго купца, ни скромнаго чиновника однимъ своимъ взглядомъ и презрительною улыбкою....

Вы спросите меня: что я разумѣю подъ словомъ: *Русскiй человѣкъ по превосходству*, или *Русскiе люди?* Вѣдь мы всѣ Русскiе, всѣ въ Россiи! — Такъ, да не такъ! — Говоря о Русскомъ человѣкѣ, для полной его характеристики мы прибавляемъ, иногда: настоящiй, прямой *Русакъ.* Это — названiе означаетъ человѣка, воспитаннаго Русскими, по-русски, т. е., въ безотчетномъ предпочтенiи всего *своего*, Русскаго иностранному; человѣка, въ которомъ здравый смыслъ замѣняетъ науку, смышленость превышаетъ соображенiя, который вѣритъ болѣе *на авось*, нежели компасу, картѣ и рулю, довѣряетъ болѣе природѣ, нежели аптекѣ, Русской банѣ, нежели Карлсбадскимъ водамъ, и предпочитаетъ *какъ нибудь* — высокимъ планамъ и разсчетамъ. *Число* и *количество,* настоящiй Русакъ ставитъ выше *изящества.* У настоящаго Русака все что *крѣпко* и *сильно* — то *здорово!* — Не будучи фаталистомъ, Русакъ вѣритъ: *чему быть, тому не миновать*, и убѣжденъ, что онъ созданъ изъ особой массы, изъ той, изъ которой природа создала слона и носорога — и потому не вѣритъ ни въ простуду, ни въ вредное дѣйствiе сквознаго вѣтра, ни въ злыя послѣдствiя отъ излишества въ пищѣ и питьѣ, говоря: *Русскому здорово, Нѣмцу смерть!* — Дiета — слово непереводимое по-русски! — У настоящаго Русака между

скупостью и мотовствомъ — нѣтъ средины, и онъ живетъ по Русскимъ кореннымъ пословицамъ: «*послѣдняя копѣйка — ребромъ*» — и «*что въ печи, все на столъ мечи*».

Вотъ за столомъ шесть человѣкъ Русскихъ купцовъ пьютъ чай. Люди, живущіе по-европейски, съ примѣсью Руссисма — пьютъ чай только два раза въ сутки, утромъ и вечеромъ. Русскій пьетъ чай при всякомъ случаѣ, въ каждую свободную минуту. Пить чай для Русскаго почти то же, что для не-Русака нюхать табакъ. При встрѣчѣ съ пріятелемъ, вы подчиваете его табакомъ или нюхаете табакъ изъ его табакерки — а Русаки, сойдясь вмѣстѣ, пьютъ чай — или въ лавкѣ или въ первомъ трактирѣ. Трактиры, по близости Гостинаго, Щукина и Апраксина Дворовъ и возлѣ рынковъ, получаютъ огромный доходъ за одинъ *кипятокъ*, отпускаемый въ лавки, гдѣ нельзя ставить самовара. На биржѣ Русаки обдѣлываютъ дѣла только съ иностранцами, а между собою — въ трактирѣ, за самоваромъ. Эти шесть человѣкъ купцовъ, на которыхъ я вамъ теперь указываю, допиваютъ уже *четвертый* самоваръ! — Каждый изъ собесѣдниковъ влилъ во внутренность свою по *сороку* маленькихъ, кругленькихъ чашечекъ чаю, безъ сливокъ, *въ-прикуску*! Прикуска — это такое искусство, которому я не могъ никакъ научиться, пробовавъ нѣсколько десятковъ разъ, изъ одного любопытства. Какимъ образомъ сохранить во рту кусокъ сахару, обливая его горячею водою — это для меня до сихъ поръ непостижимо! Но Русскіе люди пьютъ по десяти чашекъ съ однимъ кускомъ сахару — и держа его во рту, разговариваютъ, не картавя! Какъ это дѣлается — мнѣ никто не могъ растолковать, и я предоставляю разрѣшеніе этого таинства ученымъ анатомамъ! — Потъ бьетъ градомъ съ чела собесѣдниковъ, а они продолжаютъ пить, поддерживая, съ необыкновенною ловкостью, блюдечко на пяти пальцахъ! Это также особая примѣта и особое искусство! Настоящій Русакъ не пьетъ никогда чаю изъ чашки, а пьетъ всегда изъ блюдечка, и не держитъ его между пальцами, а поддерживаетъ пальцами.... Видно, чай возбуждаетъ духъ промышлености!.... Вотъ купцы поставили чашки и ударили по рукамъ, съ окончаніемъ *четвертаго* самовара!.... Дѣло сдѣлано!.... Теперь каждый изъ нихъ пойдетъ въ свою лавку, и тамъ также надобно будетъ пить чай съ гостемъ.... или отъ скуки.... съ сидѣльцами!....

А это что такое, въ особой комнатѣ? *Угощеніе!* Проситель, съ окладистою бородою, съ медалью на шеѣ — угощаетъ *дѣльцовъ*... а чина, званія, имени, отчества и фамиліи не имѣю чести знать! — *Дѣлецъ* — слово неопредѣленное. *Дѣльцы* то же, что винты, болты, рычаги и пружины въ машинѣ. Безъ нихъ и сила паровъ не дѣйствительна. Но который винтъ, рычагъ или пружина сильнѣе, дѣйствительнѣе, существеннѣе —

этого мы не видимъ со стороны, а влѣзть во внутренность машины, опасно постороннему человѣку! Вы думаете, что судьба ваша зависитъ отъ важнаго и гордаго павлина, а на повѣрку выходитъ, что счастье ваше въ когтяхъ мокрой курицы! Вы, какъ Гебръ, клапяетесь до земли звѣздамъ, не зная, что эти звѣзды находятся подъ вліяніемъ незамѣтнаго талисмана волхва, вотъ этой чеканеной пуговки!—Иногда безсильный писецъ въ милости, важнѣе сильнаго докладчика! Повытчики, столоначальники, помощники секретарей — это каріатиды, поддерживающіе всю тяжесть зданія! Вы, напримѣръ, восхищаетесь парадной каретой богатыхъ новобрачныхъ, хвалите кузовъ, цвѣтъ, бронзу, обивку, козлы — а о колесахъ ни помину!... Я еще не слыхалъ, чтобъ кто нибудь начиналъ похвалу экипажа — съ *колесъ!* Однако жъ, вся важность экипажа состоитъ въ *колесахъ*, самой простой вещи въ складкѣ экипажа!... Вѣдь безъ *колесъ* не двинешься впередъ!—Итакъ, вотъ эти винты, рычаги, болты, каріатиды, колеса административнаго міра — за столомъ, въ пріятной бесѣдѣ, пьютъ и кушаютъ на чужой счетъ, а на свое здоровье!—И почему же не поѣсть и не попить порядочно, послѣ трудовъ и передъ трудами! — Почтенный подрядчикъ-угоститель, велѣлъ подавать *все самое дорогое*, т. е., по его понятію: *самое лучшее.* Вѣдь не даромъ же существуетъ на Руси пословица: *дорого — да мило!* — Но тароватый подрядчикъ не бывалъ ни въ Эперне, ни въ Бордо, ни на Золотомъ Берегу (Dép. de Côte d'Or) цвѣтущей Бургоніи, ни въ знойной Малагѣ, ни въ Хересѣ.... и потому онъ выбираетъ вина по *цѣнамъ*, выставленнымъ на печатномъ листѣ!.... Гости его принадлежатъ къ тому разряду гастрономовъ, которые *чувствомъ обонянія* отыскиваютъ *букетъ* въ винѣ, не постигая, что *букетъ* раждается на *языкѣ* и на *поднебенье*, при разложеніи вина во рту, когда его пьютъ *медленно*, а не *залпомъ*, какъ пьютъ его добрые наши Русаки! — Спросите каждаго трактирщика онъ вамъ скажетъ прямо, что весь барышъ его отъ вина! Очень вѣрю, особенно, когда онъ подаетъ *шампанское лучшей Нѣмецкой работы*, когда его бургонское — есть *медокъ*, помноженный на десятую часть *рома*, переваренпаго съ сахаромъ; *лафитъ* тотъ же медокъ, сгущенный и приправленный кореньями, — а мадера — *домашней фабрики*... Но тутъ главное: пить, ѣсть и платить! Какая нужда кому справляться, что вмѣсто свѣжаго коровьяго масла, въ соусы положенъ застывшій жиръ, снимаемый съ верху при вареніи мяса, или что коровье масло, купленное *съ душкомъ* — по дешевой цѣнѣ — перетоплено и очищено угольями! — Когда *языкъ вашъ* молчитъ и не *вопіетъ* противу этого, то и въ дѣлѣ нѣтъ ничего дурнаго! Вѣдь вы не были свидѣтелями, какъ эти куры (подъ именемъ пулярдъ), индѣйки и рябчики три раза оттаивали, и три раза вновь за-

мерзали на пути въ Петербургъ, и вы не видали, какъ ихъ здѣсь погребали въ снѣгу или топили въ водѣ — слѣдовательно, вамъ до этого нѣтъ дѣла! — Угоститель такъ усердно проситъ, упрашиваетъ и умоляетъ гостей своихъ, чтобъ они *кушали на здоровье*, что отказать никакъ нельзя: надобно ѣсть изо всѣхъ силъ, и быть здоровымъ, а послѣ трехъ или четырехъ рюмокъ *перцовки* и корки *съ лукомъ* — даже въ *домашней* мадерѣ найдется *букетъ!* Угощеніе безподобное, потому что стоило хозяину по пятидесяти рублей съ персоны! Ѣдено и пито столько, сколько пришлось въ моготу.... и вотъ табачный дымъ скрылъ отъ меня это великолѣпное зрѣлище!....

Ба! что я слышу!... Литература! — Нѣсколько *львовъ* Петербургской Стороны, краса праздничныхъ булеваровъ и Крестовскаго Острова, постоянные посѣтители второй галереи, а иногда даже и мѣстъ за креслами Александринскаго Театра, подписщики на чтеніе книгъ, въ библіотекахъ Смирдина и Глазунова.... наши строгіе цѣнители и судьи!.... Вѣдь нынѣ и на Щукиномъ Дворѣ знакомы съ Парижскими модами... и эти щеголи точно такъ же одѣты, какъ и посѣтители знаменитой ресторацiи Леграна, съ тою разницею, что *львы* Петербургской Стороны въ покроѣ платья опаздываютъ всегда *одною порою года*—и не такъ разборчивы на счетъ перчатокъ и шляпы... Но за то, тотъ же высокій тонъ, та же рѣзкость!.... «Гей, лакей, подай газеты!».... — Извольте — вотъ *Сѣверная Пчела!* — «Чортъ съ ней!.... Эта дура не понимаетъ высокихъ красотъ *Мертвыхъ Душъ*, находитъ неприличія въ комедіи: *Женитьба* — не понимаетъ прелестей въ каламбурахъ прекрасной піесы: *Титулярные Совѣтники*, и даже надсмѣхается надъ безподобной комедіей: *Петербургскія Квартиры!*.... Прочь *Сѣверную Пчелу!*.... Подай намъ *Литературную Газету!*»—Читаютъ. Слава Богу, что читаютъ что нибудь, подумалъ я. — «Гей, лакей!» — Что прикажете. — «Подай *травнику* — и трубки!» — Слушаю-съ! — Вдругъ раздается громкій хохотъ. — «Какъ это забавно, какіе прекрасные анекдоты о Парижскихъ ворахъ... мастерское сочиненіе!».... Анекдоты о Парижскихъ ворахъ, въ газетѣ *Литературной*, подумалъ я — и притомъ *мастерское сочиненіе!* — Я не зналъ, сердиться ли мнѣ или смѣяться — но какъ другіе хохотали, то и я захохоталъ, за дверьми. — «Прекрасная газета!» сказалъ читающій: «наливайте, господа, *травничекъ*, и выпьемъ за здоровье ея остротъ!». — «Выпьемъ!» — подхватили товарищи, и выпили, провозгласивъ *ура*.

«Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ!» подумалъ я.

— «А что, господа!» сказалъ одинъ изъ гостей: «читали ли вы послѣднюю книжку *Отечественныхъ Записокъ?*» — «Прекрасная *Философія*... преважная статья!»..

— «А ты понимаешь Философію?». — «Какъ же! Насъ учили въ семинаріи, только не доучили..... Абсолютъ есть *ни-что*, а въ ничто *все!*.... Удивительно какъ учено и высоко!» — «Это что-то походитъ на мой карманъ!» возразилъ другой. «Выпьемъ-ка *травничку* за Философію и ученость! — «Выпьемъ.» — И опять выпили! — «А ужъ критика—чудо!» примолвилъ первый гость: «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!... Я особенно радуюсь, что досталось порядкомъ этому Ѳ. Б.!» — «Да развѣ онъ написалъ что нибудь *новое?*» — «Нѣтъ, да вѣдь онъ тамъ всегда на *наковальнѣ*... написалъ или не написалъ, всё равно, отдувайся и за себя и за другихъ!... Спасибо за то, *Отечественнымъ Запискамъ!*» — «Да за что ты такъ не любишь Ѳ. Б.?»—«Какъ его не ненавидѣть!...Вѣдь онъ литературными своими трудами заработалъ себѣ деревеньку!»... — «Такъ что жъ?» — А я сколько исписалъ бумаги—гроша нѣтъ! Хотѣлъ, чтобъ онъ мнѣ далъ работу, чтобъ платилъ съ листа—а онъ на-отрѣзъ: поучитесь иностраннымъ языкамъ и Русской грамотѣ!—Извергъ!... Вообрази: ѣздитъ даже въ дурную погоду въ каретѣ!» — «Какое жъ тутъ зло? Посмотри-ка чѣмъ и какъ другіе наживаютъ домы и деревни! Недалѣе сказать, хоть объ этомъ начальникѣ конторы, съ татарской рожей, который разбогатѣлъ взятками съ подрядчиковъ и выставкою фальшивыхъ цѣнъ за покупку матеріяловъ — а увѣряетъ всѣхъ, что онъ нажилъ имѣнье отъ изданія чужой книжки, и будто выигралъ огромный процесъ.... Всѣ знаютъ, что онъ лжетъ, и молчатъ.... да еще и почетъ даютъ!»...—«Что ты мнѣ толкуешь пустое!» возразилъ, съ сердцемъ, первый гость: «это нашъ братъ, чиновникъ—такъ онъ *благопріобрѣтаетъ* — по журналистъ.... литераторъ!... Какъ онъ смѣетъ наживать деньги! Вѣдь это чистый грабежъ публики!»— «Неправда! — «Точно такъ!» — «Вздоръ! — «Правда!»... «Подавай *перцовки!*».... Начался споръ — а я перешелъ въ другую комнату, гдѣ играли органы: «*Ахъ какъ вѣетъ вѣтерокъ*»— изъ Аскольдовой Могилы. Въ этой комнатѣ сидѣли *любители музыки.*

Не въ укоръ, а въ похвалу Г. Верстовскому говоримъ мы, что въ каждомъ трактирномъ органѣ есть непремѣнно музыка изъ его *Аскольдовой Могилы!* Это патентъ на народность! Въ литературѣ другое дѣло! — Чтобъ быть уважаемымъ судьею въ литературѣ, надобно имѣть много природнаго ума, много начитанности и хотя нѣсколько науки. Но музыка должна дѣйствовать не на умъ, а на чувства, слѣдовательно и музыку надобно писать *для* чувствъ, а не для ума, для души, а не для головы. Вы знаете, что даже слонъ любитъ музыку и не только слушаетъ ее охотно, но даже смягчаетъ свой гнѣвъ при звукахъ мелодіи. Такъ почему же у насъ требуютъ, чтобъ о музыкѣ судили одни *музыканты!* — Аріи Россини и Моцарта поютъ въ царскихъ дворцахъ и въ тавернахъ, и въ простомъ

народѣ есть также *музыкальное чувство*, какъ и въ образованномъ сословіи, съ тою разницею, что высокое образованіе дѣлаетъ человѣка, невольно, гражданиномъ міра, въ отношеніи Искусствъ и Словесности, а люди, близкіе къ природѣ, любятъ *свое*, т. е., что имъ *сродни!* У Русскаго народа есть свой камертонъ въ музыкѣ — и свои сердечныя струны. Кто угадалъ это — честь тому и слава! Русскій народъ состоитъ не изъ подьячихъ и канцелярскихъ чиновниковъ, не изъ мѣшковъ съ деньгами, такой-то гильдіи, не изъ грѣкосѣевъ, не изъ маскарадныхъ героевъ: Русскій народъ *всѣ мы* — отъ вельможи, до крестьянина — и за кѣмъ *большинство голосовъ* — тотъ молись Богу и благодари Его — тотъ писатель народный, и мы душевно его поздравляемъ!...

Въ боковой комнатѣ сидѣли за столомъ четыре человѣка, трое во фракахъ, съ блестящими пуговками, и одинъ бородачъ. Я подошелъ къ дверямъ, чтобъ послушать, какъ они разсчитываются съ лакеемъ, который стоялъ возлѣ столика съ аспидною доскою и съ счетами. — «Говори скорѣе, что взято!» воскликнулъ бородачъ густымъ басомъ: «и клади на счеты.» — Лакей сталъ постукивать косточками на счетахъ, исчисляя, что взято гостями, въ такомъ порядкѣ, какъ одно за другимъ слѣдовало. — «Четыре рюмки водки.» — Ну, да! — «Икра съ лукомъ.» — Да! — «Водка.» — Хорошо. — «Трубки.» — Далѣе! — «Опять водка!» — Далѣе. — «Трубки.» — Далѣе. — «Водка!» — Далѣе. — «Кислыя щи и трубки.» — Хорошо. — «Селедка съ лукомъ.» — Далѣе. — «Водка.» — Далѣе. — «Трубки — водка!».... Счетъ продолжался, но я перешелъ въ другую комнату — и слышалъ издали повтореніе одного и того же: «водка, трубки, трубки и водка!»... Наконецъ, изъ той комнаты, гдѣ считались, вышелъ человѣкъ.... Но тутъ надобно отдохнуть и собраться съ силами!....

«Что это за господинъ?» спросилъ я лакея. Онъ улыбнулся и отвѣчалъ: «*Таланъ*-съ!» — Что значитъ это? — «*Таланъ*-съ! Такъ его всѣ здѣсь зовутъ. Онъ ходитъ въ *заведеніе* всякій день, съ тѣхъ поръ, какъ оно устроено — и служители сдаютъ его съ рукъ на руки, подъ именемъ *талана!*» — Да что онъ, служитъ гдѣ, что ли? — «Сказываютъ, лѣтъ за двадцать назадъ, служилъ писаремъ въ кварталѣ, а теперь онъ *такъ-себѣ*, человѣкъ *пантикулярный* (*)»..... Этотъ *пантикулярный* показался мнѣ весьма занимательнымъ и я всунулъ въ руку лакею двугривенникъ, примолвивъ: пожалуйста, разскажи мнѣ все, что ты знаешь объ немъ! — «Да объ немъ, сударь, знать-то нечего!» возразилъ лакей. «У него, какъ говорится, ни кола, ни двора — а живетъ онъ своимъ *таланомъ*.... какъ его прозвали!» — А какой же у него *талантъ?* — «Онъ, сударь, страшный грамотѣй... ужъ

(*) То есть, партикулярный, частный, неслужащій.



такой *борзописецъ*, что когда дадутъ ему листъ бумаги, такъ пока онъ осушитъ графинчикъ *перцовки*, — листъ исписанъ кругомъ, а если не присмотрѣть за нимъ, такъ онъ, исписавъ бумагу, станетъ писать по столу!»... — А что жъ онъ пишетъ? — «Да что угодно: просьбы, хоть куда, всякія жалобы, письма.... все пишетъ, что прикажете!.... А законы знаетъ лучше всякаго приказнаго!.... Къ тому жъ, если кому надобно свидѣтелей — то лучше его никто не подберетъ.... На все сущій *таланъ!*» — Только, кажется, не въ мѣру испиваетъ, сказалъ я: вотъ онъ, кажется, и теперь уже *готовъ!* — «Ни какъ нѣтъ-съ. Тѣ, которые знаютъ его давно, сказываютъ, что онъ какъ напился лѣтъ за тридцать, такъ съ тѣхъ поръ не протрезвливался, а вотъ все таковъ, какъ видите... съ боку на бокъ!... Каждый день только подливаетъ на старое сусло! Да это ничего! Дайте ему сей-часъ перо въ руки — онъ вамъ, сударь, въ сутки испишетъ кругомъ всѣ эти стѣны, а когда станете подчивать вдоволь водкою, то къ вечеру выпишется изъ воротъ, на улицу!... Подлинный *таланъ!*»

Лакея позвали, и я сталъ всматриваться въ несчастнаго борзописца. Это былъ уже пожилой человѣкъ, высокаго роста, перегибающійся безпрестанно на всѣ стороны, какъ будто спиртъ — переливаясь по всѣмъ его жиламъ — приводилъ его въ движеніе. Лице его было, какъ говорится: *лице безъ образа!* Какое-то удивительное сліяніе красокъ, (въ которомъ господствовали, преимущественно, два цвѣта, темно-красный и фіолетовый или синій съ фіолетовымъ отливомъ) сосредоточиваясь на оконечности длиннаго его носа, расходилось полосами по фалдамъ морщинъ, которыми покрыты были лобъ его и щеки. Сѣдые волосы были растрепаны, борода походила на изношенную щетку, красныя вѣки полузакрывали безцвѣтные глаза.... Измятое, пыльное и запушенное платье висѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ, а сапоги, совершенно лишившись своей обыкновенной формы, походили на старые кошели.... Съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ, которымъ онъ безпрестанно искалъ своего рта, приставляя оконечность чубука то къ губамъ, то къ носу, то ко лбу — подошелъ онъ къ буфету, возлѣ котораго стоялъ толстой купецъ.... Умильно взглянулъ *таланъ* на графинчикъ съ водкою, и ударивъ купца по плечу, сказалъ съ гримасою, похожею на улыбку: «Пахомычъ! Одинъ конецъ — выпьемъ!» — «Наливай!» примолвилъ купецъ. Буфетчикъ налилъ и они выпили....

— «*Таланъ*, *таланъ!*» раздалось изъ третьей комнаты. «Сидорычъ, тебя кличутъ», сказалъ купецъ борзописцу, и онъ пошелъ къ дверямъ. Я заглянулъ.... тамъ уже лежала бумага, и стоялъ графинчикъ съ водкою.... Для *талана* открылось поприще!....

Какой-то человѣкъ среднихъ лѣтъ, плотный, въ длинномъ сертукѣ, коротко остри-

женный, по видимому управитель или домовой приказчик, замѣтивъ любопытство, съ какимъ я разсматривалъ *талана* — сказалъ мнѣ: «Я помню его съ дѣтства... Онъ, говорятъ, учился изрядно, и былъ съ молода учителемъ, даже сочинилъ что-то... Но *талана* его не *уважили*, и онъ съ горя — *спился съ кругу!...* Прежде *пивалъ запоемъ*, а теперь *пьетъ безъ просыпу!*»....

Эти слова заставили меня призадуматься! Такъ вотъ куда ведетъ горе человѣка, безъ силы душевной! Меня пробяла дрожь, при повтореніи *не переводимыхъ коренныхъ Русскихъ словъ*, которымъ нѣтъ равносильныхъ ни въ какомъ языкѣ: *спился съ кругу!...* Пьетъ *запоемъ!...* Эти слова могли родиться тамъ только, гдѣ люди упиваются *водкою!* Я не знаю въ мірѣ высшаго несчастія, бѣдствія, плачевнѣе, какъ *спиться съ кругу* или быть *укушенымъ бѣшеною собакою....* Но *пьянство* хуже *бѣшенства*, потому что бѣшенство возбуждаетъ въ свидѣтелѣ только ужасъ и сострадапіе, а пьянство пораждаетъ въ каждомъ презрѣніе и отвращеніе!.... Мнѣ стало грустно — и я поспѣшно вышелъ изъ ресторацiи....

Хотѣлъ-было я повесть васъ въ кухню Русской ресторацiи... но это было бы слишкомъ.... на одинъ разъ! Во-первыхъ, не знаю, съ вами ли ваши галоши, чтобъ пройти отъ дверей кухни до печи, а во-вторыхъ, боюсь за васъ, если вы слабонервны, чтобъ вы навсегда не отказались отъ жареныхъ индѣекъ и пулярдъ, увидѣвъ какъ ихъ рубятъ здѣсь на порціи, на той же *колодѣ*, на которой колютъ дрова и ставятъ кастрюли.... А поварскіе столы?.... Не заглядывайте въ щели столовъ!.... Нѣтъ, если вы не закалены на бивакахъ, не ночевали въ жидовскихъ корчмахъ и въ чухонскихъ избахъ, то можете упасть въ обморокъ....

А все-таки нигдѣ вамъ не сварятъ такой Русской ухи, такихъ щей, не спекутъ такихъ вкусныхъ блиновъ, пироговъ и не изготовятъ солянки, какъ въ Русской ресторацiи!.... И если вы любите эти народныя блюда — то непремѣнно должны, хоть разъ въ жизни, пообѣдать въ одномъ изъ лучшихъ Русскихъ трактировъ, заказавъ обѣдъ сутками впередъ — и приказавъ, чтобъ бѣлье было свѣжее.... Русскіе трактирщики еще не дошли, въ подражаніи иностранцамъ, до того, чтобъ для каждаго гостя подавать свѣжее столовое бѣлье, и послѣ каждаго гостя снимать бѣлье со стола, а не оставлять столъ накрытымъ, однимъ и тѣмъ же бѣльемъ, въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ! Меня *не поняли*, когда я сталъ толковать хозяину и буфетчику, что съ голода я съѣлъ бы, не брезгая, кусокъ сыраго лошадинаго мяса, но ни за что не согласился бы утереться чужою салфеткою! — «Эхъ, сударь, было бы что ѣсть!» сказалъ хозяинъ. — «Нѣтъ, братецъ, не такъ! *Какъ ѣсть*, столь же важно какъ и: *что ѣсть!*

Русская ресторація — предметъ *безначальный* и *безконечный* для плодовитаго

пера.... особый міръ, который едва ли можно изобразить въ *десяти* поэмахъ такого объема и содержанія, какъ поэма: *Мертвыя Души*.... Я не передалъ вамъ ни языка, ни остротъ, ни шуточекъ Русской ресторацін, потому все это вы уже знаете изъ комедіи: *Женитьба* — изъ вышеозначенной поэмы, изъ твореній автора *Петербургскихъ Квартиръ* и *Титулярныхъ Совѣтниковъ* и т. п... Прощайте, я усталъ— и ѣду обѣдать.... къ доброму нашему Леграну!....

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 19 Января 1843 года. *Ценсоръ* П. Корсаковъ.



ВОРОЖЕЯ.

«Consensus omnium populorum»....

Если вы спросите образованнаго человѣка, вѣритъ ли онъ въ ворожбу, въ предзнаменованія, въ предсказанія, въ предчувствія, въ сны, въ чародѣйство, и т. п., умный и образованный человѣкъ или приметъ вашъ вопросъ за шутку или посмѣется надъ вами, или, пожалѣвъ о вашемъ легковѣріи, весьма невыгодно заключитъ объ вашемъ умѣ. А между тѣмъ, всѣ люди вообще легковѣрны отъ природы; и если только есть врожденныя чувства въ человѣкѣ — то легковѣріе одно изъ самыхъ сильныхъ врожденныхъ чувствъ. Просвѣщеніе и образованность есть только броня, которою мы прикрываемъ умъ нашъ отъ вліянія предразсудковъ, но бываютъ случаи, въ которыхъ самый сильный умъ изнемогаетъ, и слагаетъ съ себя броню, подвергаясь безпрепятственно вліянію всѣхъ вымысловъ фантазіи. Великія бѣдствія, смѣлыя предпріятія, соединенныя съ большими опасностями, сильныя страсти, неразлучныя съ сомнѣніями, тѣлесные недуги и даже самые мелкіе разсчеты жизни, которымъ мы подчиняемъ наше спокойствіе и счастіе, однимъ словомъ, всѣ случаи, въ которыхъ *страхъ, надежда* и *страсть* — сильнѣе *разсудка,* предаютъ насъ во власть легковѣрія, и тогда мы прибѣгаемъ къ тому, во что *не вѣримъ,* и что намъ казалось смѣшнымъ въ другихъ людяхъ, когда мы были могущественны, безопасны, здоровы, счастливы и безстрастны. Всѣ великіе мужи древности и новыхъ временъ платили дань легковѣрію и предразсудкамъ. Сократъ, который, во времена грубаго язычества, первый постигъ величіе Единаго Бога — вѣрилъ въ пріязненнаго духа — предостерегателя, и умирая за предвѣчную истину.... на смертномъ одрѣ завѣщалъ.... принесть пѣтуха въ жертву Эскулапу!.... Мудрый Пиѳагоръ, умъ математическій, ходилъ въ

Сидонъ совѣщаться съ оракуломъ! Θеокритъ простодушно вѣрилъ въ чудеса Медеи и Цирцеи, и знаменитый Демосθенъ *гордился* тѣмъ, что первый въ Греціи возвѣстилъ о существованіи *вѣдьмъ!!!*.... Ни одинъ изъ героевъ Рима, даже великій Цесарь не дерзнулъ усомниться въ справедливости предсказаній Пиθіи и въ достовѣрности книгъ Сибиллиныхъ, и врагъ Цесаря, Брутъ, писавшій къ Цицерону посланія о *мудрости* — вѣрилъ, что къ нему явилась тѣнь Цесаря, предъ Филиппійскою битвою! Общее мнѣніе было всегда сильнѣе разсудка.... и когда онъ не могъ побѣдить препятствій — даже мудрецы прибѣгали къ глупости! Таковы люди во всѣ времена! Христіанство, истребивъ ложную вѣру, не истребило въ людяхъ ложныхъ понятій, основанныхъ на легковѣріи. Въ Средніе Вѣки всѣ вѣрили въ волшебство, какъ нынѣ вѣрятъ въ дѣйствіе паровыхъ машинъ. Возродившееся просвѣщеніе не истребило предразсудковъ. Великій Валленштейнъ ничего не предпринималъ безъ совѣщанія съ своимъ астрологомъ, — и даже Наполеонъ, обнимавшій геніемъ своимъ всю Вселенную — вѣрилъ во вліяніе своей *звѣзды* и въ появленіе *краснаго человѣка,* предсказывавшаго ему, въ первый разъ, въ Египтѣ! Удивительнѣе всего, что въ то самое время, когда Вольтеръ, съ своей сектой Энциклопедистовъ, разрушалъ истинную Вѣру — послѣдователи его вѣрили Сведенборгу, повѣствовавшему о странствіяхъ своего духа по планетамъ, и совѣщаніяхъ съ безплотными существами. Философы XVIII вѣка вѣрили Графу Сенъ-Жермену, разсказывавшему, въ высшихъ обществахъ Парижа, о приключеніяхъ своей *двухъ-тысячелѣтней жизни,* о дружбѣ своей съ Пилатомъ Понтійскимъ, о ссорѣ съ Каифою, объ оргіяхъ Нерона, на которыхъ онъ присутствовалъ, — и объ игрѣ своей въ шахматы съ Карломъ Великимъ!!! Ученые молчали, когда Месмеръ хотѣлъ магнитизировать солнце, и еще недавно, не только весь Парижъ, но и вся образованная Европа слушали оракуловъ Г-жи Ленорманъ! И теперь, въ наше время, умные и даже ученые люди вѣрятъ въ чудесную силу *децилліонныхъ частицъ* гомеопатіи и въ волшебное дѣйствіе простой воды противу всѣхъ недуговъ..... что, конечно, непостижимѣе всѣхъ оракуловъ и авгуровъ! И чѣмъ же утѣшаютъ себя мудрецы, въ своемъ легковѣріи? Мечтами поэтовъ и примѣрами великихъ мужей! Кто изъ насъ не помнитъ словъ Шекспира: «Много есть такихъ вещей между небомъ и землею, о которыхъ даже не снилось мудрецамъ!»

Я человѣкъ — и хочу жертвовать, хоть разъ въ жизни, каждой изъ безвредныхъ слабостей человѣчества, чтобъ испытать всѣ ощущенія.... хочу принесть дань легковѣрію, и, сравнивая гомеопатію, гидропатію, магнитическій сомнамбулисмъ и другія подобныя вещи, въ которыя люди еще вѣрятъ — сравнивая съ ворожбою — отдаю

преимущество ворожбѣ.... и немедленно иду къ ворожеѣ!....

Въ Петербургѣ есть нѣсколько улицъ, которыя, хотя находятся почти въ центрѣ города, но кажутся отдаленными, въ родѣ предмѣстья, какъ напримѣръ, нѣсколько Подьяческихъ улицъ, нѣсколько Мѣщанскихъ, съ ихъ переулками и перекрестками. Тутъ почти всѣ домы каменные и между ними есть не только огромные, но даже и великолѣпные, новой постройки. Но есть тутъ также много и такихъ домовъ, которые были *въ свое время* великолѣпными, теперь обветшали и стали убѣжищемъ бѣдныхъ ремесленниковъ, чиновниковъ, живущихъ однимъ жалованьемъ, просителей, богатыхъ одними надеждами, пѣшихъ ходатаевъ по дѣламъ, различныхъ спекуляторовъ третьяго разряда и мелкихъ искательницъ счастья и пропитанія явными и полупрозрачными средствами. Въ одномъ изъ этихъ ветхихъ домовъ жила ворожея, къ которой я пошелъ, по рекомендаціи пріятеля, увѣрявшаго меня, что она, не видавъ его отъ-роду въ глаза, не зная ни имени, ни званія, съ перваго раза разсказала ему всю подноготную, какъ будто она вѣкъ прожила у него въ боковомъ карманѣ — и предсказала будущее.... весьма и весьма утѣшительное, которое отчасти уже сбылось. Пріятель мой, лѣнясь служить, намѣревался ѣхать на Кавказъ, за чиномъ коллежскаго ассессора, и остался, по увѣренію ворожеи, что онъ получитъ этотъ чинъ въ столицѣ, за отличіе. Онъ перестал лѣниться, сталъ работать за десятерыхъ, не прятался отъ начальниковъ, а напротивъ, нарочно показывался имъ на глаза, служилъ, услуживалъ и прислуживался, и точно получилъ чинъ.... за отличіе!.... Послѣ первой удачи, пріятель мой ждалъ исполненія втораго предсказанія — а именно, богатой невѣсты, и для этого связался со всѣми свахами, намѣкалъ каждому просителю о намѣреніи своемъ *вступить въ законный бракъ*, отъ котораго удерживаетъ его только недостаточное состояніе, и наконецъ дошелъ до того, въ силу предсказанія ворожеи, что уже имѣлъ въ бумажникѣ списокъ одиннадцати невѣстъ, съ приданымъ, изъ трехъ главныхъ сословій: дворянскаго, купеческаго и мѣщанскаго, и изъ четырехъ единственныхъ женскихъ званій, изъ которыхъ можно выбирать невѣстъ, а именно: изъ разведенныхъ женъ, изъ вдовъ, изъ дѣвъ и дѣвицъ. Послѣ такого яснаго доказательства предсказательнаго дара ворожеи, мнѣ не возможно было сомнѣваться въ ея всезнаніи, и пріятель мой, пріобрѣтшій ея довѣренность за двадцать пять рублей ассигнаціями, далъ мнѣ рекомендательное письмо къ ней, снабдивъ притомъ наставленіемъ, чтобъ я былъ тихъ, скроменъ, вѣжливъ, не оказывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія или недовѣрчивости и — заплатилъ деньги впередъ.... чѣмъ больше, тѣмъ лучше....

Погода была демонская, благопріятная

чародѣйству, сырая и холодная. Оставивъ экипажъ на углу улицы, какъ дѣлаютъ обыкновенно всѣ тѣ, которые ѣдутъ, куда имъ не слѣдуетъ ѣздить, я пошелъ пѣшкомъ въ домъ, гдѣ жила ворожея, храбро перешелъ вбродъ черезъ лужу, подъ воротами, въ которой купались утки, и взошелъ на лѣстницу. На ступеняхъ лежала комьями убитая грязь и я нѣсколько разъ спотыкался, не смѣя ухватиться за жирныя поручи. Вхожу въ полумрачный коридоръ, въ которомъ нѣсколько дверей, и у каждыхъ дверей два ушата, одинъ съ чистой водой, а другой съ помоями. Въ одномъ углу кудахчутъ куры, въ другомъ углу, за перегородкой, блеетъ коза, а посрединѣ корридора ворчитъ огромная собака.... Я остановился! Слабый лучъ свѣта, пробивавшійся отъ входа съ лѣстницы, ударялъ прямо въ двери, и освѣщалъ на нихъ магическій знакъ, о которомъ говорилъ мнѣ пріятель: *звѣзду,* или правильнѣе: два треугольника, пересѣкающіе другъ друга. Звѣзда эта начертана была, вѣроятно, ваксою, и не кистью, а пальцемъ. Я постучался въ дверь три раза, двойными ударами, по совѣту пріятеля. Это былъ условленный знакъ для людей *надежныхъ.* Дверь отворилась. Меня встрѣтила молодая, плотная женщина, и ввела прямо въ кухню, замѣняющую также и переднюю. Взглядъ этой женщины — оковалъ меня, какъ взглядъ василиска! Я смотрѣлъ на нее, и не могъ промолвить слова. Волосы ея были черны какъ смоль, лице смуглое, полное; глаза большіе, на выкатѣ, горѣли какъ уголья, густыя брови подняты были вверхъ; носъ былъ какъ клевъ у кончика; широкіе зубы блестѣли, какъ снѣгъ. Женщина встрѣтила меня съ улыбкою, отъ которой у меня пробѣжали мурашки по кожѣ! Она была вовсе не безобразна, не отвратительна — но была страшна, была ужасна, какъ баснословная Медуза, какъ Горгона! «Извольте войти,» сказала она ломанымъ Русскимъ языкомъ — и видя, что я не двигаюсь съ мѣста и смотрю на нее пристально, она замѣтила мой испугъ, снова улыбнулась и пошла передо мною въ другую комнату, прихрамывая на правую ногу. Я все стоялъ на мѣстѣ, и въ головѣ моей мелькнула мысль *объ очарованіи взглядомъ,* объясняемомъ *животнымъ магнитисмомъ;* — я уже начиналъ вѣрить.... «Да войдите же!» повторила молодая женщина, высунувъ голову изъ-за дверей — и я, устыдясь моей робости, вошелъ въ двери.... Позвольте перевесть духъ!....

Гдѣ я?.... Уже ли въ Петербургѣ!.... Существенность ли это, очарованье ли или магнитическій сонъ? — Подъ окномъ, возлѣ столика, въ большихъ креслахъ, сидѣла старуха, въ очкахъ, въ бѣломъ чепцѣ, изъ-подъ котораго ниспадали, въ безпорядкѣ, на лобъ и на щеки сѣдые волосы.... Отъ-роду не видалъ я такого лица и такой физіономіи!.... Молодая женщина походила лицемъ на старуху — и видно было, что

это мать и дочь, но всѣ черты лица у старухи были въ огромныхъ размѣрахъ. Если носъ молодой женщины походилъ на клевъ копчика, то носъ старухи припоминалъ древняго гриффона, глаза уподоблялись двумъ стекляннымъ шарамъ, налитымъ водою, которые ремесленники и художники, для умноженія свѣта, ставятъ передъ свѣчею или лампою. Морщины на щекахъ были въ палецъ толщиною, и висѣли подъ челюстями на полвершка, образуя, вмѣстѣ съ подбородкомъ, родъ ожерелья, какъ у индѣйскаго пѣтуха. Ротъ составлялъ дугу, которой концы склонялись на это ожерелье, и два клыка, выдавшись изъ челюсти, поддерживали верхнюю губу. Старуха прикрыта была, какъ плащемъ, одѣяломъ изъ пестрой шотландской ткани.... Молодая женщина подвинула мнѣ стулъ, а старуха дала знакъ рукою, чтобъ я присѣлъ....

Я видалъ цыганскіе таборы въ Польшѣ и Малороссіи, видалъ шайки хитановъ въ Испаніи, видалъ юродивыхъ въ Россіи, видалъ въ Малороссіи, такъ называемыхъ, чаровницъ и знахарей, и даже верстъ за полтораста ѣздилъ нарочно, чтобъ взглянуть на старуху, въ Финляндіи, слывшую въ простомъ народѣ вѣдьмою — но такого лица, такой фигуры и физіономіи я не только никогда не видывалъ, но и не воображалъ! Въ этой чудной физіономіи старухи была игра, въ глазахъ горѣло какое-то *отдаленное* пламя — и разрушенный старостью порядокъ въ чертахъ лица сохранялъ еще отпечатокъ ума и проницательности, какъ груда развалинъ древняго Греческаго храма сохраняетъ въ себѣ слѣды минувшаго изящества. Такова долженствовала быть Пиѳія, прорицавшая народамъ Греціи судьбу ихъ, въ храмѣ Дельфійскомъ — нѣтъ, такова долженствовала быть Сибилла, но не Греческая и не Римская Сибилла, а древняя Вавилонская, которая, по толкованіямъ Еврейскихъ талмудистовъ и Халдейскихъ волхвовъ, спаслась отъ потопа въ ковчегѣ Ноевомъ, и предсказала сооруженіе Вавилонской башни, покореніе Азіи Александромъ Великимъ и пришествіе Мессіи.... Такъ! это она!.... Сибилла Восточная, изъ древнѣйшаго племени на Земномъ Шарѣ, сохранившемъ свои предпотопныя преданія и повѣрья, свою предпотопную исторію и всѣ свои предразсудки! Это Сибилла изъ племени геніяльнаго, которое, подобно подземному пламени, уцѣлѣвшему во время потопа, сохранилось между наплывомъ и смѣсью другихъ племенъ — это Сибилла Еврейская!....

Цыганскія ворожеи, рѣзкостью своею и плутовскими ухватками, никогда не производили на меня ни какого впечатлѣнія. Русскіе юродивые казались мнѣ только жалкими, а Русскія и Малороссійскія бабы, которыя наводятъ страхъ на суевѣрныхъ поселянъ — просто глупыми.... Напротивъ того, въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи этой Восточной Сибиллы виденъ былъ отпечатокъ поблекшихъ преданій, угас-

шихъ вѣрованій древняго народа, и морщины ея лица казались неизгладимымъ слѣдомъ древней мудрости, которую младенчествующее человѣчество чтило подъ именемъ магіи, или тайной науки! — Не съ насмѣшкой, но съ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, смотрѣлъ я на старуху. Передъ ней лежали, на маленькомъ столикѣ, развернутая Еврейская книга и двѣ колоды старыхъ, засаленыхъ картъ — двѣ противоположности ума человѣческаго!.... Это была ворожея не для слабоумнаго простолюдина, но для человѣка, въ которомъ умъ упалъ подъ бременемъ жизни, или въ которомъ образованность не могла заглушить предразсудковъ, порожденныхъ нерадивымъ воспитаніемъ. Эта ворожея дѣйствовала умомъ на умы, и, какъ хищный звѣрь, питалась добычею, извлекаемою изъ слабостей человѣчества.... Я рѣшился воспользоваться ея средствами, не для забавы и не для выгодъ — но для собственнаго поученія!....

Я подалъ ей письмо моего пріятеля, въ которомъ было только одно слово, по-Нѣмецки: *ручаюсь*: N. N. — «Вы говорите по-Нѣмецки?» спросила она меня. На мой утвердительный отвѣтъ она примолвила: «Станемъ говорить по-Нѣмецки; для меня гораздо легче объясняться на этомъ языкѣ».... Взявъ двѣ таліи картъ, она начала ихъ тасовать, сказавъ: «Точно ли вы *вѣрите* въ ворожбу?» Я такъ былъ *очарованъ* этими двумя существами, старухою и ея дочерью, что не смѣлъ солгать передъ ними, и старался отдѣлаться двусмысленнымъ отвѣтомъ.—Чтобъ я вѣрилъ безусловно, этого я не могу сказать.... но—тутъ я повторилъ слова Шекспира и примолвилъ: умъ, опытность, знаніе человѣческихъ слабостей и теченія дѣлъ.... Старуха не дала мнѣ кончить и сказала улыбнувшись: «Вы пришли изъ *любопытства*, чтобъ *позабавиться*, провесть какъ нибудь время!» и потомъ, устремивъ на меня свой проницательный взоръ, примолвила: «Впрочемъ, мнѣ до этого нѣтъ нужды!.... я знаю, изъ рекомендаціи, что вы мнѣ не сдѣлаете зла.... забавляйтесь!....» — Чтобъ я вамъ сдѣлалъ зло! сказалъ я горячо: за что!.... Я и врагамъ не желаю зла! — «Не хотите ли, чтобъ я вамъ погадала?» примолвила старуха, продолжая смотрѣть на меня пристально. — Очень радъ, сказалъ я, и вспомнивъ совѣтъ пріятеля, вынулъ бумажникъ, чтобъ заплатить впередъ. Въ это время постучались у дверей. — «Откажи!» сказала старуха дочери; но я удержалъ молодую женщину и, обращаясь къ старухѣ, сказалъ: Вы погадаете мнѣ въ другое время, а теперь, если вы имѣете ко мнѣ довѣренность, позвольте мнѣ помѣститься за этими ширмами, чтобъ прислушаться и присмотрѣться, какъ вы ворожите другимъ.... Между тѣмъ....

Старуха не дала мнѣ кончить, возразивъ: «Помилуйте, какъ это можно, да этого еще

у меня не бывало, я ни за что не соглашусь»....

— Между тѣмъ, продолжалъ я: вотъ вамъ, въ задатокъ, двадцатипяти-рублевая ассигнація!....

Старуха что-то ворчала себѣ подъ носъ — и вдругъ, изъ плаща ея или изъ-подъ покрова высунулась сухая, жилистая рука, съ длинными пальцами, правильнѣе, когтями, быстро схватила ассигнацію, на лету, сжала въ четырехъ пальцахъ, и пятымъ пальцемъ указала на ширму. — «Отпирай!» сказала она дочери.

Я не видалъ вошедшаго человѣка въ лице, и по бряцанію шпаги подумалъ, что это военный офицеръ; но рѣчи посѣтителя и обращеніе убѣдили меня въ противномъ.

— «Здравствуй, Сара Моисеевна!.... Ну, что подѣлываешь? какъ поживаешь?»

— Плохо, батюшка, плохо!....

— «Сказываютъ, что ты все разсылаешь дворника, по своимъ дѣламъ, то на рынокъ, то съ письмами».... продолжалъ посѣтитель строгимъ голосомъ: «и я не могу никогда отыскать его, чтобъ дать порядочную науку.... Вѣдь это срамъ! Проходу нѣтъ подъ воротами.... Тебѣ самой слѣдовало бы постараться о чистотѣ; — вѣдь къ тебѣ болѣе ходитъ народу, чѣмъ ко всѣмъ жильцамъ вмѣстѣ!»....

Я принялъ посѣтителя за хозяина дома!....

— «Позволяютъ тебѣ подъ рукою заниматься твоимъ ремесломъ — такъ знай честь, и помни, чьи когда именины и чье когда рожденье.... Я на твой счетъ велю вычистить дворъ!».... примолвилъ посѣтитель.

— Помилуйте, батюшка.... а мнѣ откуда взять! Времена теперь плохія — ко мнѣ почти никто не ходитъ.... придется умирать съ голода.... Гроша нѣтъ за душей!.... сказала старуха, жалкимъ голосомъ....

— «Двое сутокъ ничего не варили!» примолвила, столь же жалобно, молодая женщина.

— «На тебѣ, сударыня, не видно голода!» возразилъ посѣтитель, захохотавъ.... «Хоть бы тебѣ пришлось, какъ медвѣдицѣ, свою лапу лизать, такъ все будетъ скоромное кушанье!.... Вишь, насилу повертываешься отъ жира!»....

Молодая женщина бросила на посѣтителя страшный взглядъ, заворчала и вышла изъ комнаты.

Посѣтитель положилъ шинель и шляпу на большой столъ, стоявшій возлѣ стѣны, придвинулъ стулъ къ старухѣ, сѣлъ и сказалъ: «Нутка, Сара Моисеевна, погадай! Начальство что-то морщится.... взвели *напраслину*.... гонятъ по клеветамъ!»....

Я вспомнилъ басню Крылова: *Лисица и Сурокъ*, и повторилъ про себя....

— «А видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.» —

— «А что, Сара Моисеевна, нѣтъ ли у тебя водочки! Хлебнуть бы съ горя.... Въ старину у тебя важивалась настоечка!..»

— Есть, мой батюшка, есть! сказала старуха, радуясь, что онъ смягчился. — Гей, Анна! попотчивай господина!....

— «А ты, пока, разложи карточки!»....

— Извольте!

И старуха начала тасовать двѣ колоды картъ вмѣстѣ, дала снять гостю, и потомъ стала раскладывать карты на столѣ и приговаривать : — «Пиковый король въ головахъ — не хорошо! На вашей лѣвой сторонѣ — у сердца.... пиковая семерка.... обманъ»... Я взглянулъ однимъ глазомъ въ отверзтіе, между половинками ширмъ, и увидѣлъ, что старуха, при этихъ словахъ, коварно улыбнулась и отворотила голову, а посѣтитель поморщился и почесалъ голову. Старуха продолжала : — «Съ правой стороны у васъ пиковая восьмерка — пьянство....» Посѣтитель потеръ свой красный носъ — и въ эту минуту молодая женщина принесла водку и рюмку на подносѣ. Посѣтитель выпилъ, душкомъ, огромную рюмку, сказавъ : «Старая поговорка гласитъ : курица стоитъ три денежки — да и та пьетъ!» — «Фу, какая дурная талія!» воскликнула старуха : вотъ въ ногахъ пиковая десятка — т. е., бѣда.... а вотъ три шестерки, одна за другою.... дорога или перемѣна мѣста».... Старуха хотѣла продолжать, но посѣтитель всталъ съ своего мѣста — и сказалъ : — «Довольно! Чему быть, того не миновать.... семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ! — Стоило бы тебя проучить порядкомъ, Сара Моисеевна, за то, что ты наворожила мнѣ такой страхъ.... но ты знаешь, что я добрый человѣкъ — и мы съ тобой давнишніе пріятели!».... При этихъ словахъ посѣтитель сталъ ощупывать свои карманы, и не нашедъ въ нихъ ничего, сказалъ : «Дай мнѣ, матушка, Сара Моисеевна, взаймы десять рублей — до вечера.... или отошлю, или самъ занесу!....»

— «Откуда намъ взять! У насъ нѣтъ гроша.... завопили обѣ женщины, въ одинъ голосъ.... Посѣтитель нагнулся, шепнулъ что-то на ухо старухѣ, и она, обратясь къ дочери, сказала жалобно : «Анна, отдай послѣдніе.... пойдемъ по міру!»....

— «Прощай, Сара Моисеевна.... до свиданія!» сказалъ посѣтитель, смѣясь, и надѣвая шинель — а старуха между тѣмъ что-то бормотала про себя, ужъ вѣрно не благословенія гостю! Молодая женщина вынесла деньги, и подала посѣтителю, отворотясь отъ него, и также ворча про себя.... «Прощайте, прощайте!» повторилъ посѣтитель — и вышелъ. — Я вылѣзъ изъ-за ширмъ и подошелъ къ столу. Старуха была въ бѣшенствѣ, стучала картами по столу и кричала : «Разбой, грабежъ! Ястребы, коршуны, волки, акулы!» Молодая женщина махала кулаками, вытаращивъ свои ужасные глаза, и также вопила. Я ихъ мигомъ успокоилъ, бросивъ на столъ десяти-рублевую ассигнацію, которая, въ противоположность прежнему бѣшенству, до того ихъ разнѣжила, что молодая женщина хотѣла даже поцѣловать меня. — «Садитесь,

садитесь, я вамъ погадаю!» сказала старуха: — «такому доброму господину нельзя быть несчастнымъ».... — Такъ ли полно, матушка, Сара Моисеевна! возразилъ я. Я не смѣю считать себя въ числѣ добрыхъ людей — но знаю очень много добрыхъ, которые точно такъ же счастливы, какъ овцы въ сосѣдствѣ волковъ, или куры между лисицами. Да отъ кого же и живились бы злые, если бъ не было добрыхъ! Вѣдь злые перекусались бы между собою! Злому нечего бояться, ни клеветы, ни лжи, ни обмановъ — это все его принадлежности.... «И то правда!» сказала старуха: «но за то добрыхъ любятъ!» — Любитъ — кто знаетъ, а кто не знаетъ, тотъ вѣритъ клеветѣ.... Вдругъ постучались у дверей, и я снова спрятался за ширмы.

— «*Имѣемъ* честь рекомендоваться! *Намъ* сказывали всякія разныя чудеса про васъ, матушка, такъ *мы* захотѣли попробовать счастья».... По этимъ рѣчамъ я тотчасъ узналъ Русскаго купчика. Журналисты въ печати, а Русскіе купцы въ рѣчахъ всегда употребляютъ *множественное число,* въ отношеніи къ себѣ. Это характеристическая черта.

— Угодно, чтобъ я погадала? такъ прошу садиться — сказала старуха.

— «Такъ-съ! Но *намъ* сказывали, что вы не только угадываете будущее, а знаете и все прошлое.... такъ хотѣлось бы испытать: правда ли — а тамъ ужё и погадать.»

— Садитесь, садитесь только! Пожалуй, я вамъ скажу и прошлое и все, что вы дѣлаете, какъ живете!.... сказала старуха.

Купецъ сѣлъ ко мнѣ бокомъ, и я могъ видѣть его лице и фигуру. Онъ былъ небольшаго роста, не толстый, но мясистый, съ русою бородкой и волосами, съ краснымъ лицемъ. Старуха пристально посмотрѣла ему въ глаза, потомъ велѣла пройтись нѣсколько разъ по комнатѣ, и повернуться на мѣстѣ. — Теперь сядьте! сказала старуха, тасуя карты: и смотрите мнѣ въ глаза. Вы женаты, сказала старуха. — «Точно такъ-съ.» — И имѣете дѣтей. — «Благодарить Бога!» — Такъ и кутить вамъ такъ часто не слѣдовало бы!.... Купецъ молчалъ. — Старуха продолжала: Въ собственной лавкѣ вы гость, а въ трактирахъ, да въ разныхъ мѣстахъ — хозяинъ!.... Дома пьете квасъ, а въ другихъ мѣстахъ купаетесь въ шампанскомъ, не зная въ немъ толку.... Купецъ поморщился. — Старуха сказала: Когда придется платить нѣсколько сотъ рубликовъ — такъ жметесь, а прокутить нѣсколько сотъ рублей — вамъ ничего не значитъ!.... — «Оно, конечно, бываетъ иногда!» сказалъ купецъ, запинаясь. — Бѣда въ томъ, что частенько! сказала старуха. Богъ вѣсть гдѣ проводите ночи, а дома лжете.... — «Ну, матушка, не сердитесь!» сказалъ купецъ, вѣроятно забывшись. — Да мнѣ за что сердиться! примолвила старуха, улыбаясь. Я говорю только, что есть. Водитесь вы съ пустыми людьми, не можете отказаться ни отъ одного при-

глашенія въ гости, гдѣ играютъ въ карты и попиваютъ шампанское.... Купецъ почесалъ у себя за ухомъ. — Старуха продолжала: Отъ того дѣла хромаютъ, отъ того и бьетесь, какъ рыба объ ледъ, какъ придется платить по векселямъ!.... А вѣдь сами-то капитала не наживали тяжкимъ трудомъ, не были сидѣльцемъ — такъ и горя не знаете. Деньги вамъ пришли легко.... да такъ же легко и разойдутся, когда не опомнитесь..... Богатство очень часто достается по случаю — а чтобъ удержать его, надобно ума и хорошаго поведенія.... безъ поведенія нѣтъ кредита!.... Купецъ схватилъ свою шляпу и, бросивъ десять рублей, раскланялся и сталъ надѣвать шинель.... — А что жъ гадать! сказала старуха. — «Не нужно, не нужно! боюсь!.... Все знаешь, какъ будто сидѣла у меня въ ухѣ!.... Тутъ безъ сатаны не обошлось.... прости Господи!» — и купецъ пустился бѣжать опрометью за двери.... Я вышелъ изъ-за ширмъ, и расхохотался.

— «Какъ вы это такъ хорошо разгадали этого молодца?» спросилъ я у старухи. — Передъ вами мнѣ нечего скрываться, отвѣчала она. Знаю я всѣхъ купцевъ, на пролетъ, потому что долго имѣла съ ними дѣла, по *другой части!* На лицѣ этого купчика видно, какъ въ печатной книгѣ, что онъ не доспалъ ночи три сряду; а какъ живутъ вообще купцы-кутилы — это извѣстно намъ, какъ дважды два четыре! Пока иной купецъ наживаетъ деньги, то крѣпится, а какъ нажилъ — тутъ позволяетъ себѣ, что охуждалъ въ другихъ. Но записные кутилы не тѣ, которые сами наживаютъ или нажили капиталъ.... За нихъ будутъ мотать ихъ сынки....; а вотъ эти-то сынки — хоть выведи ихъ въ дворянство, хоть оставь въ купечествѣ — будто родились на то, чтобъ поддерживать трактиры и разныя мѣста — и какъ можно скорѣе промотать отцовское наслѣдіе.... а все отъ того, что съ молоду не кладутъ ни сюда, ни сюда! старуха указала на сердце и на голову.

Опять постучались — и я опять спрятался за ширмы.

— «Ба! Ни какъ узнать нельзя!» закричалъ вошедшій человѣкъ, громкимъ и густымъ басомъ. «А все таки видно по носу и по глазамъ.... И то сказать, прошло много времени!.... Не узнаете меня?»

Старуха пристально смотрѣла на гостя и качала головою.

— «Видно и я крѣпко перемѣнился! А вѣдь мы когда-то были въ большой дружбѣ, когда вы еще назывались Каролиной Ивановной и жили въ Глухомъ Переулкѣ.... Помните, когда у васъ было дѣло въ Управѣ Благочинія.... слѣдствіе.... допросы!»....

— Что старое вспоминать! Что было, то прошло — и не воротится! сказала старуха съ досадою.

— «Ужели не узнаешь меня, Ѳеоклиста Пахомовича Колотушкина?»

— Не помню, батюшка, не помню, стара стала!....

— «Да, какъ же ты, матушка, Каро.... или какъ бишь нынѣ»....

— «Сара Моисеевна,» примолвила молодая женщина, выглянувъ изъ кухни.

— «Какъ же ты, Сара Моисеевна, дошла до такой мудрости, что, какъ говорятъ, знаешь прошедшее и предсказываешь будущее?»....

— Въ старыхъ книгахъ вычитала, батюшка! отвѣчала старуха, понизивъ голосъ и развернувъ Еврейскую книгу, которая лежала передъ нею, на столикѣ.

Посѣтитель заглянулъ въ нее, перевернулъ нѣсколько листовъ и сказалъ: «Да это какая-то тарабарская грамата.... чертовщина, что ли!.... Послушай же меня, матушка, Сара Моисеевна, старинная моя пріятельница! Двое сутокъ назадъ, я видѣлъ страшный сонъ, такой сонъ, что меня въ холодный потъ бросило, и до сихъ поръ морозъ по кожѣ подираетъ, какъ вспомню! — Про старину тебѣ сказывать нечего. Хоть прошло уже двадцать лѣтъ — но я не перемѣнился — живу, какъ и прежде, отъ мѣста».... — Понимаю, понимаю! примолвила старуха, съ лукавою улыбкою, — и Колотушкинъ продолжалъ: «Живу отъ мѣста, трудомъ и работою».... Старуха сдѣлала страшную гримасу. — «Теперь, разумѣется, я взобрался повыше — двадцать лѣтъ много времени — и мѣсто мое.... хлопотливое».... — Ужъ вѣрно и *теплое!* примолвила старуха. — «А кому охота зябнуть!» сказалъ Колотушкинъ, улыбнувшись: «Угадала! Мѣсто теплое.... да скользкое! Завистниковъ много, а начальство нынѣ строгое, смотритъ на пальцы.... такъ и на тепломъ мѣстѣ сидишь иногда, какъ въ пламени, а и пошевельнуться страшно, чтобъ не поскользнуться!.... Охъ, плохія времена, Сара Моисеевна!»

— Да, времена плохія.... примолвила старуха: люди умудряются!....

— «Ужъ умудрились, матушка Сара Моисеевна, умудрились на нашу бѣду!» сказалъ, со вздохомъ Колотушкинъ. «Въ старыя времена, скажи про человѣка, что онъ взялъ что нибудь съ просителя, нажилъ неправильно — такъ разскащику дѣваться некуда! Назовутъ, бывало, доносчикомъ, фискаломъ — и со свѣта сживутъ! А теперь, за столомъ или за картами преспокойно говорятъ: тотъ воръ, тотъ взяточникъ, тотъ интригантъ — а нынѣшняя молодежь еще и за честь себѣ поставляетъ, доводитъ до свѣдѣнія начальства о томъ, что почитаетъ неправдою.... а начальство.... не смотритъ нынѣ ни на жену, ни на дѣтей — махъ перомъ — и ступай въ отставку, или хуже — подъ судъ! Даже домишка нельзя купить на имя жены! Вотъ до чего мы дожили! А все эти проклятые писаки, сочинители, авторы, журналисты!... Чортъ ихъ всѣхъ побери!.... Они доносятъ печатно!»....

— А все же, батюшка, и нынѣ есть люди, что какъ птицы Божьи ни орютъ, ни сѣютъ, а питаются и жирѣютъ, помахивая *перышками*.... сказала старуха, улыбаясь насмѣшливо.

— «Не тѣ времена, матушка! У насъ есть повытчикъ, большой шутникъ и притомъ стихотворецъ.... впрочемъ человѣкъ порядочный и дѣлецъ стараго покроя.... онъ на этотъ счетъ сочинилъ пѣсенку, которую пропѣлъ у меня, на имянинахъ — а я наизусть ее выучилъ и напѣваю, чтобъ разогнать горе!» — Колотушкинъ запѣлъ:

«Ахъ, гусиное крыло,
Ты насъ къ счастію вело!
А теперь для насъ крыло,
Стало то жъ, что помело!
Чистота, чистота,
А въ карманахъ пустота!

* * *

Завелись вездѣ порядки,
И гоненіе за взятки!
Мыши крѣпко присмирѣли,
Волки крѣпко разжирѣли!
Чистота, чистота,
А въ карманахъ пустота!»

— Далѣе не помню!»....

— Ужъ коли сравнивать — такъ вы не похожи на мышь! — сказала старуха, насмѣшливо.

—«Еще меньше, чѣмъ мышка, матушка, Сара Моисеевна, норки своей нѣтъ! Гонятъ!.... Да вотъ послушайте сонъ. У насъ есть куріозное дѣло! Два богача тягаются, по злости, другъ на друга. Люди добрые, нечего сказать, такъ мы, чтобъ не обидѣть ни того, ни другаго рѣшеніемъ, пустили дѣло въ проволочку, и вотъ ужъ седьмой годъ, какъ оно у меня подъ краснымъ сукномъ.... А тутъ.... брякъ, какъ крыша на голову — перемѣна начальства.... А новое начальство-то, матушка, Сара Моисеевна... что твоя крапива! такъ и жжется! Вотъ пошли ревизіи — не то, что было встарину: обѣдъ съ *мазомъ* — и подпись бумагъ.... Нѣтъ! нынѣ ревизія — пуще пытки... Явился какой-то мраморный человѣкъ.... роется въ регистрахъ, въ архивахъ, въ журналахъ — и слова не промолвитъ! Только и слышалъ его голосъ — при спросѣ о дѣлѣ двухъ богачей! Нечего сказать, безъ вины виноватъ! Мы приготовили завтракъ, на славу; онъ покачалъ головою, засмѣялся — и вышелъ, презрѣвъ хлѣбомъ-солью!.... Подослали къ нему человѣчка съ разными мирными предложеніями — онъ чуть его не взашей, за двери..... Вотъ мы съ горя сами съѣли завтракъ, выпили по маленькой, и я прилегъ уснуть — и вижу.... вотъ такъ ясно, какъ тебя теперь вижу, Сара Моисеевна.... вижу льва, огромнаго ростомъ, съ трехъ-этажный домъ.... Левъ этотъ сидитъ на высокомъ мѣстѣ и въ одной лапѣ держитъ мѣшокъ, а другою лапою хватаетъ приказный народъ за волосенки, да и прячетъ въ мѣшокъ.... Всѣхъ моихъ пріятелей засадилъ онъ одного за другимъ въ этотъ мѣшокъ, а потомъ схватилъ и меня за хо-

холъ, да пихъ туда же, завязалъ и тиснулъ съ верху — въ болото! Мѣшокъ лопнулъ — и мы всѣ разлетѣлись въ разныя стороны, а я попалъ живцемъ — въ когти медвѣдю, который и сталъ сдирать съ меня кожу.... Уфъ страшно! Тутъ я вскрикнулъ и проснулся.... Спрашивалъ всѣхъ, что это значитъ, никто не хотѣлъ мнѣ растолковать, а наконецъ повытчикъ, стихотворецъ, присовѣтовалъ итти къ тебѣ, Сара Моисеевна. Онъ также знавалъ тебя встарину! Вотъ тебѣ, матушка, кровныхъ двадцать пять рубликовъ, только, пожалуйста, растолкуй мнѣ этотъ сонъ хорошенько.... Вѣдь тутъ нѣтъ ничего худаго, не правда ли?»

Старуха припрятала деньги, а потомъ сказала: Да вѣдь вы пришли сюда за правдой, а не за обманомъ, такъ и слушайте, не гнѣваясь. Я не знаю, что скажетъ эта книга! — Тутъ она развернула Еврейскую книгу, стала перевертывать листы и шептать про себя — а потомъ, закрывъ книгу, опрокинулась въ креслахъ и безмолвно смотрѣла въ лице Колотушкину, который примѣтно струсилъ.

— «Ну, что же говоритъ твоя книга?»

— Плохо, плохо, сударь.... очень плохо!.... лучше замолчать!....

— «Нѣтъ, говори! что бъ ни было, скажи!.... По крайней мѣрѣ можно приготовиться»....

— Левъ — значитъ вашъ честный и благородный начальникъ; въ мѣшокъ — подъ судъ; болото — отрѣшеніе отъ мѣста; медвѣдь, что деретъ шкуру.... тотъ, который будетъ имѣть у себя ваше дѣло, когда будете подъ судомъ.... надобно вамъ позапастись!....

— «Чортъ побери и тебя и твоего медвѣдя!» закричалъ Колотушкинъ. — «Отдай мнѣ деньги; — и провалитесь всѣ вы сквозь землю!»....

— Отдать вамъ деньги! За что! развѣ я не растолковала вамъ сна — а развѣ вы съ меня не брали въ старые годы! закричала старуха.

— «Не отдашь — отниму!» завопилъ Колотушкинъ и бросился къ старухѣ; но въ ту же минуту молодая женщина подбѣжала съ тыла и схватила его за руки; а я, чтобъ прекратить начало драки, вышелъ изъ-за ширмъ.

Колотушкинъ испугался, сталъ со мною раскланиваться и, схвативъ шляпу, побѣжалъ къ дверямъ. Молодая женщина бросила ему, чрезъ двери, шинель на голову, и толкнула въ коррйдоръ.

— Ну, слава Богу, что пошла гроза и на этихъ разбойниковъ! сказала старуха. Она была въ ужасномъ бѣшенствѣ, тряслась и едва могла говорить. Я посовѣтовалъ ей выпить стаканъ холодной воды.

— Если вы станете каждый разъ такъ сердиться, Сара Моисеевна, сказалъ я: то у васъ не станетъ ни силъ, ни здоровья!

— Хоть придется умереть на мѣстѣ, возразила старуха: а буду говорить — правду.... всякому!....

— Правду!.... примолвилъ я, значительно посмотрѣвъ на старуху. — Кто же поручится за вашу правду, любезная Сара Моисеевна? Между нами будь сказано: вѣдь правда не дается такъ легко....

— Что вы это, батюшка, что вы это! воскликнула старуха, поднявъ руки.... не вѣрите моей правдѣ? — Да я слова фальшиваго не скажу! А гдѣ моя правда? спросите вы. На лбу, сударь, у тѣхъ, которые приходятъ ко мнѣ, чтобъ узнать ее отъ меня! Да, сударь, на лбу, на лбу! кричала старуха.... Вотъ и у васъ все прошлое и будущее написано на вашемъ лицѣ!.... Вотъ въ глазахъ вашихъ я вижу, чѣмъ бы вы были, если бъ не кровь, не горячая кровь.... проклятая кипучая смола!.... да вотъ не это!.... Старуха высунула свой языкъ, и ударила по немъ пальцемъ. Она была въ какомъ-то восторгѣ, говорила громко, размахивала руками и кривлялась. — «Бѣдныя женщины! примолвила она важно. Для всѣхъ ихъ узкая стезя въ жизни.... сошла съ нея — бѣда! А для мужчинъ — широкая дорога! Нынѣ даже и не грамотному извѣстно, какъ итти по этой дорогѣ, передъ кѣмъ посторониться, кого толкнуть, кому поклониться, когда и кого поднесть на своихъ плечахъ — и когда и кого сбросить въ ровъ.... Зачѣмъ же вы не пошли этимъ путемъ?»....

— Каждому свое, Сара Моисеевна! сказалъ я: не сожалѣю о томъ, что я сдѣлалъ....

— «Вы не сожалѣете, да другіе сожалѣютъ объ васъ, о другомъ, о третьемъ, сожалѣютъ, видя, что за народъ надувается передъ вами, потому только, что они шли впередъ битою дорогою, а вы поотстали!.... Старуха при сихъ словахъ захохотала пронзительнымъ смѣхомъ. «Не могу удержаться отъ смѣха, когда подумаю, что Колотушкинъ также могъ быть бы важною персоною! Да еще Колотушкинъ по крайней мѣрѣ — плутъ, а то есть люди, что не плуты, да хуже плутовъ! Пятьдесятъ лѣтъ обращаюсь съ людьми, съ господами, и всегда по дѣламъ близкимъ къ сердцу, такъ узнала, по неволѣ узнала этотъ важный народъ! Иной, словно, пень, какъ простоитъ лѣтъ сорокъ на одномъ мѣстѣ, такъ обростетъ мохомъ и станетъ первымъ; другой, словно, снѣжный комъ — какъ станутъ его двигать впередъ, да укатывать, такъ и выростетъ съ гору!».... Старуха такъ разболталась, что еще хотѣла говорить, какъ вдругъ тихонько постучались у дверей. Я снова спрятался за ширмы.

Вошли двѣ молодыя женщины, барыня и служанка. Служанка, снявъ клокъ съ барыни, вышла въ корридоръ.

Робко подошла къ столу молодая женщина, покраснѣла, и не смѣла сказать ни слова.

— «Сядьте, сударыня, и не бойтесь ничего! сказала старуха. Я вамъ поворожу.... дайте мнѣ сперва вашу ручку.»

Молодая женщина сняла перчатку, по-

дала старухѣ свою маленькую, бѣленькую ручку, и сѣла бокомъ къ ширмамъ. Я увидѣлъ ея прекрасное лице.... это была настоящая красавица!.... Старуха смотрѣла то на руку, то въ глаза красавицѣ, и наконецъ сказала : Вы дѣвица.... и влюблены!

Красавица ахнула.

— Не бойтесь — влюбиться еще не такъ страшно.... Но вотъ, посмотримъ, что скажутъ карты!...

Старуха начала раскладывать карты, объясняя положеніе ихъ, относительно къ той картѣ, которая означала гадающую особу.

— Вотъ, въ головахъ вашихъ червонный валетъ.... а кругомъ его все бубны.... какое богатство!.... Тотъ, о которомъ вы гадаете, богатъ, не правда ли?

— «По *несчастью* — богатъ!» отвѣчала дѣвица, тяжело вздохнувъ.

— А вы бѣдны деньгами — но богаты красотою и сердцемъ, сказала старуха. Одно другаго стоитъ! Красавица потупила глаза и покраснѣла.... Ахъ, какъ онъ васъ любитъ!....

— «Какъ это можно!» сказала красавица: «я бѣдная сирота.... а онъ.... онъ можетъ выбрать себѣ любую княжну или графиню!»....

— Онъ любитъ васъ, говорю я вамъ, продолжала старуха : по бокамъ у него бубны — деньги — а въ головахъ червонная масть.... любовь, а вотъ и три послѣднія карты валятся на него.... посмотримъ, что тутъ! Все красныя — и вотъ десятка червей!.... Браво!.... Женитьба!....

Дѣвица закрыла лице платкомъ и, казалось, плакала.

— Отъ чего же вы плачете, когда вамъ такъ хорошо вышло? Надобно радоваться! сказала старуха.

— «Да это не можетъ статься, чтобъ онъ на мнѣ женился,» сказала дѣвица, сквозь слезы : «я даже и гадать объ этомъ не смѣю, а хотѣла только узнать.... знаетъ ли онъ, что я его люблю!.... Мнѣ страшно!.... Я слыхала, будто любви скрыть нельзя!....

— Ну, вотъ это мы узнаемъ на кофе! сказала старуха. Анна, подай кофейникъ и блюдо!....

Дочь ворожеи, проводивъ служанку, пришедшую съ дѣвицей, по неосторожности не заперла двери — вдругъ дверь хлопнула, и въ передней раздался мужской голосъ : «Здѣсь ли живетъ ворожея?».... Дѣвица едва не упала безъ чувствъ.... «Это онъ!».... сказала она шопотомъ.

Дочь ворожеи бросилась къ дверямъ, чтобъ удержать нечаяннаго посѣтителя.... и мимоходомъ схватила за плечи дѣвицу, и почти насильно толкнула ее за ширмы. Увидѣвъ меня, дѣвица еще болѣе испугалась. Но я приложилъ палецъ ко рту, на знакъ молчанія, и посадилъ дѣвицу на стулъ. Она была ни жива, ни мертва!....

Вошелъ въ комнату молодой человѣкъ, прекрасной наружности и, поздоровавшись

съ старухою, спросилъ: «Не вы ли ворожея?» — Къ вашимъ услугамъ! отвѣчала старуха. — «Мнѣ наговорили чудеса объ васъ,» сказалъ молодой человѣкъ: «и хотя я очень хорошо знаю, какъ и чему должно вѣрить; но когда на сердцѣ горе—то и въ головѣ пусто.... Утѣшусь хоть гаданьемъ!»

— Садитесь! сказала старуха. Вы, кажется, не довѣряете — а можетъ быть и повѣрите!

Стасовавъ карты, старуха стала ихъ раскладывать и, разложивъ всю колоду, обратилась къ молодому человѣку. — Вы богатый человѣкъ и любите бѣдную сироту!.... Такъ ли?.... Молодой человѣкъ вскочилъ со стула. — «Какъ вы это узнали?» воскликнулъ онъ, съ удивленіемъ.

— Карты сказали! примолвила старуха, съ улыбкою. Садитесь и слушайте спокойно. Вы застѣнчивы и боитесь открыться въ любви, а та, которую вы любите — любитъ васъ вдвое болѣе, чѣмъ вы ее — и страшится, чтобъ вы не догадались объ этомъ.... Если это будетъ продолжаться, вы оба доживете до сѣдыхъ волосъ — и ничѣмъ не кончите.... Надобно быть смѣлымъ!....

— «Я чувствую, что не въ силахъ долѣе преодолѣвать себя!» сказалъ молодой человѣкъ: «и рѣшился, при первомъ случаѣ, броситься къ ея ногамъ!»....

— Это вы можете исполнить сію же минуту! сказала старуха. Моей волшебною силою, я перенесла ее сюда.... Старуха указала на ширмы.

Молодой человѣкъ бросился за ширмы.... Дѣвица отъ страха вскрикнула и упала безъ чувствъ ко мнѣ на руки. Дочь Ворожеи принесла стаканъ воды, духи, стала помогать ей, а мы съ молодымъ человѣкомъ перешли въ другую комнату.... Онъ былъ въ испугѣ.... однако жъ посматривалъ на меня съ какою-то недовѣрчивостью.

Между тѣмъ дѣвица пришла въ чувство. Пока ее одѣвали, потому что во время обморока надлежало облегчить на ней одежду, я объяснилъ молодому человѣку, какимъ образомъ я попалъ за ширмы, и что слышалъ изъ устъ дѣвицы. Онъ былъ въ восторгѣ. — «Войдите!» сказала старуха. Молодой человѣкъ бросился опрометью въ комнату, сталъ на колѣни передъ красавицею, и, цѣлуя ея руки, спросилъ: «Правда ли, что вы меня любите, Лиза?» — Она молчала и плакала. Любитъ, любитъ, очень любитъ! примолвила старуха. — «И согласитесь выйти за меня замужъ?» сказалъ молодой человѣкъ. — Дѣвица зарыдала и бросилась въ его объятія. Я схватилъ шляпу, и побѣжалъ опрометью на улицу.....

Подъ воротами я встрѣтилъ служанку дѣвицы, которая возвращалась изъ лавочки. — Хорошо, что тебя не было въ коридорѣ, сказалъ я: а то бы ты испортила все дѣло.... Ступай, скорѣй, къ твоей барышнѣ.... она ужъ невѣста!....

— «Какъ это?» спросила служанка, съ лукавою улыбкою.

— Она нашла жениха — въ картахъ!.... отвѣчалъ я.

Къ воротамъ подъѣхала карета, и изъ кареты вышла танцорка..... Жаль, что поздно, подумалъ я, а то было бы чего послушать....

Я уже не возвращался къ ворожеѣ — не надѣясь встрѣтить тамъ ничего лучше послѣдней сцены.... Черезъ три мѣсяца узналъ я, что старуха умерла, а дочь уѣхала изъ Петербурга.... Тѣмъ и кончилось наше знакомство.

Много прошло времени съ тѣхъ поръ! Вѣроятно и теперь есть ворожеи — но едва ли найдется между ними такая, которая бы, подобно покойной Сарѣ Моисеевнѣ, рѣшилась гаданьемъ поучать людей безхарактерныхъ и страшить злыхъ — *правдою!....*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 15 Марта 1843 года. *Цензоръ* П. Корсаковъ.



Рис В. Тиммъ. Печ Поль

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ.

Изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ, мы, Русскіе, менѣе всего занимаемся отвлеченностями. Намъ некогда! Всѣ мы или служимъ, или отдыхаемъ въ отставкѣ, или торгуемъ, или хозяйничаемъ, т. е., сосемъ лапу въ деревнѣ, въ надеждѣ уплатить долги, когда нибудь, какимъ нибудь чудомъ, или наконецъ проживаемъ нажитое отцемъ или дѣдомъ.... Когда тутъ думать о древностяхъ, когда читать, обдумывать..... Право, некогда!....

У насъ есть *гостиныя комнаты*, въ которыхъ мы принимаемъ *гостей* — слѣдовательно и *Гостиница* и *Гостиный Дворъ* получили свое названіе отъ того, что туда сходятся и съѣзжаются *гости*, т. е., посѣтители. Рѣшеніе самое близкое къ истинѣ..... неправда ли! Позвольте доложить, что на этотъ разъ вы не угадали, и потому прошу васъ оглянуться на старину. Въ древности слово *гость* (по-Латыни hospes, hostis, по-Нѣмецки и по-Шведски, т. е., по Готски, Gast) имѣло вовсе иное значеніе у сѣверныхъ Славянъ, Новгородцевъ и Псковичей, самыхъ торговыхъ племенъ изъ огромной Славянской семьи. *Гость*, у сѣверныхъ Славянъ, значило тоже, что *негоціянтъ*, т. е., мужъ, занимающійся обширною торговлею, въ противоположность мѣстнымъ *торговцамъ*, которые *купчили* и *торговали* на рынкѣ, то есть, на площади, *на торгу* (по-Шведски torg, по-Чудски или Эстонски turg). *Гости* ходили съ караванами и на ладьяхъ, по рѣкамъ и чрезъ волоки изъ Новгорода и Пскова въ Болгары, въ Царьградъ, а въ другихъ Русско-Славянскихъ городахъ: Смоленскѣ, Любечѣ, Кіевѣ, торговые люди ждали *купцевъ*, т. е., *гостей*, скупавшихъ на пути медъ, воскъ, дорогіе мѣха и другіе товары. *Купецъ*, въ старину, значило то же, что нынѣ *покупатель* или *покупщикъ*. Въ торговыхъ городахъ, для складки и храненія товаровъ, были особыя зданія, т. е.,

деревянныя избы, безъ печей и оконъ, то самое, что мы называемъ нынѣ *кладовыми* или магазинами, обнесенныя вокругъ всего пространства заборомъ и частоколомъ или палисадами, а иногда даже рвомъ и деревянными башнями. Это огороженное мѣсто называлось *Гостинымъ Дворомъ*. Въ торговую пору, т. е., во время ярмарокъ, тутъ производилась продажа товаровъ и обдѣлывались торговыя дѣла, какъ нынѣ на биржѣ. Городское начальство обязывалось охранять *Гостиный Дворъ* во время отсутствія *гостей*, и содержало для этого стражу. Ганзеатическіе гости, т. е., Нѣмцы, имѣли въ Новѣгородѣ свой собственный *Гостиный Дворъ* и на свой счетъ содержали стражу. Боялись тогда не ночныхъ воровъ, а дневныхъ разбойниковъ, удальцевъ, которые расхаживали шайками по Славянской землѣ, и если были *свои*, Славяне, назывались *вольницею*, а если Норманы — *Варягами*. Этимъ самымъ ремесломъ занимались, въ Средніе Вѣки, и Нѣмецкіе феодальные бароны, а въ послѣдніе Лифляндскіе рыцари — и оно не почиталось постыднымъ, потому что грабители, такъ сказать, воевали открыто съ гражданами. Для отвращенія этого зла, въ приморскихъ Нѣмецкихъ городахъ составился вооруженный *союзъ*, или *Ганза*, къ которому присталъ и нашъ Новгородъ со Псковомъ, учредивъ у себя также постоянныя вооруженныя дружины. Въ каждомъ городѣ былъ *дѣтинецъ* или, по-нынѣшнему, цитадель, въ послѣдствіи названный съ Татарскаго *Кремлемъ*, и купеческая крѣпость или *Гостиный Дворъ*.

Времена измѣнились. Феодальные бароны лишились своей силы въ Германіи, торговые Нѣмецкіе города пріобрѣли охранительныя права, а на Руси Князья Варяжскаго рода распространили власть свою и завели порядокъ. Въ торговомъ отношеніи даже Татарское иго не было столь вреднымъ, какъ въ отношеніи умственномъ. Торговля пріобрѣла безопасность; заборы, частоколы, рвы и башни исчезли — но обычай торговать и складывать товары въ одномъ мѣстѣ — остался, до нашего времени — и *Гостиные Дворы* пережили всѣ измѣненія обычаевъ и нравовъ Русскихъ. Если вы хотите, не выѣзжая изъ Петербурга, имѣть понятіе о томъ, каковы были встарину *Гостиные Дворы* въ Русскихъ городахъ и даже въ первопрестольной Москвѣ, ступайте на Щукинъ, на Апраксинъ Дворы, во внутренность и на Толкучій Рынокъ.... Тутъ вы увидите остатки древней нашей архитектуры, т. е., лачуги и избушки, одна возлѣ другой, въ которыхъ торгуютъ и складываютъ товары.... Но если вы любопытны видѣть это, торопитесь, потому что уже на Щукиномъ Дворѣ большая часть лачугъ уступила мѣсто прекраснымъ каменнымъ лавкамъ и кладовымъ — и, вѣроятно, вскорѣ и все прочее перейдетъ въ преданіе....

Вотъ вамъ и ученая часть — *Гостинаго Двора!* Если вы думаете, что это для него лишнее, то ошибаетесь.... Тамъ есть много *учености*, и притомъ такой мудреной, что и глубокомысленные философы станутъ передъ ней въ тупикъ. Прочтете далѣе, такъ узнаете! — . . . .

Иностранецъ, пріѣхавъ впервые въ Петербургъ, *болѣе всего* удивляется *Гостиному Двору*, потому что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго, ни по архитектурѣ зданія, ни по его назначенію. Ни въ одномъ городѣ нѣтъ такого огромнаго пространства, занятаго одними лавками, и нигдѣ нѣтъ такого множества лавокъ вмѣстѣ, рядомъ, въ двухъ этажахъ, одна возлѣ другой. Толпы сидѣльцевъ и прикащиковъ, разнообразіе товаровъ, необыкновенное движеніе и дѣятельность подъ арками и въ лавкахъ въ утренніе часы, особенно зимою и передъ праздниками, ухватки продавцевъ и манера покупателей — все это изумляетъ иностранца. Мы, старожилы Петербургскіе, хотя и привыкли ко всему этому, не можемъ, однако жъ, пройти по *Гостиному Двору* безъ того, чтобъ не увлечься чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Но кто изучалъ *Гостиный Дворъ* во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, кто изслѣдовалъ его нравы и обычаи, вліяніе на народное благосостояніе и на успѣхи нашей мануфактурной и фабричной промышлености, однимъ словомъ, кто разсмотрѣлъ вблизи *лицевую сторону* и *изнанку* Гостинаго Двора, тотъ согласится со мною, что это *особый міръ*, почти *отдѣльная планета!* Этотъ *особый міръ* знаютъ весьма не многіе, не только изъ посѣтителей, но даже и изъ коренныхъ его жителей! Долговременное пребываніе въ *Гостиномъ Дворѣ*, совершенно перерождаетъ человѣка или, правильнѣе, переливаетъ, постепенно, умъ его, характеръ, обычаи, понятія, привычки, пріемы и самый даже языкъ — въ другую форму.... форму гостиподворскую. Гостиподворскій торговецъ ни Русскій, ни Нѣмецъ, ни Ярославецъ, ни Костромичъ, ни Москвичъ — онъ просто *гостинодворецъ*, принадлежащій къ особенному сословію людей, которое отдѣляетъ ихъ такою рѣзкою чертою отъ другихъ людей, что это особенное *сословіе*, можно назвать *особою породою*. Эта оригинальность такъ глубоко проникаетъ въ кровь, что даже при перемѣнѣ званія, т. е., при переходѣ въ дворянство дѣтей разбогатѣвшаго купца (какъ у насъ обыкновенно ведется) — гостиподворство не истребляется до шестаго поколѣнія, и проглядываетъ изъ-подъ золотаго шитья, и множества дипломовъ. Невозможно передать вѣрно всѣхъ отличительныхъ признаковъ *четырехъ степеней* гостиподворства: мальчика, сидѣльца, прикащика и хозяина, — но мы постараемся уловить главныя черты, слѣдуя за каждымъ изъ нихъ въ его дневныхъ занятіяхъ. Прежде, однакожъ, надобно вамъ познакомиться съ статисти-

кою *Гостинаго Двора*, а потомъ уже съ его жителями.

Огромное, четвероугольное зданіе, въ два этажа, съ арками съ наружной и внутренней стороны и лавками напролетъ, называемое *Гостинымъ Дворомъ*, построено при Императрицѣ Екатеринѣ II. — При основаніи Петербурга *Гостиный Дворъ*, мазанковый, былъ на Петербургской Сторонѣ, близъ Троицкой Церкви, а когда Адмиралтейская Сторона начала сильно обстраиваться, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, торговля подвинулась вслѣдъ за народонаселеніемъ, и каменный *Гостиный Дворъ* выстроили въ Большой Морской. Онъ и понынѣ существуетъ съ отличительною своею архитектурою, арками, подвалами и проходными дворами. Это два дома одной формы, рядомъ съ угловымъ домомъ Гонаропула. При постройкѣ нынѣшняго *Гостинаго Двора*, четыремъ фасадамъ его даны названія, сообразныя роду производимой въ нихъ торговли. Исстари Русскіе купцы, торгующіе однимъ товаромъ, помѣщались рядомъ, другъ возлѣ друга, не боясь совмѣстничества, потому что все искусство сидѣльцовъ состояло въ томъ, чтобъ заманивать покупателей въ свою лавку. Фасадъ на Невскій Проспектъ названъ *Суконною линіею*, по Садовой Улицѣ, противу Пажескаго Корпуса, *Зеркальною линіею*, противу Думы *большою Суровскою линіею*, а въ тылѣ *малою Суровскою линіею*. Суконною называлась въ старину торговля всякими шерстяными товарами, Зеркальною, всякой *свѣтлый* товаръ, а Сурожскою (нынѣ неправильно называемою *Суровскою*), торговля шелковыми тканями. Это названіе весьма древнее и, вѣроятно, извѣстно было прежде Рюрика. Названіе свое получила эта торговля отъ древняго Греческаго города Сурожа (*), въ Крыму, откуда прежде получали шелкъ. По этому въ древности и Азовское Море называлось Сурожскимъ. *Москотильнымъ* товаромъ называются въ Русской торговлѣ краски, пряные коренья и аптекарскіе матеріялы. Это названіе, также весьма древнее, временъ предваряжскихъ, и перешло къ Славянамъ отъ Арабовъ, торговавшихъ въ Болгарахъ и Атели (нынѣшней Астрахани), этимъ товаромъ, получаемымъ изъ города Маската или Муската, лежащемъ на берегу Персидскаго Моря, въ Аравійской области Оманъ. Этотъ городъ былъ въ старину складочнымъ мѣстомъ всѣхъ произведеній Индіи и Счастливой Аравіи. Изъ Маската товары шли по Персидскому Заливу и рѣкѣ Тигру въ Багдадъ, а оттуда расходились по всей Европѣ. Память древней торговли (до IX вѣка) Греческой и Аравійской, осталась понынѣ только въ гостинодворскомъ нашемъ языкѣ, и послѣ этого говорите, что въ Гостиномъ Дворѣ нѣтъ *учености!* — Москотильнымъ товаромъ сперва торговали внутри Гостинаго

(*) Гдѣ нынѣшняя Кафа.

Двора и въ верхнемъ этажѣ — но теперь все перемѣнилось, особенно въ Суконной и Зеркальной линіяхъ. Только большая Сурожская линія сохранила еще свое назначеніе. Въ послѣдствіи пристроены линія Перинная, противу большой Сурожской, Банковская (въ гостиподворскомъ языкѣ Глазуновская, потому что бо̀льшая часть лавокъ принадлежитъ Глазуновымъ) (*), а за Перинной линіей рядъ мебельный и бумажный. Въ Банковской линіи съ угла сѣли мѣнялы, а остальная часть лавокъ занята товаромъ, называемомъ на гостиподворскомъ языкѣ *овошеннымъ*, т. е., чаемъ, кофе, сахаромъ и сушеными фруктами, или *бакаліями* (также слово изъ Греческой торговли). По Садовой Улицѣ, по обѣимъ сторонамъ, до самой Сѣнной Площади, тянется рядъ лавокъ, которыя, хотя и не включаются въ составъ *Гостинаго Двора*, но принадлежатъ къ тому же разряду, только въ низшей степени. Сидѣлецъ *Гостинаго Двора* почитаетъ себя выше сидѣльца лавки по линіи Щукина и Апраксина Дворовъ, и прикащикъ гостиподворскій, не уступаетъ шагу самому хозяину щукинодворскому! Длинные желѣзные ряды къ Екатерининскому Каналу, возлѣ Банка и даже до зелейныхъ лавокъ у Каменнаго Моста, хотя и включены въ составъ *Гостинаго Двора* — но, по правамъ и обычаямъ своихъ жителей, подходятъ ближе къ Щукину и Апраксина Дворамъ, которые въ гостиподворскомъ языкѣ называются просто *рынкомъ*. Слово *рынокъ*, въ гостиподворскомъ языкѣ, есть нѣчто уничтожительное: товаръ *рыночный*, товаръ *кустарный* — значитъ или товаръ плохой отдѣлки, или попорченный, или вышедшій изъ обыкновенной продажи. На *рынокъ* сбываютъ купцы пролежалое и пропрѣлое сукно, ситцы и холстины, которыхъ рисунки (дессеи) устарѣли, ржавый стальной товаръ, негодный товаръ *овошенный*.... и увы! даже.... *книги*, которыя не идутъ съ рукъ.... словомъ все, что называется *хламомъ!* — Тутъ-то, *на рынкѣ*, процвѣтаетъ, во всей силѣ, великое и древнее Русское искусство: *продать товаръ лицемъ!* Какой неутомимой дѣятельности и какого сильнаго характера надобно рыночному торговцу, чтобъ прочистить, просушить, передѣлать, даже перекрасить всѣ эти товары, нашить готоваго платья, обуви, шапокъ, обточить на-ново головы сахару, приклеить *новыя* заглавія къ книгамъ, составить нѣчто цѣлое изъ разрозненныхъ листовъ — и все это превратить, наконецъ, въ наличныя деньги, въ банковые билеты, въ домы!.... Въ *Гостиномъ Дворѣ* теперь уже не занимаются этимъ: тутъ торгуютъ *на чистоту* — показываютъ вамъ товаръ, и если съ перваго вашего слова и взгляда догадаются, что вы *знаетесь на товарѣ* — дѣло кончено, съ вами уже не торгуются и не по-

---

(*) Фамиліи Глазуновыхъ, которой принадлежитъ домъ, гдѣ Милютины лавки.

казываютъ такого товара, который на другой день долженъ быть спущенъ на рынокъ. Но если вы *не-знатокъ*, не понимаете доброты товара, и не знаете цѣнъ — не возвращайтесь въ лавку съ упреками, что съ васъ взяли вдесятеро дороже за плохой товаръ! Вамъ скажутъ: «Мы ничего не знаемъ: *наше дѣло торговое.*» Въ гостиподворскомъ языкѣ это значитъ то же самое, что поговорка: *на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ*, или древняя пословица: *кто кого смогъ, тотъ того въ рогъ.* Бопшься волка — въ лѣсъ не ходи!

Вы чрезвычайно ошибаетесь, если станете судить о богатствѣ *Гостинаго Двора* по *наружности*, по красотѣ лавокъ и количествѣ находящагося въ нихъ товара, а объ его торговлѣ, по продажѣ въ этихъ лавкахъ. Настоящее богатство *Гостинаго Двора* внутри его, въ кладовыхъ, а существенная торговля — внѣ *Гостинаго Двора*, съ иногородными или мелочными торговцами и по ярмаркамъ. — Только начинающіе или тѣ, которымъ не посчастливилось *расторговаться* (въ гостиподворскомъ языкѣ значитъ: разбогатѣть), сосредоточиваютъ и все свое имущество и всю свою дѣятельность въ одной или двухъ лавкахъ. Но настоящіе купцы, аристократы *Гостинаго Двора*, почитаютъ лавку свою только выставкою *образцевъ товаровъ* — и дѣла ведутъ на сторонѣ. Московскій *Гостиный Дворъ* въ этомъ отношеніи гораздо важнѣе Петербургскаго *Гостинаго Двора*, потому что Москва снабжаетъ гораздо бо̀льшее число городовъ товарами, и кромѣ того высылаетъ множество развощиковъ въ западныя, Остзейскія губерніи — и даже въ Сибирь! — Въ нынѣшнее время, всѣ лавочки на всемъ пространствѣ Россіи, завалены произведеніями Русскихъ фабрикъ, т. е., косыми, кривыми, ломкими, линяющими издѣліями, которыя развозятъ по деревнямъ и по ярмаркамъ Великороссійскіе мужички или отъ себя или по коммиссіи, и которыя вы можете видѣть въ Петербургѣ на *рынкѣ*. Совѣтую посмотрѣть! Это очень любопытно! Въ цѣломъ мірѣ, даже на островахъ Тихаго Океана, не выдѣлываютъ такихъ куріозныхъ товаровъ. Это просто сатира на ножи, вилки, замки, тарелки, стаканы, ситцы и фуляры.... и даже злая сатира! Я уже гдѣ-то говорилъ вамъ, что одинъ иностранецъ накупилъ подобныхъ издѣлій на Дерптской ярмаркѣ, чтобъ показывать *за рѣдкость* за границею, какъ у насъ показываютъ оружіе и орудія Эскимосовъ и Алеутовъ! — Но порядочные купцы въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ запасаются товаромъ изъ *Гостинаго Двора*, товаромъ благообразнымъ, похожимъ на иностранный. Впрочемъ, на нашихъ Русскихъ фабрикахъ Французскіе, Англійскіе и Нѣмецкіе мастера выдѣлываютъ изъ заграничнаго сыраго матеріяла на Англійскихъ машинахъ превосходныя

издѣлія, не уступающія вовсе Французскимъ, Англійскимъ и Нѣмецкимъ, и этими издѣліями вы можете любоваться на мануфактурныхъ выставкахъ, или купить ихъ въ Англійскомъ магазинѣ, въ Голландскомъ магазинѣ Гармсена и въ лавкахъ Погребова, Звѣркова, Масляникова, Меншуткина въ Гостиномъ Дворѣ, гдѣ находятся только *отборныя* Русскія издѣлія, выдѣлываемыя, по большей части, *на заказъ*. Торговлю же съ городами Гостиный Дворъ производитъ Русскими мануфактурными издѣліями *втораго* разряда, или иностранными товарами. Товары выписываютъ чрезъ конторщиковъ, платя имъ за собственное незнаніе иностранныхъ языковъ и дѣлъ. Иногда покупаютъ товаръ на биржѣ, обыкновенно складчиной и артелью, и потомъ дѣлятся между собою.

Вы уже знаете, что купеческое сословіе у насъ то же, что перелетныя птицы. Много ли вы насчитаете у насъ богатыхъ купцевъ, которыхъ дѣды и прадѣды были богатыми купцами? Чей дѣдъ и отецъ были купцами первой гильдіи, тотъ уже имѣетъ законное право на дворянскую грамоту, и не бывало примѣра, чтобъ кто нибудь отъ нея отказался. Кромѣ того, купцы, за службу и подвиги на общую пользу, посредствомъ значительныхъ пожертвованій, получаютъ прямо штабъ-офицерскіе штатскіе чины и ордена, и такимъ образомъ поступаютъ въ дворянство. Мы вовсе не намѣрены порицать этой мѣры, потому что и гордая Англійская аристократія пополняетъ ряды свои избранными лицами изъ ученаго сословія, изъ знаменитѣйшихъ юриспрудентовъ и изъ первостепеннаго купечества, дѣйствующаго по обширному масштабу, *для* блага государства или оказавшаго ему пользы службою. Смѣшно было бы требовать, въ наше время, чтобъ мы, какъ Индѣйцы, оставались вѣчно въ своихъ кастахъ! Только не надобно жертвовать своимъ сословіемъ *для* перехода въ другое, не надобно въ этомъ торопиться и поставлять переходъ въ высшее сословіе — цѣлью своихъ трудовъ, а главное, надобно приготовиться, чтобъ, войдя въ новое сословіе, не быть тамъ послѣднимъ. — Между тѣмъ у насъ купеческая фамилія почти всегда кончается со смертью основателя торговли — если не на половинѣ торговаго его поприща! Тотъ обанкрутился послѣ неудачной спекуляціи; послѣ смерти такого-то, пользовавшагося общимъ кредитомъ, не оказалось *ничего*; дѣти такого-то подѣлились между собою, сдали лавку и поступили въ службу — а дѣти такого-то промотались до тла.... Имена безпрерывно исчезаютъ изъ списковъ купечества, какъ имена воиновъ во время войны — и замѣщаются другими. Прикащики поступаютъ на мѣста хозяевъ, сидѣльцы занимаютъ мѣста прикащиковъ.... Человѣкъ, который лѣтъ за двадцать пріѣхалъ въ Петербургъ, съ попутчиками, изъ Олонца, Ярославля, Костромы или Калуги,

оставивъ родителей на пашнѣ, опредѣляется, безъ жалованья, въ лавку къ земляку или къ родственнику, и, наконецъ, умомъ своимъ, хорошимъ поведеніемъ, а болѣе всего *смышленостью* и искусствомъ *продавать товаръ лицемъ* — наживаетъ капиталъ, пріобрѣтаетъ кредитъ и дѣлается самъ хозяиномъ, и вы слышите *новое имя*, которое на *Гостиномъ Дворѣ* произносится съ уваженіемъ.... Къ нему опять идутъ, отъ пашни, земляки или родственники, и нѣкоторымъ изъ нихъ также удается добиться до собственной лавки, капитала и кредита. Весьма, весьма и весьма немногіе изъ нашихъ первостатейныхъ Русскихъ купцевъ приготовляютъ дѣтей своихъ *воспитаніемъ* къ купеческому званію: сперва въ школѣ, потомъ на конторѣ, а наконецъ на практикѣ!!! Богатый отецъ радъ радешенекъ, когда сынокъ его болтаетъ за столомъ по-Французски, съ полковникомъ, женихомъ *приданаго* своей сестрицы — а о прочемъ, чему выучился и чему недоучился сынокъ, отецъ и судить не смѣетъ, потому что самъ ничего не знаетъ! Деньги за воспитаніе заплачены — и дѣло сдѣлано! А сынокъ!.... куда ему думать о торговлѣ.... онъ мечтаетъ о камеръ-юнкерствѣ.... Ему снятся не корабли съ товарами, а бутылки съ шампанскимъ, карточный столикъ и танцорки!.... У него есть уже благородная родня, по женской линіи.... Его сестрицы и кузины замужемъ за родовыми дворянами. Одинъ зять его каммергеръ, другой превосходительный.... а кузина даже за княземъ.... Отецъ ворочаетъ милліонами, такъ на что ему учиться! Почтенный гостиподворецъ, смотря на это со стороны, вѣритъ въ то простодушно, что безсмертный Грибоѣдовъ обратилъ въ иронію, въ *Горе отъ ума*:

> «Ну, вотъ, великая бѣда,
> Что выпьетъ лишнее мужчина!
> Ученье — вотъ чума, ученость — вотъ причина,
> Что нынче, пуще чѣмъ когда,
> Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній!»

Почтенный гостинодворецъ, принявъ дрожжи учености за благородный сокъ ея, точно такъ же, какъ онъ принимаетъ шампанское *лучшей Нѣмецкой работы* — за благотворное Аи — не хочетъ ничему обучать дѣтей своихъ, кромѣ *практической торговли*, т. е., *лавочничества*, и выучивъ дѣтей своихъ Русской грамотѣ на столько, чтобъ они могли читать газетныя объявленія и подписывать векселя — упряталъ ихъ въ лавку, почти въ дѣтскомъ возрастѣ. — Послѣдствія отъ *недоученья* и *неученья* — одни и тѣ же, только въ другихъ формахъ: раззоренье и ничтожество!

Есть весьма похвальныя исключенія, но они такъ рѣдки, что исчезаютъ въ общемъ хаосѣ.

Зимою лавки отворяются въ *Гостиномъ Дворѣ* поздно и есть довольно времени выспаться, но хозяинъ поздно пріѣхалъ домой и, проснувшись уже со свѣтомъ, потираетъ лобъ и морщится. Почтенный

хозяинъ былъ вчера *въ компаніи!* Сперва пили пуншъ, потомъ шампанское, а послѣ того, передъ закуской, какъ говорятъ гуляки : *убили Француза*.... т. е., послѣ Французскаго вина пили *ерофеичъ!* Вѣдь надобно же и повеселиться послѣ трудовъ, неправда ли, — а ужъ когда Русскіе купцы загуляютъ, то хоть святыхъ вонъ неси! — «Дай-ка, матушка Палагея Сидоровна, огуречнаго розсольца!» — Дюжая супруга не смѣетъ упрекать мужа, не дерзаетъ читать ему морали. Она привыкла къ разгульному житью мужа, отца, братьевъ, и думаетъ, что мужчинѣ и жить иначе нельзя. — «Да ты выпилъ бы лучше чайку, батюшка, Панкратій Самойловичъ.... самоваръ прокипѣлъ, и *молодцы* (такъ въ гостинодворскомъ языкѣ называются *сидѣльцы*) давно ждутъ, а Иванъ Ѳедосѣевичъ (*) съ Ваней и Сергѣемъ, уже пошли въ лавку, не дождавшись чаю.» — «Дай хлѣбнуть сперва розсольцу; что-то во рту сухо.».... Выпивъ розсольцу, хозяинъ всталъ, помолился передъ образами, и вышелъ въ столовую, поздоровался съ дѣтьми, съ прикащиками и сѣлъ за столъ. Начинается питье чаю, до третьяго поту и потомъ распоряженія. — «Сидоръ, ступай за долгами.... да упрашивай, приставай! Возьми въ лавкѣ мелочи, а когда лакей не впускаетъ — дай на водку.... Пусть генеральша дастъ хоть что нибудь.... скажи, что крайне нужно. — Михайла, ты бѣги бѣгомъ къ Саввѣ Ивановичу за векселями. Онъ вчера обѣщалъ мнѣ подписать бланки.... да забѣги въ Ямскую, къ Ивану, и спроси когда онъ поджидаетъ *своихъ* изъ Москвы.... Вѣдь товаръ давно высланъ.... что это за притча такая! По дорогѣ зайди къ Кузьмѣ Петровичу, да скажи, не хочетъ ли взять со мной по-поламъ товара у Капитона Перфильича.... Я буду въ 12 часовъ въ лавкѣ.... А вы, ребята (обращаясь къ дѣтямъ), что призадумались! маршъ въ лавку! — Палагея Сидоровна, дай-ка мнѣ настоечки, да приготовь селедку съ лукомъ..... Прилягу.... что-то не хорошо!....

Сидѣльцы и дѣти вышли, а хозяинъ выпилъ порядочную красоулю, закусилъ и легъ спать, велѣвъ разбудить себя въ двѣнадцатомъ часу. Палагея Сидоровна занялась хозяйствомъ....

Сидѣльцу Сидору, посланному за долгами, не опредѣленъ срокъ возвращенія въ лавку. Почему знать, сколько онъ прождетъ въ переднихъ, гдѣ его примутъ, а гдѣ выгонятъ за двери. Вотъ онъ идетъ по улицѣ, побрякивая мелкимъ серебромъ, и насвистывая ритурнель цыганской пѣсни : «*Ты не повѣришь, какъ ты мила*» — и вдругъ на перекресткѣ сталкивается съ пріятелемъ, сидѣльцемъ по одной линіи. — «Здорово, Сидоръ Тимофеевичъ!» — «А,

(*) Прикащиковъ всегда называютъ по имени и отчеству, а простыхъ сидѣльцовъ и мальчиковъ только по имени. Родственниковъ-сидѣльцевъ называютъ уменьшительнымъ именемъ. Дѣтей называются парнями и ребятами.

здравствуй, Митя!» — «Ты куда?» — «За дѣломъ.... за долгами!» — «И я также.» — «А что тебя не было вчера съ нами?.... Порядочно кутнули, братъ»...... — «Въ *нашемъ* мѣстѣ?» — «Разумѣется!» — «А что — заѣхать туда, что ли? съѣсть соляночки, да запить?» — «Дѣло : ѣдемъ.... дорога славная.... Русскій морозецъ!.... А вотъ и Пафнуша! Пафнутій Петровичъ, ты куда съ позаранку?» — «Здравствуйте, здравствуйте!» — «Да постой!» — «Некогда, братцы, хозяинъ послалъ за дѣломъ».... — «Успѣешь.... а мы.... знаешь — хотимъ перекусить, да выпить!».... «Ну, когда теперь думать объ этомъ.... вечеркомъ — другое дѣло!» — «Да вѣдь мы къ полдню воротимся.... поѣзжай съ нами.... пожалуйста, поѣзжай.... когда любишь!» — «Нельзя, нельзя, братцы — ни за что не поѣду.... дѣло важное и мнѣ есть пожива — а къ вечеру буду *тамъ* — и когда удастся дѣльцо — и вамъ поставлю по бутылочкѣ».... «Ну, Богъ съ тобой!».... Вотъ два пріятеля сѣли на извощика и покатили.... за Неву!

Куда? — спросите вы меня. Не скажу! Не надобно никогда ни всего выписывать, ни всего высказывать. Иногда, на волосъ за черту — и бѣда! Довольно съ васъ знать, что въ одномъ изъ уединенныхъ *мѣстечекъ*, за большою Невою, есть Русская ресторація.... прозванная *невидимкою*, впрочемъ, ресторація, какъ и всѣ прочія, съ тою разницею, что въ ней собираются, во всѣ поры дня, почти исключительно сынки гостиподворскихъ хозяевъ, прикащики и сидѣльцы, которые желаютъ быть *невидимы* ни отцами, ни хозяевами. Распространяться объ этой ресторацін здѣсь вовсе не кстати — а скажу только, что здѣсь ежедневно, съ утра до сумерекъ — кутерьма, въ сумерки полторы кутерьмы, а къ полуночи кутерьмище.... пыль горой, дымъ столбомъ, ревъ и бѣснованье! Не подпимаемъ завѣсы!

Погода ясная и сухая, праздники близко, и Гостиный Дворъ полонъ, съ утра. Прежде всѣхъ являются въ лавки ремесленники, которые забираютъ въ долгъ товаръ и уплачиваютъ по-маленьку, оставаясь цѣлую жизнь въ долгу, какъ-то : портные, сапожники, и. т. п., мелкіе торговцы и лавочники изъ окрестныхъ мѣстъ, Стрѣльной, Петергофа, Ораніенбаума, Царскаго Села, Гатчины, Ямбурга. Потомъ сходятся постоянные жители галереи : старыя салопницы и молодыя попрошайки, которыя дрессируются, какъ пудели, съ дѣтства, въ ремеслѣ выманивать деньги у прохожихъ; однѣ продаютъ кошельки, манжеты и разныя женскія рукодѣлія, купленныя на рынкѣ, разсказывая исторію своихъ бѣдствій; другія торгуютъ только своимъ визгливымъ голосомъ и жалкою физіономіею. Въ ровень (pendant) къ салопницамъ расхаживаютъ мужчины, не умытые и не бритые, растрепаные, съ блѣднымъ лицемъ и синимъ носомъ, съ впалыми, потухшими гла-

зами. Они или въ засаленномъ, безцвѣтномъ сертукѣ, безъ верхней одежды (хотя бы въ двадцать градусовъ мороза) или въ шинели, безъ сюртука. Немногіе изъ нихъ имѣютъ и сюртукъ и верхнюю одежду! Эти господа увѣряютъ васъ, что они или несчастные чиновники, пострадавшіе отъ *интриги,* или купцы, раззорившіеся отъ *несчастныхъ обстоятельствъ.* Эти интриги и обстоятельства ясно обнаруживаются у нихъ на лицѣ, и въ спиртномъ запахѣ, которымъ дыханіе сихъ несчастныхъ заражаетъ воздухъ! Но что болѣе всего возмущаетъ душу — это толпы мальчиковъ и дѣвочекъ, въ дѣтскомъ возрастѣ, которые начинаютъ просить подаянья пискливымъ и жалобнымъ напѣвомъ, а когда имъ откажутъ и вмѣсто милостыни дадутъ совѣтъ, кончаютъ бранью и дерзостью. Это рекруты разврата и кандидаты тюрьмы! Постепенно появляются одни за другими разнощики: сперва сбитенщики, потомъ саечники — съ икрою, семгой, печенкой и вареными яицами, блинники, пирожники, грѣчневичники, квасники и наконецъ харчевники. Послѣднихъ не было встарину. Это нововведеніе. На лоткѣ у харчевника вы имѣете цѣлый обѣдъ, кромѣ горячаго, студень, винегретъ, жаркое всякаго сорта, рыбу и мясо, ветчину съ хрѣномъ или горчицей. Ложки, вилки, ножи, тарелки и салфетки тутъ же. Если угодно пообѣдать, ступайте подъ арки, со стороны двора и располагайтесь на парапетѣ. Вы можете обѣдать по-философски, на чистомъ воздухѣ, въ пріятной компаніи веселыхъ сидѣльцевъ, скромныхъ канцелярскихъ чиновниковъ — безъ чиновъ, и *незнакомцевъ* съ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ, и рѣзкими ухватками. Отъ этихъ *незнакомцевъ* вы услышите, иногда, слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ лексиконѣ въ мірѣ — и понятныя тѣмъ только, которые живутъ, подобно имъ, *невидимымъ ремесломъ.* Эти *незнакомцы* ничего не покупаютъ въ лавкахъ, и появляются тогда только, когда лавка полна покупателей, и когда въ дверяхъ тѣсно. Если вамъ случится *потерять* въ *Гостиномъ Дворѣ* ридикюль, кошелекъ, бумажникъ, часы или карманный платокъ — знайте впередъ, что въ этотъ день *незнакомцы* будутъ пить на вашъ счетъ — хотя и не за ваше здоровье!

Но взглянемъ, наконецъ, на это неопредѣленное существо, которое всѣхъ и каждаго отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ кормитъ и поитъ, раздаетъ славу, знаменитость, извѣстность и репутацію, которое всегда право, даже и тогда, когда само обманывается, которое всѣ хотятъ привлечь на свою сторону, лестью, хитростью и даже обманомъ — и которое никому не льститъ и никого не обманываетъ.... взглянемъ на публику, величаемую въ газетныхъ объявленіяхъ и афишахъ: почтенною, почтеннѣйшею, просвѣщенною, образованною, доброю, великодушною, и проч., и проч., и проч.! — Публика — значитъ и богатый

и бѣдный, и старикъ и молодой, и мужчина и женщина — смѣсь всѣхъ званій, сословій, состояній — всего, что только можетъ *платить* и что *платитъ!* — Литераторъ или пріятель, которому вы дарите книгу своего сочиненія, или билетъ въ вашъ бенефисъ — уже не принадлежитъ къ *публикѣ*. Гости, угощаемые даромъ пріятелемъ-трактирщикомъ — *не публика!* Чиновники, которые обязаны наблюдать за благочиніемъ — не *публика!* — Кланяясь публикѣ до земли — ее доятъ, гладя нѣжно — стригутъ, обнимая — заставляютъ нести себя на плечахъ.... и публика все видитъ, все знаетъ, все терпитъ.... иногда ворчитъ про себя, сама себѣ жалуется — а между тѣмъ никто ея не слушаетъ!....

Знатные бояре и знатныя дамы, т. е., la haute volée, не посѣщаютъ Гостинаго Двора, потому что за нихъ и для нихъ покупаютъ товары въ Гостиномъ Дворѣ Французскіе портные, Француженки швеи и содержательницы модныхъ магазиновъ. Но передъ Суровской (т. е. Сурожской) линіей стоитъ всегда много четверокъ, особенно передъ праздниками, и по линіи снуется много ливрейныхъ лакеевъ. Весьма богатыя семейства, столбовое дворянство и высшіе чиновники, въ генеральскихъ чинахъ, особенно штатскія генеральши не пренебрегаютъ Гостинымъ Дворомъ, если и самъ баринъ и барыня не любятъ сорить деньгами въ магазинахъ, чтобъ помочь магазинщику платить за дорогую квартиру. Теперь даже не нужно большихъ познаній въ добротѣ товаровъ, если вы покупаете по Сурожской линіи въ извѣстныхъ лавкахъ, и когда сами хозяева лавокъ на лице. Въ этихъ извѣстныхъ лавкахъ уже не торгуются и не испытываютъ вашихъ познаній въ добротѣ товаровъ. Такимъ же образомъ ведутъ и суконную торговлю въ лавкахъ Лѣсникова, Калугина, Лапотникова, въ посудной лавкѣ Щербакова и другихъ извѣстныхъ купцевъ. Посѣтители Гостинаго Двора знаютъ, наперечетъ, всѣ эти лавки и имена купцевъ, и прямо идутъ къ нимъ. Но люди неопытные, семейства пріѣзжія изъ деревни, иногородные, знающіе *Гостиный Дворъ* только по наслышкѣ, весьма часто обжигаются и на цѣнахъ и на добротѣ товара. Однажды, проходя по Зеркальной линіи, увидѣлъ я въ одной изъ маленькихъ лавокъ, называемыхъ по-гостиноцворски *окошками*, серебряную табакерочку, имѣвшую видъ собачки. Со мной не было бумажника, но я вздумалъ узнать о цѣнѣ этой табакерки, чтобъ передъ отъѣздомъ въ деревню купить, въ подарокъ управителю. — Что хочешь за эту вещь? спросилъ я прикащика или хозяина, не знаю, кто онъ былъ таковъ. — «*Тридцать пять рублей,*» отвѣчалъ купецъ. — Дамъ *пять* рублей, сказалъ я, въ шутку — потому что, какъ сказано выше, не намѣренъ былъ купить — и сказавъ это, пошелъ своимъ путемъ — не оглядываясь, и не слушая, что говорилъ купецъ. — Въ двадцати

шагахъ отъ лавки, мальчикъ догналъ меня — и подавая табакерку, сказалъ: «Извольте-съ! Пожалуйте-съ *пять* рублей!» — Я зашелъ въ лавку знакомаго купца, занялъ *пять* рублей и заплатилъ, но, заплативъ, ужаснулся! Если бъ я пришелъ въ *Гостиный Дворъ* съ намѣреніемъ купить табакерку, то, послѣ назначенной цѣны *тридцати пяти* рублей — я не осмѣлился бы предложить менѣе *двадцати пяти!* — А теперь, предложивъ *пять* рублей въ *шутку*, я угадалъ ея настоящую цѣну. — Происшествіе это не вымышлено мною — но подлинное, на которое я имѣю свидѣтелей. — Спрашиваю: сколько бы я потерялъ, если бъ въ этой пропорціи ошибался по двадцать четыре раза въ годъ, запасаясь всѣмъ нужнымъ въ *Гостиномъ Дворѣ!* — Спустя года два послѣ этого случая со мною, я разсказалъ объ немъ одному умному сидѣльцу, а тотъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ: — «Вѣдь мы, сидѣльцы, служимъ у хозяевъ безъ опредѣленнаго жалованья, а получаемъ награжденіе послѣ общаго разсчета, за цѣлый годъ, по мѣрѣ прибыли и искусства нашего въ продажѣ — такъ поневолѣ стараешься, чтобъ продать подороже.... особенно, когда нѣтъ хозяина въ лавкѣ.... Есть и такіе между нами,» примолвилъ онъ запинаясь: «что не побоясь грѣха и въ свой карманъ переложатъ лишнее.... да и то сказать: *дѣло торговое* — вѣдь насильно не берутъ денегъ у покупателя.... вольному воля!»....

Неопытные покупатели думаютъ, что въ лавкѣ, послѣ перваго спроса, всегда показываютъ товаръ похуже, а потому — взглянувъ на первый товаръ, повторяютъ избитую фразу: «*покажи получше.*» Сидѣльцу или прикащику этого-то и надобно, и онъ показываетъ вамъ въ другой разъ товаръ, *ниже прежняго*, и спрашиваетъ — *высшую* цѣну. Это экзаменъ! Если вы не понимаете дѣла, онъ вамъ покажетъ тридцать штукъ одинакого товара, и продастъ средній сортъ за лучшій, который показывалъ вамъ съ перваго вашего спроса. Изъ всѣхъ созданій въ мірѣ, ни одно не одарено такимъ чутьемъ и проницательностью, какъ гостиподворецъ! Съ перваго взгляда на лице и ухватки покупателя — онъ узнаетъ его нравъ и характеръ, въ одно мгновеніе составляетъ планъ аттаки, и храбро идетъ на приступъ къ его карману. Съ чваннымъ покупателемъ, который важничаетъ, гостиподворецъ холоденъ, молчаливъ и непреклоненъ въ цѣнахъ; съ суетливымъ онъ многословенъ и, какъ говорится, разсыпается мелкимъ бѣсомъ; съ скупымъ — принимаетъ на себя покорный видъ и старается разжалобить его заунывными клятвами и увѣреніями; съ безпечнымъ — онъ господствуетъ и повелѣваетъ.... Но вотъ настоящая добыча, то же, что Испанскій галіонъ съ Американскимъ золотомъ для корсара.... Провинціяльная барыня, пріѣхавшая нарочно въ столицу, чтобъ снарядить приданымъ дочь, выходящую замужъ

за советника губернскаго правленія! По галунамъ неуклюжаго лакея, по богатой шляпкѣ барыни, одѣтой неловко, по ея лицу, ухваткамъ и рѣчамъ, купцы тотчасъ смекнули, что она богата, тщеславна и понимаетъ дѣло только въ половину.... Барынѣ нѣтъ прохода! Салопницы и мальчишки визжатъ вокругъ, купцы заступаютъ дорогу, исчисляя *скороговоркою* всѣ свои товары и клянясь, что *для нея*, именно *для нея* (видя ее въ первый разъ въ жизни!) готовы уступить съ убыткомъ! Барыня по десяти разъ выходитъ изъ лавки и по десяти возвращается туда же. — «Скажите послѣднюю цѣну, сударыня.... для васъ...., готовъ уступить-съ!» — Двѣсти двадцать пять рублей — и болѣе ни копѣйки! — «Никакъ-съ нельзя-съ! Себѣ-съ дороже стоитъ-съ!» — Барыня выходитъ за двери — и купецъ бѣжитъ за ней съ прикащикомъ. — «Пожалуйте-съ, войдите-съ, сдѣлайте милость-съ, воротитесь!» — Барыня возвращается, и купецъ снова раскладываетъ тотъ же самый товаръ, приговаривая: — «Такого-съ товара-съ нѣтъ-съ въ цѣломъ ряду: купленъ-съ по случаю-съ. Извольте-съ, только *для васъ* — отдамъ за двѣсти пятьдесятъ рублей-съ! Ей Богу нельзя ни копѣйки меньше-съ! Клянусь, что и такъ продаю съ убыткомъ-съ!» — «Не дамъ ни гроша болѣе!» говоритъ барыня, и снова идетъ за двери, въ одиннадцатый разъ. Тутъ ужъ купецъ видитъ, что дѣлать нечего! — «Извольте-съ.... ужъ такая моя участь-съ.... времена плохія-съ.... продаю въ убытокъ-съ.... Пожалуйте-съ, возьмите вашъ товаръ!».... Барыня въ восхищеніи, что поставила на своемъ, купецъ торжествуетъ, что получилъ пятьдесятъ процентовъ чистаго барыша, а сидѣлецъ радъ радешенекъ, что обмѣрилъ на полтора аршина.... Всѣ довольны!

Зачѣмъ барыня не осталась въ лавкѣ, гдѣ не торгуются, гдѣ бы ей дали товаръ лучше, по настоящей цѣнѣ и не обмѣрили бы? — Барыня любитъ поторговаться! Она еще не вѣритъ, чтобъ Русскій купецъ могъ продавать безъ торга, и не понимаетъ, какъ можно купить вещь въ Русской лавкѣ, не выторговавъ чего нибудь. Ей кажется, что все сбавленное ею съ запрошенной цѣны — то же что выиграно, и она тѣмъ болѣе убѣждается въ этомъ, что за тотъ же самый товаръ въ магазинахъ спрашиваютъ съ нея въ полтора дороже, и не хотятъ вовсе торговаться.

Между тѣмъ, пока идетъ расправа съ покупателями, мальчики бѣгаютъ въ ближній трактиръ за кипяткомъ, и чай распивается сплошь, по всѣмъ лавкамъ. Индѣйцы весь день жуютъ траву, называемую *бетель*, Англійскіе и Французскіе моряки жуютъ табакъ, Нѣмцы и Испанцы весь день курятъ табакъ, Италіянцы весь день мурлычатъ про себя — а Русскіе купцы весь день пьютъ чай.... Но вотъ и вечеръ! *Гостиный Дворъ* начинаетъ пустѣть и сидѣлецъ Сидоръ, посланный за долгами,

возвращается въ лавку, съ краснымъ носомъ и осовѣлымъ взглядомъ. — «Ну, что, много ли собралъ?» — спрашиваетъ Панкратій Самойловичъ, который между тѣмъ, какъ сидѣлецъ его гулялъ за Невою, успѣлъ проспаться, опохмѣлиться, пообѣдать и, какъ говорится по-гостиподворски: *нажить пользу*, т. е., продать съ хорошимъ барышемъ. — «Въ трехъ мѣстахъ не сказались дома — а въ двухъ велѣно приходить за деньгами на недѣлѣ,» — отвѣчаетъ сидѣлецъ, крѣпясь языкомъ, чтобъ не спотыкнуться. — «А Генеральша?» — «Не приняла, а сказала чрезъ лакея, что сама заѣдетъ въ лавку!» — Хозяинъ бормочетъ что-то про себя — а сидѣлецъ пошелъ на свое мѣсто, радъ радешенекъ, что провелъ хозяина. — «Панкратій Самойловичъ, позвольте мнѣ пойти къ вечернѣ!» говоритъ сидѣлецъ Ваня, дальній родственникъ хозяина: «сегодня у насъ, въ деревнѣ, поминки по покойномъ дѣдушкѣ.».... — «Вамъ все бы изъ лавки прочь!.... Да ужъ нечего дѣлать.... ступай!» — «Позвольте и мнѣ, батюшка, помолиться!» говоритъ восемнадцатилѣтній сынъ хозяина. — «И мнѣ, батюшка! промолвилъ младшій, шестнадцатилѣтній сынъ.... — «Ну, ступайте, пострѣлы! только, смотрите, изъ церкви прямо домой!» — «Слушаемъ, батюшка!» — И вотъ три молодчика вырвались изъ лавки, бѣгомъ перебѣжали чрезъ Невскій Проспектъ, за угломъ наняли ухарскаго извощика и во всю рысь покатили.... за Неву.... въ уединенное мѣстечко.... въ трактиръ *невидимку!*.... Поминай, какъ звали!

Смеркается! Въ лавкѣ мало дѣла. Пріятель приходитъ къ Панкратію Самойловичу. — «А что, не пойдешь ли въ театръ?» спрашиваетъ пріятель. «Вѣдь сегодня бенефисъ и афиша предлинная, аршина въ полтора.... слышь, Григорьевъ второй будетъ ломаться, и сверхъ того будутъ пѣть и плясать по-Русски.» — «Пошелъ-бы, да послѣ вчерашняго будто самъ не свой.».... «Такъ не выпить ли, по маленькой?» говоритъ пріятель. — «Нешто!».... и вотъ Панкратій Самойловичъ загребъ въ ящикѣ двѣ пригоршни серебра, заперъ на ключъ ящикъ, и сказавъ прикащику: «Заприте жъ лавку въ свое время — да осмотритесь хорошенько,» — вышелъ съ пріятелемъ и прямехонько въ Балабинскій трактиръ! Желаемъ веселиться!....

Наконецъ лавки запираются. Извѣстные хозяева, аристократы *Гостинаго Двора*, люди почетные по богатству, поведенію, порядку въ торговлѣ, уложили товаръ, осмотрѣли всѣ углы лавки, сосчитали кассу и вышли, вмѣстѣ съ прикащиками и сидѣльцами. Почтенные хозяева и нѣкоторые изъ извѣстныхъ прикащиковъ и степенныхъ сидѣльцевъ пошли также домой — а большинство разлетѣлось, какъ птицы, выпущенныя на волю. Пойдемъ хоть за однимъ изъ нихъ. Вотъ онъ скорымъ шагомъ пробѣжалъ на Фонтанку, перешелъ Чернышевъ Мостъ, повернулъ направо и бѣжитъ,

посматривая налѣво — и вдругъ на углу переулка мелькнула розовая шляпка. Два, три скачка и онъ ужъ тутъ. — «Вотъ — тебѣ гостинецъ!» говоритъ проворный сидѣлецъ, и изъ-за спины вытягиваетъ кусокъ шелковой матеріи, ровнехонько на платье. — «Гей, извощикъ!» — Куда прикажете? — «Подавай — нечего торговаться.... не обижу!» — «Извольте садится!» — Сѣли и покатили — за Неву!.... На возвратномъ моемъ пути та же сцена повторилась передо мною разъ десятокъ!

Многія лавки въ *Гостиномъ Дворѣ* уже нагрѣваются печами, устроенными въ подвалахъ, и скоро весь Гостиный Дворъ освѣтится газомъ. — Это совершенно измѣнитъ Русскую физіономію Гостинаго Двора. Теплыя лавки требуютъ непремѣнно, чтобъ посѣтитель, опасающійся простуды, бралъ съ собою лакея, для держанія шубы — а вечернее освѣщеніе лавокъ отниметъ у купцевъ и сидѣльцевъ бо̀льшую часть времени зимней порой..... Это самое перемѣнитъ весьма многое въ ихъ образѣ жизни!.... Къ лучшему ли? — Я вѣрю, что все на свѣтѣ къ лучшему, что все подвигается впередъ, все усовершается!.... Будутъ ли вечерніе покупатели въ *Гостиномъ Дворѣ,* когда и при солнечномъ свѣтѣ надобно разсматривать товаръ въ четыре глаза? — Почему же нѣтъ! Кому нужно — тотъ ѣздитъ же и вечеромъ въ магазины — а впрочемъ не будетъ посѣтителей, такъ, можетъ быть, гостиподворцы, съ горя и со скуки, станутъ что нибудь читать, сверхъ газетныхъ объявленій и афишъ, и тогда, можетъ быть, прочтутъ и мою статью о *Гостиномъ Дворѣ,* и, какъ я надѣюсь, скажутъ: хоть не полно, да вѣрно!

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 25 Марта 1843 года. Ценсоръ П. Корсаковъ.



ис В. Тим — Печ. Поль.

ЛЕВЪ и ШАКАЛЪ.

.....«Et surtout, mon fils, ne poussez pas le poivre jusqu'au fanatisme.» —
E. SCRIBE, DANS VATEL.

Только животныя, т. е., звѣри, птицы, рыбы, пресмыкающіяся и насѣкомыя, не знаютъ тщеславія — не отъ того, что не имѣютъ нужды въ одеждѣ, но потому только, что не имѣютъ пальцевъ! Я убѣжденъ, что когда первый человѣкъ и первая женщина прикрывались одними фиговыми листьями — они выбирали лучшіе листья. Это доказываютъ намъ дикія племена Америки и Южнаго Океана, которыя, не имѣя вовсе одежды, расписываютъ свое тѣло узорами, обвѣшиваются раковинами и убираютъ волосы разными манерами. Если бъ левъ, тигръ или гіена имѣли пальцы, они вѣрно дѣлали бы для себя ошейники изъ костей своей добычи, какъ это дѣлаютъ дикіе люди острововъ Тихаго Океана; слонъ, жирафъ, конь украшались бы цвѣтами и зеленью; птицы ожерельями изъ красивыхъ зеренъ; рыбы кораллами, а обезьяна, животное самое близкое къ человѣку, стриглась бы непремѣнно à la moujik, носила бы бороду, при кургузомъ кафтанѣ, и вставливала бы стеклышко между щекою и бровью.....

Умные и глупые люди, старые и молодые, ученые и неучи — всѣ мы платимъ дань тщеславію, съ тою разницею, что одинъ платитъ болѣе, другой менѣе, и что въ одномъ человѣкѣ тщеславіе виднѣе, чѣмъ въ другомъ. Въ иномъ, тщеславіе потому не весьма замѣтно, что онъ выказываетъ его по частямъ, въ раздробленномъ видѣ, въ различныхъ формахъ. Единственное стремленіе тщеславія клонится къ тому, чтобъ обратить на себя вниманіе, чтобъ заставить о себѣ говорить и указывать на себя пальцами. Иной для этого издерживаетъ свой умъ, другой деньги, третій жертвуетъ даже жизнью. Но какъ легче всего отличаться *наружностью,* то тщеславіе болѣе всего прибѣгаетъ къ пособію *одежды.* Платонъ сказалъ Діогену: «сквозь дырья твоего плаща я вижу твое тщесла-

віе!» Въ новое время, когда нѣтъ ни портиковъ, ни форумовъ, ни академій подъ открытымъ небомъ, цинику, въ рубищѣ, не было бы мѣста въ обществѣ, и потому тщеславіе выдумало *моду* и *щегольство*.

Почти все великое и малое въ области гражданской образованности выдумано во Франціи. Французы, шествуя по величественному пути просвѣщенія, присоединили погремушку къ мечу и циркулю, къ перу и ретортѣ. Между тѣмъ, какъ Французскіе полководцы изобрѣтали новую тактику и военную архитектуру, когда ученые измѣряли землю и небо, и испытывали живую и мертвую натуру, когда литераторы заставляли отдаленные и даже непріязненные Франціи народы изучать бѣдный Французскій языкъ, разбогатѣвшій мыслями и краснорѣчіемъ — народъ Французскій тѣшился дѣтскими игрушками, изобрѣтая покрой платья, прическу, танцы, поклоны, шарканье и особый языкъ, языкъ гостиныхъ, нѣчто въ родѣ птичьяго щебетанья или чирпканья (gazouillement), пріятный и нѣжный для слуха, увлекательный, легкій, необременительный для ума!.... Всѣ великія изобрѣтенія, всѣ возвышенныя идеи, всѣ полезныя и славныя для человѣчества открытія Франціи остались *на днѣ кладезя*, изъ котораго искатели мудрости съ трудомъ и усиліемъ добываютъ ихъ — а чистая, прозрачная водица моды разлилась по всему образованному міру и проникла его до основанія. Сами не зная, какъ и почему, образованныя сословія во всѣхъ народахъ переняли одежду, манеру, нравы, обычаи и языкъ Французовъ и подчинились законамъ Французской моды, которая распростерла свою деспотическую власть на всѣ страны свѣта, куда только проникаютъ лучи Европейскаго просвѣщенія. И это сдѣлали не великіе мужи Франціи, не воины и ученые, а модники Французскіе, щеголи, любезники, люди безъ притязаній на громкую славу, на безсмертіе! Они сами не знали и не знаютъ, что они, забавляясь погремушкою, даютъ законы образованному міру, и что Европа обращаетъ болѣе вниманія на нихъ, нежели на героевъ, прославившихъ ихъ отечество!....

Въ Средніе Вѣки, точно такъ же какъ и въ древности, все щегольство состояло въ храбрости и молодечествѣ на войнѣ, въ циркѣ и на турнирѣ, и въ богатствѣ вооруженія. Разумѣется, что молодые люди, которые обращали на себя общее вниманіе, нравились женщинамъ болѣе другихъ. Въ Средніе Вѣки, особенно послѣ возрожденія наукъ и искусствъ, въ Италіи завелось такъ называемое *волокитство* (galanterie) и явное *прислужничество* дамамъ. Каждый рыцарь или молодой дворянинъ посвящалъ жизнь свою на прислужничество своей дамѣ, и каждая красавица окружена была толпою обожателей. Молодые люди раззорялись, чтобъ затмѣвать своихъ соперниковъ роскошью, но щеголи,

моты и дамскіе угодники не имѣли особеннаго, собирательнаго (collective) прозванія. Всѣ благородные холостяки назывались *кавалерами* (по-Италіянски Cavalliere, по-Испански Caballero, по-Англійски Cavalier, по-Французски Cavalier), т. е., *всадниками*, потому что молодые люди почитали тогда неприличнымъ разъѣзжать въ экипажахъ, которые въ то время были тяжелы, безобразны и неуютны. Молодые дворяне въ публикѣ всегда появлялись верхомъ. Цѣнность лошади, богатство сбруи и многочисленность свиты составляли тогдашнюю роскошь. Но въ одеждѣ не было рѣзкихъ измѣненій. Богатство тканей и драгоцѣнные каменья при убранствѣ означали щеголя.

При Франциске I придворные щеголи впервые получили особенное прозваніе. Ихъ называли muguets, въ буквальномъ значеніи *ландышами*, любимымъ цвѣткомъ женщинъ того времени. Въ послѣдствіи, это слово означило уже пролаза, волокиту и щеголя. При Карлѣ IX и Генрихѣ III щеголи назывались mignon, то же, что у насъ въ фамиліярномъ языкѣ: *милашка, душенька*, а въ настоящемъ значеніи *любимецъ*. До сихъ поръ исключительная цѣль щеголей состояла въ волокитствѣ и искусствѣ нравиться женщинамъ. Для этого, разумѣется, надлежало вести себя благопристойно, отличаться нѣжнымъ вкусомъ и вообще заслуживать общую благосклонность. Послѣ *ландышей* и *милашекъ* — наступилъ, во Франціи, вѣкъ роскоши и мотовства, при Лудовикѣ XIII. Богатство придавило красоту, нѣжничество и щегольство, и наконецъ, во время малолѣтства Лудовика XV, при регентствѣ Герцога Орлеанскаго, въ знаменитую эпоху ума, веселости, любезности и разврата, щегольство взяло перевѣсъ надъ богатствомъ. При дворѣ Регента и послѣ, при дворѣ Лудовика XV, щегольство поставлялось въ остроуміи, гастрономіи, волокитствѣ, буянствѣ, забіячествѣ и въ развратныхъ связяхъ съ актрисами, танцорками и женщинами безъ имени. Щеголи этой эпохи назывались roués, т. е., *висѣльниками!* Это слово совершенно соотвѣтствуетъ нашему *повѣса*. Они водворили не только повсемѣстный развратъ въ Парижѣ и во Франціи, но и заразили все Европейское дворянство своимъ безпутствомъ. Богатые аристократы изъ всѣхъ странъ спѣшили въ Парижъ наслаждаться свободною жизнью въ обществѣ остроумныхъ *повѣсъ* знатной породы, и распространяли ихъ нравы и обычаи въ своемъ отечествѣ. Эти нравы и обычаи перешли и къ намъ, въ свое время, и наше дворянство, подобно всѣмъ другимъ, приняло за образецъ маркизовъ и герцоговъ Регентства и Лудовика XV. — Французскій языкъ съ тѣхъ поръ сдѣлался вездѣ языкомъ Двора и высшаго общества, Французскіе кафтаны и прическа, устройство и меблировка домовъ, столъ, экипажи, этикетъ и свѣтскія приличія скопированы и

усвоены въ цѣлой Европѣ. Высшій классъ гражданскаго общества вездѣ сталъ однообразенъ — и во всѣхъ дворянскихъ училищахъ введено обученіе Французскому языку. Даже гордая, самостоятельная Англійская аристократія подчинилась этому вліянію. Парижъ сдѣлался центромъ образованнаго міра, законодателемъ вкуса, моды, приличій и обычаевъ!....

Нѣтъ сомнѣнія, что явный развратъ и безразсудное мотовство высшаго Французскаго дворянства — а въ слѣдствіе этого непомѣрная жадность къ деньгамъ и расхищеніе казны употребленіемъ во зло добродушія Людовика XVI, были одними изъ важныхъ причинъ несчастной Французской революціи, обагрившей кровью Европу, и угрожавшей ей варварствомъ и истребленіемъ всего священнаго. Великое зло разлилось во Франціи, когда законныя подпоры трона лишились уваженія въ народѣ, и сами стали клеветать на то, что должно быть неприкосновеннымъ!

До послѣдней четверти XVIII вѣка только придворные и знатные господа были жрецами моды и щегольства, но при Людовикѣ XVI, уже и среднее сословіе послѣдовало увлекательному примѣру. До начала Французской революціи знатные щеголи назывались *красавцами*, le beaux, а подражатели ихъ изъ средняго сословія, *побрякушкиными*, freluquets, и *барченками*, les petits-maîtres. Но и тѣ и другіе подражали прежнимъ *повѣсамъ* только въ развратѣ, мотовствѣ, роскоши и измѣненіи нарядовъ. Прежнее остроуміе, любезность, веселость и угодливость дамамъ почти вовсе исчезли между *красавцами*, и не появлялись никогда между *побрякушкиными!* Насталъ вѣкъ политики и философіи — споровъ и скуки! Наконецъ разразившаяся Французская революція — убила вовсе моду, щегольство и любезничество. — Въ противоположность и въ насмѣшку прежнему щегольству, грубая чернь, въ скотскомъ упоеніи, истребляла всѣ признаки образованности и утонченности, и самые бѣшеные демагоги назвались *нагими* — sans-culottes. Для избѣжанія ихъ неистовства, щеголи нарядились въ куртки дровосѣковъ и водовозовъ, carmagnole, и прикрылись Фригійскимъ колпакомъ, краснаго цвѣта! — Образованная, аристократическая Европа съ ужасомъ и омерзѣніемъ отворотилась отъ Франціи, но не освободилась отъ ея вліянія! Французскіе эмигранты, бѣжавшіе изъ несчастнаго своего отечества, разнесли Французскіе обычаи и моды въ мѣста, прежде для нихъ неприступныя и утвердили ихъ владычество.

До самаго уничтоженія безначалія во Франціи и водворенія правленія Директоріи, въ Европѣ, т. е., внѣ Франціи (потому что во Франціи жили тогда каннибалы!), носили прежніе Французскіе кафтаны и прическу. Наконецъ воскресла Французская *мода*, и появились щеголи, прозванные *не-*

вѣроятными или *чрезвычайными*, les incroyables. Это эпоха перваго появленія *фраковъ* въ обществахъ! Французскіе щеголи, уцѣлѣвшіе отъ бѣшенства *нагихъ*, не дерзали, однако жъ, принять прежняго наряда, и вздумали перенять у Американцевъ *фракъ*. Знаменитый Франклинъ, будучи въ Парижѣ посланникомъ, или правильнѣе, агентомъ Англійскихъ колоній, отыскивавшихъ тогда оружіемъ свою независимость, появлялся при дворѣ Лудовика XVI въ простомъ фракѣ, безъ пудры, въ нитяныхъ чулкахъ, съ большими мѣдными пряжками на башмакахъ. Костюмъ Франклина послужилъ *невѣроятнымъ* не образцомъ, а только предлогомъ къ выдумкѣ новой одежды. Двубортный фракъ былъ съ вырѣзкою спереди, какъ нынѣ, но чрезвычайно коротокъ спереди, съ узкими фалдами, съ высокимъ загибающимся воротникомъ. При этомъ носили длинный, атласный, двубортный жилетъ, съ отворотами, узкое нижнее платье, до ступни, башмаки съ пряжками и чулки. Шею повязывали чрезвычайно толсто, такъ, что лице утопало въ галстухѣ — и это называлось *жабо*. Прическа съ пудрою составляла особенную оригинальность. На ушахъ, до воротника, висѣли приглаженные волосы, называвшіеся: *собачьими ушами*, oreilles des chiens; наверху головы волосы зачесаны были вверхъ — и это называлось *вержетъ*, verget. Съ тыла была небольшая, но толстая коса — и все прикрыто пудрою. Въ рукахъ носили огромную суковатую палицу, вмѣсто трости, и эта палица называлась droit de l'homme. Голову прикрывали круглою шляпою, чего прежде не бывало, потому что круглыя шляпы носили только форейторы, ливрейные лакеи, матросы и поденьщики. Цвѣтъ платья былъ всегда яркій. Фраки были свѣтло-зеленые, палевые, свѣтло-фіолетовые — даже красные! — Эта мода произвела удивительное потрясеніе въ модномъ Европейскомъ свѣтѣ! Французскіе кафтаны и прическа съ *голубиными крылышками*, à l'aile de pigeon — ужасно всѣмъ наскучили, тѣмъ болѣе, что Французскіе кафтаны были весьма дороги. Люди хорошаго тона должны были носить кафтаны изъ лучшей шелковой ткани, вышитые золотомъ, серебромъ или разноцвѣтными шелками. Пуговицы были иногда алмазныя! — Во Французскомъ кафтанѣ, въ шелковыхъ чулкахъ, въ снѣжной, прозрачной прическѣ, щеголю невозможно было ходить пѣшкомъ, или ѣздить на дрожкахъ и кабріолетѣ: надлежало разъѣзжать въ каретѣ! Молодые люди въ цѣлой Европѣ съ радостью сбросили съ себя эту дорогую и стѣснительную одежду — и нарядились по *невѣроятному* — à l'incroyable! — Это, казалось тогда столь страннымъ, чрезвычайнымъ и неприличнымъ, что нѣкоторыя правительства даже запретили этотъ костюмъ. — Но мода взяла свое! Французскіе кафтаны исчезли навѣки — и чтобъ замѣнить ихъ и не допу-

стить въ общество, особенно въ дѣла, *неблагопристойнаго наряда* — какъ старики и важные люди называли тогда *фраки* — выдуманы гражданскіе мундиры, для всѣхъ вѣдомствъ, и даже для неслужащаго дворянства. Всѣ государства, единомысленно и почти въ одно время, поставили фракъ въ разрядъ *плебеисма*, т. е., *простонародія*, введеніемъ гражданскаго мундира, котораго не знали при существованіи Французскаго кафтана.

Въ это время Англія начала выбиваться изъ-подъ власти Французскихъ модъ, и хотя слѣдовала Французскимъ *вымысламъ* — но начала давать всему свой собственный *фасонъ* — fashion. Когда Англійская аристократія слѣпо подражала Французской аристократіи, то Англичане *моду* называли Французскимъ словомъ : mode. Но когда въ Англіи стали коверкать Французскія моды, давая каждому Французскому изобрѣтенію *другой видъ и форму*, всегда *преувеличенную*, тогда слово *фасонъ*, fashion, замѣнилъ слово *мода* — и щеголи или модники назвались fashionable, т. е., *фасонщики* — изобрѣтатели *фасона* или новой формы, новыхъ маперовъ и пріемовъ. Съ этихъ поръ появились двѣ моды : господствующая Французская — и соперница ея Англійская — не имѣвшая почти ни какого вліянія на твердой землѣ Европы.

Во время Консульства и Имперіи фраки во Франціи часто измѣняли покрой — но не слишкомъ отдалялись отъ первой формы; военные мундиры затмѣвали гражданскія моды. Въ это время Французы впервые переняли у Англичанъ *сюртуки* и каррики, carrik, т. е., сюртуки съ висячимъ воротникомъ. Это было первое вторженіе Англійской моды, или *фашона* на твердую землю. Щеголи въ правленіе Наполеона прозваны были по старинному, les petits-maîtres, но уже въ другомъ смыслѣ, т. е., *баричами* или *господчиками*, а богатые и роскошные между ними *удивительными*, les merveilleux. Европейское общество снова подчинилось ихъ вліянію!

Наконецъ возвратились во Францію Бурбоны, послѣ долговременнаго изгнанія, проведя большую часть его въ Англіи, въ сопровожденіи множества Французскихъ семействъ, усвоившихъ, отчасти, Англійскіе обычаи. При новомъ Дворѣ Французскомъ появилось множество молодыхъ Французовъ, знатныхъ фамилій, родившихся въ Англіи, во время эмиграціи или прибывшихъ туда въ юномъ возрастѣ и получившихъ тамъ воспитаніе. Не только вся Англійская аристократія, но даже богатые Англичане средняго сословія толпами стали посѣщать Парижъ и вообще Францію, неприступныя для нихъ во время долговременной борьбы Англіи съ Наполеономъ. Между тѣмъ, при стремленіи Французскаго Двора къ воскрешенію старины, т. е., всего бывшаго предъ революціей, появилось и прежнее щегольство, и модники, при Лудовикѣ XVIII, приняли про-

стое названіе *щеголей,* les élégans. Въ это *щегольство* уже введено было много Англійскаго — а между тѣмъ, въ Парижѣ, а вслѣдъ за этимъ и въ другихъ Европейскихъ столицахъ составилась особая партія *англомановъ,* которая вела открытую войну съ *щеголями старинной формы.* При Карлѣ X *англоманы* одолѣли, и жрецы моды прозвались по-Англійски *денди* (*), *увальнями* (dandy) и *фашонеблями.*

Со временъ Аѳинскаго щеголя Алкивіада и Римскаго модника Октавія (бывшаго потомъ Императоромъ, подъ именемъ Августа), равномѣрно какъ во времена рыцарства, въ Средніе Вѣки и въ новое время, отъ Франциска I до Карла X включительно, т. е., до введенія въ моду *англоманіи,* главныя качества щеголя, подъ какимъ бы ни было прозваніемъ, составляли: необыкновенная вѣжливость съ равными, т. е., съ дворянами, любезность въ обществахъ, изысканность въ обхожденіи и рѣчахъ, утонченность въ пріемахъ и услужливость дамамъ, для угожденія которымъ щеголь обязанъ былъ жертвовать всѣмъ, временемъ, состояніемъ, а иногда и жизнью. Щеголь и дамскій угодникъ — значило одно и тоже. Тутъ должно опредѣлить характеръ эпохъ! Даже *чрезвычайные* или *удивительные,* les incroyables, вырвавшіеся, такъ сказать, изъ пасти звѣрской революціи, любезничество, угодливость и почтительность къ дамамъ, почитали *первыми условіями* щегольства. Никогда щеголь не смѣлъ явиться въ дамское общество иначе, какъ въ башмакахъ. При Французскихъ кафтанахъ сапоги носили только на охотѣ, и когда ѣздили верхомъ, и однимъ изъ самыхъ важныхъ доказательствъ самовластія Лудовика XIV почиталось то, что онъ явился въ Парижскій парламентъ въ *сапогахъ, со шпорами.* — Во время Консульства и Имперіи, щеголи, въ подражаніе военнымъ, стали носить сапоги при фракахъ — но только на улицѣ или въ мужскомъ обществѣ, или въ своемъ родномъ кругу. Никогда кавалеръ, кто бы онъ ни былъ, не смѣлъ сѣсть при дамѣ, когда она его къ тому не пригласила, и никогда не смѣлъ онъ говорить съ нею, подъ открытымъ небомъ иначе, какъ безъ шляпы. Провожая даму до кареты, кавалеръ, хотя бы въ тридцать градусовъ мороза, не могъ надѣть шубы или другой верхней одежды. Сохрани Богъ, чтобъ кавалеръ дерзнулъ развалиться въ креслахъ при дамахъ.... его бы нигдѣ не приняли и провозгласили грубіяномъ!.... Единственная обязанность кавалеровъ, въ обществѣ, состояла въ томъ, чтобъ забавлять дамъ разговорами, и служить имъ партнерами въ танцахъ, сопровождать въ театръ, на гульбища—словомъ, находиться вѣчно на услугахъ. Дамы почитались какими-то богинями.... казалось, что міръ только и существовалъ для женскаго пола!....

(*) Отъ Англійскаго слова Dandle, качать, убаюкивать.

Французская мода, во время самаго сильнаго своего владычества въ Англіи, приковала только придворныхъ и первостепенныхъ аристократовъ къ своей колесницѣ — но овладѣвъ болѣе наружностью, никогда не проникала въ нравы и обычаи провинціяльнаго дворянства и сильнаго, по своимъ правамъ и богатству, средняго сословія. — Любезничество съ дамами, утонченное волокитство, угодничество, легкомысліе, остроуміе и острословіе, и изысканная вѣжливость всегда были оранжерейными, экзотическими плодами въ Англіи, отечествѣ сплина, квакеровъ, методистовъ и пуританъ, въ странѣ боксеровъ, жокеевъ, пивопійцъ, ростбифоѣдовъ и всемірныхъ купцевъ. Мы не имѣемъ слова равносильнаго Французскому : morgue.... Спѣсь, гордость, нахмуренный видъ, грозный взглядъ — все это мало для означенія того, что Французы разумѣютъ подъ этимъ словомъ. Но точно такъ же, какъ Французы, не имѣя слова для выраженія остроумія, обладаютъ имъ въ высшей степени, а Нѣмцы, гордясь тѣмъ, что имѣютъ слово Witz — бѣдны истиннымъ остроуміемъ, Французы, имѣя слово morgue, менѣе всѣхъ другихъ племенъ человѣческихъ подвержены этому пороку. Холодность въ обращеніи, самонадѣянность, гордый и угрюмый видъ, пренебреженіе ко всему, молчаливость — вотъ что составляетъ основаніе характера сыновъ Альбіона! — Не только шумную радость, громкій смѣхъ, но даже снисходительную улыбку Англичанинъ почитаетъ неприличными, безъ важныхъ побудительныхъ причинъ. Восхищеніе и удивленіе Англичанинъ причисляетъ къ признакамъ глупости. Наслажденіемъ Англичанинъ называетъ только то, что сильно потрясаетъ душу и волнуетъ кровь : адскія драмы Шекспира, звѣриную травлю, кулачный бой, бѣшеныя конскія скачки, охоту на медвѣдей, бурю и странствованія между дикими народами, въ горахъ и пустыняхъ. Англичанинъ не любитъ тонкихъ душистыхъ винъ и нѣжныхъ Французскихъ соусовъ, и предпочитаетъ имъ ромъ, спиртный портвейнъ, хересъ, мадеру и полусырое мясо. Превративъ всю Англію въ красивый садъ, Англичанинъ пренебрегаетъ природой, и живетъ лѣтомъ въ городѣ, а зимою и осенью въ деревнѣ. Только одни Англичане могли дать нравственное значеніе слову excentric (*), потому что только Англія могла произвесть людей, которыхъ мы называемъ *эксцентрическими*, т. е., образцовыми чудаками, людьми другой планеты по страстямъ, вкусу и образу жизни. Есть очень много Англичанъ умныхъ, ученыхъ, необыкновенно честныхъ,

(*) Excentricité, excentricity, разноцентренность, терминъ астрономическій, разстояніе между центромъ и фокусомъ эллипсиса, описываемаго планетою, а въ ботаникѣ — внѣсредоточіе. Давая этому слову нравственное значеніе, вѣроятно хотѣли выразить дѣйствіе воли внѣ центра своего : *ума*. Это почти то же, что нашъ : *умъ за разумъ зашелъ !*

благородныхъ и великодушныхъ, не взирая на всѣ странности; — но едва ли есть Англичане любезники, дамскіе угодники и прислужники! Любовь у Англичанина то же, что биржевая спекуляція — это *дѣло*, а не *мечта!* — Чѣмъ женщина прекраснѣе, милѣе, умнѣе, любезнѣе, тѣмъ Англичанинъ съ ней холоднѣе, хотя бы влюбленъ былъ въ нее смертельно. Онъ готовъ подарить ей милліонъ фунтовъ стерлинговъ или въ доказательство любви своей броситься въ пылающее жерло Везувія, но не согласится говорить ей нѣжности и ласкательства, и чѣмъ важнѣе дама по знатности рода, тѣмъ Англичанинъ съ нею фамиліарнѣе въ обхожденіи и непринужденнѣе въ своихъ ухваткахъ!....

И все это Англичане дѣлаютъ для того только, чтобъ не быть тѣмъ, чѣмъ другіе люди, чтобъ быть съ перваго взгляда признаваемымъ за истинныхъ сыновъ туманнаго Альбіона! Для этого Англичанинъ и одѣвается иначе, нежели другіе народы, принявшіе общій Европейскій покрой. У Англичанина все должно быть или уже или шире, или длиннѣе или короче, нежели у другихъ, и какъ Англичане, перенося въ свое отечество все изящное изъ Греціи, Франціи, Испаніи и Италіи, для украшенія своихъ замковъ и музеевъ, до сихъ поръ не могли водворить у себя изящнаго вкуса — то отличительная черта Англійскаго *фашона* или *моды* — не изящество, а странность или оригинальность! — Если бъ въ 1728 году кто нибудь сталъ предсказывать знаменитымъ *повѣсамъ* (roués) своего времени, Маршалу Ришелье и Графу Тилли (Tilly), что чрезъ сто лѣтъ Французы станутъ подражать въ модахъ Англичанамъ, и что жрецы моды во Франціи назовутся *денди* и *фашонебли* — то Ришелье и Тилли назвали бы предсказателя *сумасшедшимъ,* и, пожалуй, чего добраго, вызвали бы его на дуэль, за оскорбленіе народной чести! Даже остроумный Ривароль, жившій въ нашемъ вѣкѣ, никакъ не могъ предвидѣть этого, и сказалъ, что скорѣе слонъ станетъ подражать кошкѣ, чѣмъ Французъ Англичанину! — Однакожъ вышло напротивъ! Французы перерядились въ Англичанъ, и стали подражать имъ даже въ обычаяхъ: завели скачки, жокеевъ, клубы и таверны. Острые куплеты замѣнили карикатурами, начали пить пуншъ и портеръ, курить сигары, издавать великолѣпные *кипсеки,* писать кровавыя драмы и романы, присвоили себѣ матросское нижнее платье и верхнюю одежду, перековеркавъ названіе *пейлота* въ *пальто* — и испестрили языкъ Вольтера, Расина, Монтескье и Бюффона Англійскими словами и выраженіями, а что всего важнѣе — надулись, переняли Англійскую холодность, молчаливость, небрежность въ обхожденіи, и торжественно схоронили, въ политическихъ спорахъ, свои древнія принадлежности: любезность, остроуміе, утонченную вѣжливость и почтительность къ дамамъ!.... Мода, пропѣвъ жалобно

requiem eternam Французскому милому легкомыслію, взвалила на плечи тяжелый Англійскій сплинъ, и обошла кругомъ Европу — и во всѣхъ Европейскихъ обществахъ водворилась безвкусная *Англоманія!*

Дошла очередь и до насъ!....

Когда Грибоѣдовъ писалъ съ натуры свою безсмертную и единственную Русскую комедію: *Горе отъ ума* — тогда было только начало *Англоманіи.* Тогда она казалась намъ еще смѣшною!....

....«Во-первыхъ, Князь Григорій!
Чудакъ единственный, насъ со смѣху морить!
Вѣкъ съ Англичанами, вся Англійская складка....
И такъ же, какъ они, сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко обстриженъ для порядка.»....

Наконецъ эти *поддѣльные* Англичане уже не морятъ со смѣху, а, напротивъ, всѣ превратились въ псевдо-Англичанъ, пока, наконецъ, сами законодатели моды, Французы, не опомнились. Не будучи уже въ состояніи выбиться изъ-подъ ига Англійскаго вліянія, лишившись своей старинной любезности и утонченной вѣжливости — и ужаснувшись своего положенія, Французскіе *денди* и *фашонебли*, изъ народнаго самолюбія, прибавили къ Англійской одеждѣ, Англійскимъ манерамъ и обычаямъ свое собственное изобрѣтеніе: Русскую мужичью стрижку, усы и бакенбарды Среднихъ Вѣковъ и жидовскую бороду — и назвались *юною Франціею* (jeune France). И это изобрѣтеніе Парижа обошло кругомъ Европу — однакожъ не водворилось повсемѣстно, ибо здравый разсудокъ Сѣвера воспротивился явному цинисму. Въ высшей атмосферѣ общества приняты только стрижка, съ нѣкоторыми усовершеніями, усы и бакенбарды; — борода осталась въ Парижѣ и между Нѣмецкими мѣщанскими щеголями, а между тѣмъ, брадатые и гривастые герои *юной Франціи* прозвались *львами!*

Нѣкоторые, не зная Англійскихъ обычаевъ, думаютъ, что прозваніе *льва* произошло отъ обросшаго лица и густой гривы щеголей, придающихъ имъ видъ *львиной головы!..*. Не то! — Вотъ въ чемъ дѣло! — Когда впервые завели въ Лондонѣ *постоянный звѣринецъ*, въ семидесятыхъ годахъ, и когда въ немъ развелись цѣлыя семейства львовъ, Англичане, страстные любители звѣрей, толпами посѣщали звѣринецъ, чтобъ наслаждаться всѣми ухватками львовъ, львицъ и львенковъ. Одинъ левъ, необыкновенной величины и свирѣпости, любилъ маленькую собачку и позволялъ ей кусать себя, дразнить и даже отнимать куски мяса изъ зубовъ.... Левъ вошелъ въ *моду!* Знатныя фамиліи, нѣжныя Леди съ своими Миссами и важные Лорды ѣздили ежедневно смотрѣть льва. Звѣринецъ сдѣлался мѣстомъ свиданія, rendez-vous, лучшаго общества, и самъ Регентъ, съ своими любимцами, посѣщалъ почти ежедневно льва, который ревѣлъ на весь кварталъ, переворачивалъ со злости свою клѣтку,

когда до него дотрогивались хлыстикомъ, рвалъ на части несчастныхъ животныхъ, которыхъ къ нему бросали въ добычу, и повиновался одной только собаченкѣ! «Видѣли ли вы сегодня льва?» — былъ первый вопросъ при встрѣчѣ пріятелей. Левъ наконецъ издохъ — но оставилъ послѣ себя безсмертное имя! Названіе *льва* перешло къ *людямъ*, и каждый человѣкъ, отличающійся чѣмъ бы то ни было — который возбуждалъ любопытство — былъ *левъ!* — Брунель, знаменитый законодатель Англійскаго *фашона*, бывшій пріятелемъ и собесѣдникомъ Регента и богатѣйшихъ Лордовъ, и умершій въ нищетѣ во Франціи; Вальтеръ Скоттъ, Бейронъ, Шелли, О'Коннель, Карлейль.... и множество другихъ разнородныхъ лицъ были въ свое время *львами*. Даже Тальеранъ и Сультъ — пріѣхавъ въ Лондонъ — попали въ львы! Обычай повелѣваетъ каждую знаменитость приглашать въ аристократическое общество — и всѣ бѣгутъ въ *раутъ*, чтобъ посмотрѣть *льва* или *львицу* — а потому и знаменитыя щеголихи, пѣвицы, актрисы, писательницы также усвоили себѣ это прозваніе. Въ послѣднее время Французская актриса Рашель была *львицей* въ Лондонѣ, Графъ Дорсе *левъ* моднаго свѣта, адмиралъ Непиръ былъ *львомъ* по военной части, а Диккенсъ нынѣшній *левъ* литературы. Каждая часть имѣетъ своихъ *львовъ* и *львицъ*, и хозяйка знатнаго дома должна непремѣнно собирать ихъ на *рауты*, а хозяинъ приглашать къ обѣду, если хотятъ поддержать домъ свой на степени *фашона*. Львамъ и львицамъ моды всѣ слѣпо подражаютъ, а на другихъ львовъ и львицъ только смотрятъ, какъ на звѣрей, не удостоивая ихъ даже словомъ!

Въ Парижѣ и у насъ, въ Россіи, *львами* и *львицами* называютъ только *модниковъ* и *модницъ*, въ Парижѣ оригинальныхъ модниковъ и модницъ, т. е., изобрѣтателей и изобрѣтательницъ новыхъ крючковъ, петелекъ, выемокъ, вырѣзокъ, корсажей, локоновъ и т. п., — а у насъ величаютъ этимъ прозваніемъ подражателей и подражательницъ Парижскимъ львамъ и львицамъ. Наши *львы* ничего не выдумаютъ — даже пороху!

Я слыхалъ въ юности слѣдующій анекдотъ. — Проѣзжій Жидъ остановился ночью въ крестьянской избѣ — и въ то время, когда онъ собирался отдыхать, вдругъ раздался ревъ за печью. Бѣдный Жидъ испугался и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. — «Чего ты боишься?» спросилъ крестьянинъ. — «Ой, вей, цто-то реветъ!» — «Чего же трусить — вѣдь это *теленокъ!*» сказалъ крестьянинъ. — «*Теленокъ!*» примолвилъ Жидъ: а я думалъ.... что это.... *левъ!*»

Таковы и наши *львы!* они самой смирной и тихой породы, и подражаютъ Парижскимъ *львамъ* только въ миролюбивыхъ занятіяхъ и въ наружномъ видѣ. Наши *львы* не теряютъ времени на охотѣ, рыбной ловлѣ, на конскихъ скачкахъ, въ манежѣ; не

любятъ фехтованья, ни стрѣлянья въ цѣль, ни опасныхъ странствій, не умѣютъ править дикими лошадьми въ упряжи, переплывать рѣки, словомъ, вовсе не переняли *молодечества* и *удальства*, составляющихъ *необходимыя качества* Парижскаго *льва* и Лондонскаго *денди*. Парижскій *левъ* всѣ свои усилія устремляетъ къ тому, чтобъ превзойти Англійскаго *денди* въ ловкости, неустрашимости и въ мотовствѣ на лошадей, оружіе, жокеевъ, грумовъ и фантастическія прихоти. У насъ, гимнастическія упражненія въ совершенномъ пренебреженіи. У насъ на счету всѣ штатскіе, которые имѣютъ верховую лошадь!!!.... Наши *львицы*, въ этомъ отношеніи, превосходятъ *львовъ* : онѣ отличныя Амазонки. Нашъ *левъ* ведетъ жизнь *лежня*. Мы переняли Англійскій *комфортъ* т. е. удобства жизни — и хотимъ наслаждаться *комфортомъ* въ полномъ значеніи слова. У насъ въ модѣ — бездѣйствіе. Нашъ *левъ* встаетъ поздно, проводитъ часа два за туалетомъ, въ чисткѣ зубовъ и ногтей, въ разглаживаніи своей прически. Одѣвшись въ форменный фракъ, онъ ѣдетъ потомъ на службу, потому что у насъ почти всѣ служатъ, т. е., приписаны на какому нибудь департаменту или канцеляріи. Повернувшись въ канцеляріи и показавшись на глаза начальнику, *левъ* возвращается домой — переодѣвается въ сюртукъ и ѣдетъ съ утренними визитами. Зимою, въ хорошую погоду, онъ является между двумя и четырьмя часами, съ лорнеткою, вставленною между бровью и щекою, на гульбищахъ или на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта или на Англійской набережной, и побываетъ мимоходомъ въ Англійскомъ магазинѣ или у Гармсена, чтобъ встрѣтиться съ *львицами*. — Весною онъ гуляетъ отъ двухъ до пяти часовъ въ Лѣтнемъ Саду, а лѣтомъ, по условію, гдѣ назначено rendez vous *львамъ* и *львицамъ*. Послѣ прогулки онъ переодѣвается во фракъ къ обѣду, если обѣдаетъ въ гостяхъ. *Левъ* вездѣ является послѣднимъ, и заставляетъ ждать себя. Въ старину, когда господствовала чисто-французская мода съ ея вѣжливостью, надлежало подходить съ какою нибудь милою фразою къ хозяйкѣ дома, подарить ласковымъ словцомъ хозяина, и привѣтствовать всѣхъ гостей. У насъ, на святой Руси, весьма долго еще велся обычай цѣловать ручку хозяйкѣ и важнѣйшимъ дамамъ. Теперь дама вамъ бы не дала руки, и провозгласила бы васъ Вандаломъ, если бъ вамъ вздумалось обратиться къ старому обычаю. Теперь привѣтствуютъ хозяйку только *взглядомъ*, и если *левъ*, ея родственникъ или близкій знакомый, домашній другъ, то беретъ хозяйку за руку, и пожимаетъ, какъ въ старину дѣлалось за кулисами, съ танцорками. Хозяину довольно и одного знака головою, въ доказательство, что онъ замѣченъ *львомъ*! На прочихъ гостей *левъ* только озирается : этимъ замѣняется прежнее привѣтствіе. Комплиментарныхъ прелюдій

къ разговору, какъ бывало встарину — нынѣ нѣтъ ни какихъ. Теперь начинаютъ разговоръ прямо съ середины, такъ, что со стороны, когда не знаешь дѣла — вовсе непонятно. — Если бъ встарину кто нибудь вошелъ въ комнаты съ тростью, то лакей напомнилъ бы ему, что онъ вѣроятно забылся. Теперь входятъ съ тростью въ парадныя комнаты — чтобъ пощеголять набалдашникомъ!!!! — За столомъ *левъ* ѣстъ какъ настоящій царь Африканскихъ степей, пьетъ — какъ Англійскій шкиперъ — и если сидитъ не возлѣ дамы — то не тратитъ напрасно словъ на разговоры. — Послѣ обѣда, если у хозяина есть tabagie, т. е., комната гдѣ курятъ сигары, онъ разваливается на диванѣ, куритъ — дремлетъ, потомъ ѣдетъ домой, чтобъ переодѣться во Французскій спектакль, въ концертъ или на вечеръ и на балъ. Туалетъ его, разумѣется, по послѣдней Французской модной картинкѣ. Въ концертѣ, въ залѣ г-жи Энгельгардтъ, мѣсто его или у самой эстрады или на эстрадѣ, а въ залѣ Дворянскаго Собранія, или на трибунѣ дипломатическаго корпуса — или возлѣ, или въ противоположной галереѣ. Онъ никогда не садится въ серединѣ, въ толпѣ. *Левъ* никогда не аплодируетъ, и никогда не шикаетъ. Онъ долженъ казаться ко всему равнодушнымъ. Одно только исключеніе изъ правила, а именно когда концертъ даетъ артистъ, покровительствуемый дамою, къ которой *левъ* особенно *благоволитъ* : тогда онъ позволяетъ себѣ, взявъ палку подъ мышку — легонько похлопать бѣлыми, какъ снѣгъ, перчатками — давъ знакъ головою дамѣ — что этимъ приносится ей жертва. Впрочемъ пріѣздъ великаго артиста къ намъ — большая радость для *львовъ!* Они тотчасъ знакомятся съ нимъ, вводятъ его въ родственные домы, безпрерывно окружаютъ его — чтобъ быть самимъ замѣченными. Настоящій *левъ,* pur sang, позволяетъ себѣ хвалить артиста только въ одномъ отношеніи. C'est un bon enfant! (это добрый малой)! — На счетъ таланта онъ объясняется двусмысленно, или холодно, чтобъ показать, что его ничто не удивляетъ. Pas mal! comme-ci, comme-ça (не дурно, порядочно), и какъ *превосходная степень* въ грамматикѣ *львиной* не существуетъ, то при всеобщемъ восторгѣ въ пользу артиста, *левъ* позволяетъ себѣ сказать : il a des moments superbes! (у него бываютъ отличныя минуты). — Всѣ театральныя піесы *для льва* — или дурны или посредственны..... а впрочемъ, онъ рѣдко помнитъ ихъ содержаніе, увѣряя, что все это чрезвычайно скучно. *Левъ* замѣчаетъ только, когда хорошенькая лицемъ актриса премило одѣта, и когда она кокетничаетъ со сцены съ креслами. Это по его части! — Встарину *модники* рѣшали судьбу піесъ и актеровъ, разсуждали объ нихъ въ обществахъ, спорили, доказывали, давали наставленія и авторамъ и актерамъ, особенно актрисамъ и радѣли объ ихъ туалетѣ. Нашъ

левъ знакомъ со всѣми Французскими актерами и актрисами — но вовсе не разговариваетъ съ ними объ ихъ ремеслѣ, и не занимается этимъ. Если онъ говоритъ актрисѣ: vous étiez charmante hier! (вы были прекрасны вчера) — это значитъ, что онъ относится къ ловкости, красотѣ и туалету актрисы. На счетъ игры — *левъ* позволяетъ себѣ только похвалить пѣнье куплетовъ — ибо это принадлежитъ почти къ *туалету* актрисы — т. е., къ ея кокетству. Если *левъ* въ ложѣ *львицы* — то онъ долженъ шептать ей на ухо, а если онъ въ креслахъ, то обязанъ зѣвать, смотрѣть въ лорнетъ на ложи, и наводить подзорную трубку на сцену тогда только, когда на сценѣ является *актриса* — *львица,* т. е., красавица и отчаянная! — Торжество *льва* — не на балѣ, гдѣ въ танцахъ — *львы* не замѣтны, потому что нынѣ все юношество не танцуетъ уже, а только расхаживаетъ. *Левъ* отличается тѣмъ только, что представляется *разсѣяннымъ*, ходитъ не въ тактъ, и нарочно сбивается въ фигурахъ кадриля, будто заговорившись съ дамой. — Торжество *льва* на вечерѣ, на которомъ не танцуютъ. Тутъ онъ въ своей сферѣ, превращая гостиную въ пустыню Африканскую! *Левъ,* не обращая вниманіе на государственныхъ сановниковъ, ни на своихъ начальниковъ и старшихъ родственниковъ, ни на членовъ дипломатическаго корпуса — развалиется въ креслахъ или на диванѣ такъ же покойно, какъ въ своемъ кабинетѣ, и разговариваетъ съ дамою.... такъ же фамиліярно, какъ будто она была его родная сестра или даже жена!... Такъ принято въ свѣтѣ, что съ кѣмъ бы дама ни разговаривала въ обществѣ и объ чемъ бы ни говорила, хотя о погодѣ, — она пользуется этимъ случаемъ, чтобъ выказать граціозность своихъ пріемовъ, бѣлизну зубовъ, и очаровательную красоту глазъ, то потупляя ихъ, то поднимая, то устремляя на разговаривающаго съ особенною нѣжностью, сопровождая взоръ милою улыбкою. Это дѣлается не для разговаривающаго съ дамою, но для цѣлаго общества, для всѣхъ и каждаго, кто только смотритъ на даму — (а кто не смотритъ на красавицу!) — и тутъ-то *левъ* и смѣшонъ и жалокъ — принимая это милое и невинное кокетство *на свой счетъ,* и воображая — что онъ *нравится!* Эта мысль возбуждаетъ въ немъ уснувшую энергію — и онъ начинаетъ *любезничать*, т. е., злословить и отпускать эпиграмы, чтобъ смѣшить даму. Если случится, что разговоръ обратится на новый Французскій романъ — *левъ* хотя и не читалъ его — говоритъ объ немъ, но наслышкѣ, съ такою увѣренностью, какъ будто онъ писанъ подъ его диктовкой.... но по обыкновенію никогда не хвалитъ, а напротивъ, споритъ и порицаетъ все то, что другимъ нравится. Въ Русской Литературѣ *левъ* не имѣетъ голоса — онъ говоритъ, что онъ *ничего не читаетъ*, но если пріятель его или родственникъ пустился, изъ тщеславія,

въ авторское ремесло — то *льву* можно сказать объ ихъ сочиненіяхъ : on dit que ce n'est pas mal (*говорятъ*, что не дурно) и рѣшительно провозглашаетъ, что всѣ Русскіе критики : des gens de mauvaise compagnie (люди, не принадлежащіе къ хорошему обществу), и что только хвалитель родственника или пріятеля : bon enfant! — О государственныхъ сановникахъ, о людяхъ заслуженныхъ *левъ* не говоритъ въ обществѣ : онъ почитаетъ себя выше всѣхъ, и не удостоиваетъ другихъ даже порицаніемъ. *Левъ* всегда говоритъ громко съ мущинами, и въ полголоса съ женщинами, чтобъ показать свою фамиліярность съ ними (intimité) — и только въ маскарадѣ онъ возвышаетъ голосъ, чтобъ всѣ слышали, какія остроты и нѣжности отпускаетъ онъ замаскированной женщинѣ.

Читаютъ ли *львы?* — иногда! Вообще настоящій *левъ*, pur sang, знаетъ нѣсколько иностранныхъ языковъ — и по-Русски говоритъ только по необходимости, не имѣя ни малѣйшаго понятія о правилахъ. Большая часть *львовъ* или изъ хорошей фамиліи или принадлежатъ къ семействамъ, недавно вышедшимъ въ люди, что у насъ все равно, если оно принято въ высшемъ кругу — или дѣти людей богатыхъ — хотя и безъ родословныхъ. Многіе изъ *львовъ* бывали за границей, и, какъ говорится, *обтерлись* въ свѣтѣ между опытными людьми, и наслушались разныхъ умныхъ вещей. *Левъ* съ первой встрѣчи никогда не покажется вамъ глупымъ, хотя бы у него было менѣе разсудка, чѣмъ у строуса! Множество готовыхъ, отшлифованныхъ фразъ лежатъ у него всегда въ запасѣ, въ головѣ, на всякій случай — и онъ всегда ловко ихъ издерживаетъ, превосходно зная знаменитую науку : à propos (кстати), и условія общества; — и потому, съ перваго взгляда онъ всегда возьметъ преимущество передъ умнымъ человѣкомъ, и тѣмъ болѣе передъ ученымъ. А есть ли умные люди между *львами?* — Почему же нѣтъ! Случается!.... Мы уже сказали, что *львовство* есть только выходка тщеславія.... Помните, что Алкивіадъ и Октавій — были если не *львами*, то *повѣсами* своего времени, — а они были очень умны, и если наши *львы* кажутся вамъ смѣшными и странными, то они не виноваты, что Французы выдумали такой смѣшной образецъ для подражанія — а выдумывать въ царствѣ моды, мы сами *не можемъ!* Явно-глупъ только *устарѣлый левъ*, т. е., человѣкъ, который состарѣвшись не отсталъ отъ привычекъ юношескихъ лѣтъ! Тутъ даже и тщеславіе не можетъ послужить въ оправданіе. Впрочемъ бо́льшая часть *львовъ* — добрые ребята.... они готовы услужить пріятелю, проподчивать послѣднюю копѣйку, проиграться до тла, и если иногда не платятъ долговъ портнымъ, сапожникамъ, хозяевамъ извощичьихъ дворовъ, Французскому ресторатеру, магазинщикамъ и за квартиру — и занимаютъ деньги, гдѣ только можно занять — не воз-

вращая никогда, какъ развѣ при сильномъ выигрышѣ, то это происходитъ не отъ дурнаго сердца — а просто отъ финансовой системы, которой слѣдуютъ *львы* отъ древнихъ временъ, занимаясь болѣе *расходами* нежели *доходами*.

Львы иногда женятся — но никогда по любви, а всегда по разсчету. Быть влюбленнымъ въ жену — *левъ* почитаетъ mauvais genre, (т. е. неприличнымъ свѣтскому человѣку). — Влюбиться въ благородную дѣвицу — почитается глупостью, если при этомъ нѣтъ надежды уплатить долговъ послѣ женитьбы — и жить доходами жены. Волочиться, какъ было встарину, за вдовушкой или замужней кокеткой, *льву* некогда, потому что онъ всю жизнь посвящаетъ общественной жизни, т. е., своему туалету, прогулкамъ, визитамъ, обѣдамъ, ужинамъ, театрамъ, маскарадамъ, концертамъ, баламъ, вечерамъ, карточной игрѣ — и кромѣ того обществу холостяковъ.... Для прислуживанія дамамъ есть мужья, наивные кузены, женихи, пріятели мужей.... *Левъ* думаетъ только о своей особѣ, одному себѣ служитъ и вѣритъ, что все въ мірѣ существуетъ — pour ses menus plaisirs, т.е., для его мелочныхъ наслажденій....

Ни какое перо и ни какая кисть не изобразятъ *походки* и *взгляда* настоящаго *льва!* — Кажется, если бъ на тротуарѣ Невскаго Проспекта выставили пушки, заряженные картечью — *левъ* прямо пошелъ бы на пушки — потому что онъ никому не уступаетъ дороги, и только для знакомой дамы поворачивается на бокъ, позволяя ей пройти мимо. Всунувъ руки въ карманы своего пальто или сюртука, надѣвъ шляпу ровно съ волосами, чтобъ лобъ не былъ закрытъ, левъ идетъ мѣрнымъ шагомъ, закинувъ голову, съ вставленною между бровью и щекою маленькою роговою лорнеткою, отъ которой черная ленточка виситъ до груди — и взглядъ его выражаетъ mépris souverain pour le genre humain, т. е., высокое презрѣніе къ роду человѣческому. Ни одинъ Римскій тріумфаторъ не входилъ такъ гордо и величаво въ Капитолій, какъ *левъ* входитъ въ кофейню Ислера, если ему захотѣлось укрѣпить силы рюмкою ликера, или въ магазинъ à la Renommée — за бѣлыми перчатками, поглощающими третью часть доходовъ *львиныхъ!*.... Кажется, и шкафы въ магазинѣ должны посторониться передъ *львомъ!*.... Онъ никогда не освѣдомляется о цѣнѣ, беретъ вещь, и бросаетъ ассигнацію, спрашивая: довольно ли? Если ему даютъ сдачу — онъ бросаетъ мѣдь на сторону, а серебро, золото и бумажки загребаетъ въ горсть, и кладетъ небрежно въ карманъ.... Не *львы* созданы для денегъ, а деньги для *львовъ!*

Когда нѣсколько *львовъ* обѣдаютъ въ ресторацiи — слуги въ суетахъ, хозяинъ въ хлопотахъ, поваръ въ отчаяньѣ. — По принятому, однажды, правилу, *левъ* не можетъ ничего хвалить, а если онъ обѣдаетъ не въ долгъ, а на наличныя деньги — тогда

ничѣмъ нельзя угодить ему. За то, когда у *льва* есть деньги — онъ бросаетъ ихъ безъ счета — и тогда хозяину есть изъ чего и хлопотать! Безъ денегъ *левъ* только ворчитъ про себя.... и ѣстъ, порицая столъ и вина.... когда хозяина ресторации нѣтъ въ комнатѣ.

Это слабый очеркъ настоящаго *льва*, чистой крови, pur sang, какъ выше сказано, *льва* Африканскаго, который отличается отъ Парижскаго *льва* только лѣнью своею и отвращеніемъ отъ *молодечества* и гимнастики. Но есть *львы* низшей породы, нѣчто въ родѣ Американскихъ ягуаровъ (Jaguar), которые передъ настоящимъ Африканскимъ *львомъ* то же, что кошка передъ тигромъ. Эти *ягуары* или Американскіе *львы* человѣческой породы, присвоивъ всѣ ухватки настоящихъ, Парижскихъ *львовъ* — и даже страсть ихъ къ лошадямъ, разнятся отъ *львовъ* чистой крови тѣмъ, что живутъ и питаются нечистою добычею. Неизвѣстная рука сыплетъ имъ золото изъ рога изобилія, меблируетъ квартиру, платитъ за лошадей и экипажи — и сюрпризомъ возвращаетъ уплаченные счеты ремесленниковъ и магазинщиковъ. Одного изъ этихъ *ягуаровъ* описалъ Евгеній Сю, въ новомъ своемъ романѣ: *Парижскія тайны*, подъ именемъ Виконта де Сенъ-Реми. — Свѣтъ иногда удивляется, какимъ образомъ раззорилась такая-то старушка или безобразная женщина, живя скромно, управляя осторожно своими дѣлами.... Мало ли что сокрыто для свѣта! А, впрочемъ, какое кому дѣло до чужаго достоянія!.... Охаютъ одни наслѣдники!..... Съ этими *львами* Американскими, настоящіе *львы* въ публикѣ не знаются, и если иногда заѣзжаютъ къ нимъ попить и поѣсть или занять денегъ.... то это дѣлается только *изъ милости* и снисхожденія.

Но гдѣ есть *львы* — тамъ должны быть и *шакалы*. Вы знаете, что *шакалъ* есть Африканское животное, похожее на собаку, которое ходитъ безпрестанно за *львомъ*, въ пустынѣ, и живится остатками его добычи. Если вы въ степяхъ увидѣли *шакала*, то знаете навѣрное, что по близости есть *левъ*, а если услышали ревъ *льва* — то непремѣнно въ окрестностяхъ должно быть стадо *шакаловъ*. За *львами* человѣческой породы слѣдуетъ также, всегда, стадо той же породы *шакаловъ*. — Это мелкіе чиновники, перенимающіе пріемы *львовъ*, и ихъ наружность, присматриваясь къ нимъ въ канцеляріи; молодые купчики, для которыхъ отцы запасаютъ милліоны, копирующіе *львовъ* на гульбищахъ, въ театрѣ, маскарадѣ, концертѣ и въ ресторации; отставные прапорщики, проживающіе отцовское наслѣдіе; иностранные сидѣльцы магазиновъ и конторщики, или сынки богатыхъ Петербургскихъ ремесленниковъ.... Тяжеле всѣхъ бѣдному, мелкому чиновнику, который долженъ скупать на Щукиномъ Дворѣ одежду *льва*, бѣгать за нимъ пѣшкомъ, чтобъ подмѣтить новую манеру

или ухватку, и въ театрѣ ждать въ корридорѣ его выхода. Послѣдніе, кровные пять рублей, несетъ *шакалъ* въ ресторацію, когда тамъ обѣдаютъ *львы,* чтобъ присмотрѣться, какъ они сидятъ за столомъ, какъ ѣдятъ и пьютъ — и послѣ повторить это въ Палкина трактирѣ или въ Отель-дю-Норъ! Какъ тяжело этому бѣдному чиновнику управляться съ Французскимъ языкомъ, которому онъ учится *наединѣ,* по книгѣ, называемой *Самоучителемъ!* Какъ у него болитъ къ вечеру щека и бровь отъ рыночной лорнетки! Но онъ все терпитъ мужественно въ Первой Адмиралтейской Части, въ надеждѣ вознаградить себя блистательнымъ торжествомъ на Пескахъ, въ Коломнѣ, на Охтѣ, на Выборгской или Петербургской Сторонѣ! Тамъ на него смотрятъ изъ оконъ, тамъ онъ первый на балѣ, на вечерѣ, тамъ онъ учитъ товарищей мыть бѣлые перчатки, надѣвать манжеты, завязываетъ имъ галстухъ — кричитъ громко: bon jour, mon cher!.... въ контрадансѣ говоритъ очень мило дамѣ: il fait beau temps — хотя бы дождь лилъ какъ изъ ведра — словомъ, въ своемъ кругу, на галереѣ и въ мѣстахъ за креслами, въ танцклассахъ, и т. п., *шакалъ* слыветъ *львомъ* — и счастливъ, пока экзекуторъ не объявитъ ему, что за лѣность ему велѣно подать въ отставку, а казначей не скажетъ, что онъ все свое жалованье уже выбралъ — и что ему ничего не приходится....

О богатыхъ *шакалахъ* мы не станемъ распространяться. Имъ шьютъ платье и сапоги тѣ же портные и сапожники, что и настоящему *льву*.... Богатые купчики и ремесленники имѣютъ даже лучшіе жилеты и галстухи, чѣмъ *львы* чистой крови.... Богатые *шакалы* имѣютъ кредитъ, и даже лучше принимаются у актрисъ.... въ маломъ кругу.... но все таки *шакалъ* — *шакаломъ*, а *левъ* — *львомъ* — и даже неопытный глазъ, съ перваго взгляда видитъ неизмѣримое пространство, ихъ раздѣляющее. — Вы спросите меня: нужны ли *львы* и *шакалы* въ обществѣ? — Непремѣнно нужны! — Безъ нихъ какъ же можно было бы отличить въ обществѣ умнаго, благовоспитаннаго юношу или молодаго человѣка, который съ любовью къ наукамъ, къ словесности, къ изящному стремится къ тому, чтобъ быть полезнымъ человѣчеству и отчизнѣ, не пренебрегая притомъ благородными наслажденіями жизни и повинуясь свѣтскимъ приличіямъ! — Такихъ молодыхъ людей, конечно, не много — но вѣдь улицы мостятъ не алмазами!....

Нашы *львы* и *шакалы* не кусаются — такъ пусть себѣ живутъ спокойно!

КОНЕЦЪ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 30 Марта 1843 года. Ценсоръ П. Корсаковъ.


2007081619